Biblioteka dialogu

ФИЛОСОФ УЁМОВ

Под редакцией

Анджея Горальского и Арнольда Цофнаса

Составители:

Леоненко Л. Л., Терентьева Л. Н., Цофнас А.Ю.

Warszawa 2014

Wydawnictwo Universitas rediviva

Wydawnictwo współfinansowane ze środków
Akademii Pedagogiki Specjalnej na badania naukowe

Redaktor
Albina Owczynnikowa

Opracowanie edytorskie
iMPR Jacek Król

Skład
Leonid L. Leonienko, Arnold J. Cofnas

Druk i oprawa
Sowa Sp. z o.o.
ul. Hrubieszowska 6a
01-209 Warszawa

ISBN:
978-83-929503-8-7

Copyright
Odeskie Seminarium Ogólnej Teorii Systemów,
Akademia Pedagogiki Specjalnej w Warszawie

Słowo wstępne

Pamięci naszego druha i współredaktora książki „Filozof Ujomow" –

Arnolda Jurewicza Cofnasa (*5.IX.1937 – $^{+}$26.IX.2014) – filozofa, logika i metodologa nauki, doktora habilitowanego, profesora, kierownika Katedry Filozofii Odeskiego Uniwersytetu Politechnicznego.

Arnold Cofnas był przyjacielem, jednym z najwybitniejszych uczniów oraz kontynuatorem Avenira Iwanowicza Ujomowa. Kontynuacja ta – po śmierci A.I. Ujomowa – znalazła swój wyraz między innymi w kierowaniu pracami Odeskiego Seminarium Ogólnej Teorii Systemów, seminarium, którego uczestnicy rozwijali i nadal rozwijają idee Ujomowa.

Arnold Cofnas, jak nikt inny, dostrzegał znaczenie i wartości tych idei. Będąc humanistą, zarówno z wykształcenia (historyk), jak i z ducha, jasno uświadamiał sobie znaczenie formalnych metod logiki i matematyki w analizach problemów filozoficznych. Stosując finezyjnie i udatnie ogólną parametryczną teorię systemów oraz język opisu ternarnego uzyskał interesujące i ważne wyniki zarówno w dziedzinie epistemologii (teoria poznania), ontologii (klasyfikacja „warstw" tej teorii), aksjologii, jak również w innych obszarach filozofowania.

Należąc do „szkoły Avenira Ujomowa", pozostał samodzielnym filozofem i uczonym, człowiekiem o encyklopedycznej wiedzy, przedkładającym oraz uzasadniającym nowe, oryginalne idee i skutecznie stosując je w rozwiązaniach problemów nad którymi pracował.

Arnold Cofnas był wyróżniającym się wykładowcą, ulubieńcem studentów. Mawiał do swych uczniów: „Jeśli nie jesteś w stanie wyjaśnić złożonego problemu filozoficznego także uczniowi klasy piątej, to jest to dowodem, że ty sam nie do końca problem rozumiesz". Książki i podręczniki autorstwa Arnolda Cofnasa są wzorcami tego, jak można, bez zbędnych

uproszczeń, wyłożyć trudne zagadnienie filozoficzne w sposób interesujący i zrozumiały.

Arnold Cofnas wychował kilku uczniów – filozofów profesjonalistów. Tak więc seminarium Arnolda Cofnasa jest kontynuowane, rozwijając dzieło prekursorów.

Arnold był uczciwym, przyjaznym dla innych i skromnym człowiekiem, „żyjącym" filozofią i nauką.

Straciliśmy wybitnego filozofa i oddanego przyjaciela, mądrego i dobrego, prawdziwego człowieka.

Cześć jego pamięci!

Andrzej Góralski i Leonid Leonienko

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7
ЖИЗНЬ ФИЛОСОФА....9
А. Ю. Цофнас ФИЛОСОФ УЁМОВ....10
И. В. Дмитревская НАЧИНАЮЩИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ А. И. УЁМОВ 39
Л. Н. Сумарокова ОДЕССКИЙ ПЕРИОД НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. УЁМОВА....43
О. С. Кирилюк Авенір Уйомов: УКРАИНЦЫ! Почему вы не РАЗГОВАРИВАЕТЕ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ? 54
Э. М. Хакимов МОИ ВСТРЕЧИ С АВЕНИРОМ ИВАНОВИЧЕМ УЁМОВЫМ....65
ПАМЯТИ ФИЛОСОФА....70
А. Горальский 0АТТРАКТОР ДЛЕНИЯ 70
Л. Н. Терентьева РЕЛЯЦИОННАЯ И АТРИБУТИВНАЯ СТРУКТУРА В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ....84
Л. Н. Сумарокова КАТЕГОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 97
С. М. Повторева ОНТОЛОГІЯ СТРУКТУРНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ: ДИСКУРС КЛАСИЧНИЙ І НЕКЛАСИЧНИЙ 116
О. В Наконечна ДОСВІД ЗАСТОСУВАННЯ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ У МИСТЕЦТВОЗНАВЧОМУ ДОСЛІДЖЕННІ....130
В. А. Филипповский С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ОТ ДИСТАНЦИРОВАННОГО УЧЕНИКА 140
Л. Л. Леоненко О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ АНАЛОГИЙ А. И. УЁМОВА 161
Е. Ю. Погонченкова РОЛЬ ОБРАЩЕНИЯ К АНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ А. И. УЁМОВА 175
УЁМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ....181
А. И. Афанасьев НАРРАТИВ КАК СИСТЕМА....181
С. Г. Воробьев АВЕНИР УЕМОВ – АВТОР МЕТАФИЗИКИ 185
В. В. Готинян-Журавльова АНАЛІЗ СПОСОБУ СТВОРЕННЯ КЛАСИФІКАЦІЙ В РАМКАХ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ....186
А. С. Демичева КАЧЕСТВО ВЕЩИ И ЕГО ПРИРОДА В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ А. И. УЁМОВА....189
Д. С. Докучаев ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА А. И. Уёмова и И.В. Дмитревской В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ....194
Е. М. Иванова СИНТЕЗ ЦЕННОСТЕЙ 196
О. В. Лаврецова КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ....197
Л. Л. Леоненко ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ....203
Д. Н. Ляшенко ФОРМАЛЬНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ КОММУНИКАЦИИ 212

Э. И. Мартынюк ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ КОНВЕРГЕНТНЫХ И ДИВЕРГЕНТНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ 216
С. М. Недопитанська РОЗВИТОК ЛОГІЧНОГО МИСЛЕННЯ ДІТЕЙ ДОШКІЛЬНОГО ВІКУ І СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧНИЙ АНАЛІЗ 218
А. А. Нерубасская ДЕСКРИПТОРНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ СОБЫТИЙ 221
С. О. Павлюк ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА 225
Е. С. Петриковская ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. И. УЁМОВА И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ 226
Б. В. Плесский СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ 227
С. Повторева ОБРАЗНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. УЁМОВА 229
Ю. В Попова ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ 232
К. В. Райхерт Л. ФОН БЕРТАЛАНФИ – А. И. УЁМОВ: МОДЕЛЬ, АНАЛОГИЯ, СИСТЕМА 235
Н. П. Савусин КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ ПРОСТОТЫ-СЛОЖНОСТИ СИСТЕМ В ЯЗЫКЕ ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ 239
Л.Н. Терентьева НОВЫЙ ОБРАЗ СИЛЛОГИСТИКИ В КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ «СООТНЕСЁННОЕ-ОБОЮДНОЕ» И В ДВОЙСТВЕННОМ СИСТЕМНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ 241
Е. А. Тимощук ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ Р. ИНГАРДЕНА И СИНЕРГЕТИКА 244
Ф. А. Тихомирова ЛОГИКО-СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 246
А. Ю. Цофнас ДИФФЕОМОРФНЫЕ СИСТЕМЫ 247
Е. Н. Шелестова УЁМОВ И СОКОЛОВ: СИТЕЗ ИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА 248
Г. В. Штаксер СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ ЯТО И ИХ ФОРМАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ 249
И. А. Янушевич ТЕОРЕТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ 252
APPENDIX 257
Уёмов А. И. ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА «ЗА РЮМКОЙ ЧАЯ» (публикация Цофнаса А. Ю.) 257
В. И. Фалько ОДЕССЕЯ 280
СПИСОК ТРУДОВ А. И. УЁМОВА 318
Примечания для авторов 371

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена памяти выдающегося философа, логика и методолога науки, автора нескольких сот научных трудов, профессора, действительного члена Международной академии науки, промышленности, образования и искусства, академика нескольких академий –Академии истории и философии, естественных и технических наук, Украинской академии экономической кибернетики, Международной академии организационных и управленческих наук Авенира Ивановича Уёмова (1928-2012). Он родился, учился и стал философом в России, а последние почти полвека работал в Одессе, а потому его можно считать и русским, и украинским ученым. Под его руководством около 40 его учеников защитили диссертации и в России, и в Украине, и в Германии.

Это был действительно, выдающийся философ – тем более выдающийся, что начало его творческой деятельности пришелся на не самые легкие для занятий философией годы, на время идеологического господства марксизма, а точнее говоря, диалектического и исторического материализма. Но даже в те годы, когда никому не было дозволено организовывать какие-либо философские движения и особые направления, когда это расценивалось, в лучшем случае, как ревизия «вечно молодого и всесильного учения», даже и тогда в Советском Союзе можно было услышать о «школе Уёмова». Контролирующие духовную жизнь общества органы об этом знали, но смотрели на это сквозь пальцы: считалось, что Уёмов занимается всего лишь формальной (а отнюдь не «диалектической»!) логикой, а от этой логики трудно было ожидать идеологических подвохов.

Предлагаемая книга неоднородна по составу. Мы решили поместить в нее неформально написанную биографию А. И. Уёмова, отдельные воспоминания о нем, труды

его учеников и учеников его учеников, в том числе тезисы выступлений на «Уёмовских чтениях» – конференциях, которые проводятся в Одессе ежегодно в начале апреля, в день рождения Авенира Ивановича. Кроме того здесь приведены отдельные работы не прямых учеников Уёмова, но тех, кто интересовался его идеями и занимался смежными проблемами. Некоторые работы содержат критику или продолжение дискуссий с Авениром Ивановичем, а это, по нашему мнению, и есть свидетельство того, что его идеи продолжают жить.

Наконец, здесь впервые публикуются одна его очень старая, записанная (как говорится, «за рюмкой чая») еще в советские времена, беседа на вольные экзистенциальные темы, а также часть шутливой эпической поэмы – в духе Гомера – о самом А. И. Уёмове, написанная человеком, который Уёмова знал и испытал его влияние.

Составители и редакторы этой книги, один из которых – ученик Авенира Ивановича, а другой хорошо его знал и совместно с ним развивал идеи универсализма, хотели бы, чтобы читатель в полной мере оценил творчество неординарного человека и мыслителя, подлинного философа.

Все материалы публикуются на языке оригиналов, с сохранением авторского стиля и идей. В тексты внесены незначительные сокращения и поправки грамматического или фактического характера. Сведения об авторах этих материалов, а также об упоминаемых в них лицах, внесены редакторами, и помещены в подстрочных сносках.

А. Горальский, А. Цофнас.

ЖИЗНЬ ФИЛОСОФА

А. И. УЁМОВ

Авенир Иванович Уёмов ушел из жизни в 2012 году. Это был неординарный мыслитель, Философ с большой буквы, педагог, что называется, от Бога, человек с активной жизненной позицией. Он опубликовал громадное количество монографий, брошюр, учебных пособий, журнальных и газетных статей на разных языках – от русского и украинского до английского и китайского. Но дело даже не в количестве публикаций, а в том, что после него осталось множество плодотворных, в первую очередь, методологических идей. А идеи, как известно, в отличие от книг, «не горят». Ими сегодня пользуются отнюдь не только философы, но и специалисты в самых различных областях знания.

Основная часть публикуемой ниже биографии была написана в 2008 году, к 80-летию А. И. Уёмова, во многом на основе его рассказов, а потому носит неформальный характер. Авенир Иванович этот текст читал и сделал некоторые поправки фактического характера. А потом он ответил на ряд вопросов биографического характера. Его ответы публикуются ниже. Думаю, это было его последнее интервью. После того в текст были внесены некоторые изменения и добавления, вызванные тем, что жизненный путь этого человека, увы, окончен, а также тем, что он продолжал работать и после интервью, фактически, до последнего дня своей жизни.

А. Ю. Цофнас

ФИЛОСОФ УЁМОВ

Любого ли человека можно научить «любви к мудрости» – вопрос спорный. Во всяком случае, родители, отправляя любимое чадо учиться, вполне могли бы сказать «Иди, набирайся ума-разума», но вряд скажут «Иди, и обрети любовь к мудрости». Склонность к мудрости, к тому, чтобы все на свете, и даже саму философию, рассматривать не иначе, как с метауровня, – с этим, скорее всего, надо родиться. А потом еще и культивировать это качество всю оставшуюся жизнь.

Расскажу о творческом пути философа Авенира Ивановича Уёмова.

Писать о нем одновременно и легко, и очень непросто. Легко, потому что Уёмов меньше всего похож на такого мало доступного мыслителя, который сидит в склепе и всем своим видом показывает, что «один для него – десять тысяч, если он наилучший», а сам разговор с ним вынуждает тебя смущенно заикаться. Любой студент, да и любой одессит, мог с ним познакомиться – если не на лекции в университете, если не на заседании Одесского философского общества, то хотя бы по выступлению на телевидении. С ним можно было поговорить и просто на улице, и за «рюмкой чая». «Уёмов? Как же, знаю, мы с ним как-то в трамвае разговорились. Ничего особенного он мне не сказал, я и сам думал точно так же». Возникает эффект «аберрации близости»: какой же это *философ*, если мы с ним на прошлой неделе в трамвае болтали.

И все же писать о нем трудно, как вообще трудно писать о всяком оригинальном мыслителе: как бы самонадеянно берешь на себя обязательство не только понять неординарного человека, но еще и оценить его идеи! Так что я заранее отказываюсь предлагать читателю аналитическую биографию ученого или назидательный рассказ о том, как достичь мудрости. Максимум, что я могу здесь

предложить, так это описание некоторых характерных эпизодов биографии и упрощенное изложение отдельных, надеюсь все же, ключевых, идей.

Поиск пути. Вряд ли склонность к философии была у Вени Уёмова наследственной. Он родился в 1928 году в обычной семье – у мамы-счетовода и папы-сапожника в деревне Поречье Шуйского района Ивановской области, может быть самой русской области в России. Ясное дело, никакого особого воспитания в детстве ему не давали. Не было в те поры ни элитных школ, ни авторитетных репетиторов. Разве что Веня получил несколько мудрых советов у своего отчима, пока тот не стал, еще до войны, узником и смертником ГУЛАГа. Был ли мальчик вундеркиндом? Трудно сказать. Боюсь, что в его семье слово это вообще не было известно. Если чем и выделялся среди сверстников, то тем, что был толстым, а значит – насмешки ребят, избыток одиночества, чтение и мечты о несбыточных подвигах. О чем мечталось? Не о философии, конечно. В 1935 году судьба забросила семью во Владивосток, а там – море-океан. Мечтал о дальних странствиях, о морских сражениях, много читал об этом. Немного находилось таких же знатоков морской истории и военно-морских сражений.

Учился хорошо, читал запоем, но… по своему выбору, как сказали бы в Одессе, «за интерес», а не по тогдашним тоталитарно единым школьным требованиям. Втайне Веня даже пишет сатирические стихи на школьные порядки. Итог – бегство из школы после 7-го класса. Сначала попытался попасть в военно-морскую школу, но туда его не пустила медицинская комиссия. Пошел в морской техникум. Но там необычный, самолюбивый и самонадеянный мальчишка, который «слишком много знал», увы, оказался не ко двору. Проучившись один год, несостоявшийся 15-летний капитан поступил в Политехнический институт. В институте удивились. Желая, может быть, отделаться от

назойливого недоросля, сказали: вот если в течение трех месяцев выдержишь экзамены по всем школьным предметам за 8–10 классы, то примем. И он… сдал. Более того, сдавать экзамены экстерном ему понравилось. Появился вкус к самообразованию. Возникло ощущение хозяина своей судьбы и возможность победы над сверстниками.

Первое, чему он научился в Политехническом институте, это... пропускать лекции. Они ему казались пустой тратой времени. Зачем отсиживать от звонка до звонка положенные часы в аудитории, когда все это можно найти в книгах? В 16 лет он делает, может быть, первую в своей жизни попытку подняться на метауровень – пишет проект реформы образования (к которому потом будет неоднократно возвращаться в течение 50 лет!). Основная идея проекта – самостоятельная работа учащегося. Но самообучение требовало осознания собственного интереса. Больше других предметов молодой студент интересовался математикой – общим языком наук, а вот технические дисциплины привлекали его гораздо меньше. Но нечаянно обнаружилась и еще одна возможность подняться над обыденностью. Однажды прочитал в библиотеке книгу К. Гельвеция с интригующим названием «О человеке». Так возник интерес к философии. Студент-технарь стал читать и другие книги, например, двухтомную «Историю философии», что, правда, не помешало потом «завалить» зачет по основам марксизма-ленинизма. Впрочем, экзамены, раз таковы были правила игры, сдавал все же вполне успешно.

Однако пока еще слабо осознаваемое стремление к обобщающему мышлению явно побеждало интерес к приземленным прикладным дисциплинам. При этом Веня верит в свои силы, в магическую силу самообразования. И вот после второго курса он оставляет Владивосток и не без приключений (ведь тогда еще шла война с Японией) отправился поступать не куда-нибудь, а сразу в Московский государственный университет. Принят, конечно, не был – кого тогда интересовал, пусть даже неординарный,

паренек еще школьного возраста, у которого, к тому же, не было даже московской прописки? Что было делать? Не возвращаться же с позором назад! Но фортуна ему улыбнулась. Его приняли студентом в Институт аэрофотосъемки, геодезии и картографии, дали общежитие и… возможность возобновить попытки поступления в МГУ.

Ни на механико-математическом, ни на физическом факультетах Московского университета сдать экзамены экстерном не разрешили. Зато декан философского факультета – скорее всего, чтобы отвязаться от назойливого паренька – неожиданно сказал, что вообще-то место есть, да только… не на первом, а на втором курсе. Вот, мол, если хочешь, то можешь попробовать... сдать экзамены по всем предметам за два семестра, но в течение 2 недель! Что ж, с экстремальными ситуациями Веня уже сталкивался, все экзамены, к удивлению экзаменаторов, выдержал, и в 1946 году он становится студентом философского факультета, который заканчивает через три года – с отличием и даже с рекомендацией поступать в аспирантуру Института философии АН СССР.

Можно ли было еще в студенческие годы заметить, что Уёмов – человек нестандартный, творческий? Пожалуй, да. Это, конечно, проявлялось в первых научных работах. Но и в обычной жизни обнаруживалось стремление посмотреть на всякие «правила игры», как говорят, с высоты птичьего полета. С этой позиции сами эти правила выглядели довольно абсурдными. По-видимому, в целях воспитания социалистического коллективизма в послевоенные годы были приняты обязательные коллективные посещения театральных постановок и кинофильмов. Ну, сходил разок-другой, разумеется, с последующим обсуждением, а в очередной раз предпочел кинотеатру библиотеку. Вот за то, что был не такой, как все, однажды он на комсомольском собрании получил выговор – с весьма странной по нынешним временам формулировкой: «за уход в науку и отрыв от группы». Правда, затем, буквально по гомеопа-

тическому принципу «лечить тем же, от чего заболел», выговор был снят: «за отличную учебу и успешную защиту дипломной работы».

В аспирантуру Авенира Уёмова приняли на своем же факультете, на кафедру логики, где он в 24 года защитил кандидатскую диссертацию. Докторская будет защищена также по логике в 36 лет, в 1964 году, когда А. И. Уёмов работал уже в Одессе.

Почему все же выбор аспиранта пал не просто на философию, которая сама по себе претендует на особое положение в духовной культуре, но на то, без чего сама философия немыслима, – на логику? И не просто на логику, а именно на те ее разделы, которые могут быть использованы для уточнения традиционно нечетких, качественных рассуждений самих философов? Вероятно, тогда ему думалось, что логика открывает дорогу к анализу и самого философского знания, с точки зрения, как теперь сказали бы, метафилософии.

Его занимала такая мысль. Когда говорят о прогрессе, почти всегда имеют в виду научно-технический прогресс. Наличие его очевидно и неоспоримо. Но не менее очевидно и то, что такой прогресс был бы недостижим, если бы не удалось достичь более или менее однозначного согласования действий людей. Именно наука выработала многочисленные средства такого согласования – от математического до технологического. Однако в общественной и личной жизни взаимопонимание и поиски однозначности сегодня остаются такими же трудными, как и 30 веков назад! А проблема человека? Почему-то, несмотря на тысячи рецептов счастья, данных умными людьми всех прежних времён, включая того же Гельвеция, «сумма счастья» как будто не увеличивается. Гуманитарные проблемы сегодня решаются так же «на ощупь», как и во все прошедшие времена, наличие здесь прогресса спорно.

Еще студентом Авенир Уёмов понял, что наскоком эту проблему не решить. Прежде всего, надо научиться

выражать более строго то, что на естественном языке обычно передают многозначными словами, а то и метафорами. Следует посмотреть, нельзя ли как-то повысить надежность философских выводов. Начиная с 1947 года, его не оставляет мысль о разработке формального аппарата для этих целей. Это, так сказать, стратегическая задача. А вот в качестве практической цели, для диссертации, можно взять задачу попроще, например, проблему, которая и раньше привлекала внимание логиков – повышение достоверности выводов по аналогии.

Кандидатская диссертация «Аналогия в современной технике» защищалась не гладко. Были высказаны сомнения в философском характере диссертации – мало, мол, цитат и ссылок на труды классиков марксизма. Другое обвинение, не менее страшное – в «космополитизме»: слишком много ссылок на работы западных («буржуазных»!) логиков. И все же (хорошо, что при тайном голосовании) большинство членов Совета проголосовало «за».

После окончания аспирантуры Авенир (теперь уже – Авенир Иванович) вернулся на свою «малую родину» – работает в Иванове, совсем близко от г. Шуя, в котором родился. Сам он считает ивановский период жизни едва ли не самым плодотворным в творческом отношении. Там он готовит докторскую диссертацию. Работая в Иванове, Уёмов выступает (как бы дико это теперь не звучало, но такие были времена, и на это нужна была смелость!) в защиту теории относительности А. Эйнштейна и кибернетических идей Н. Винера. Там же у молодого философа, по его признанию, возник и общий замысел общей теории систем.

Защита докторской диссертации состоялась через 12 лет после защиты кандидатской. К этому времени ситуация в обществе изменилась, чувствовалось наступление пресловутой «оттепели» – и к докторской работе «Вещи, свойства и отношения и теория выводов по аналогии» уже никто не приклеивал идеологические ярлыки. Оппониро-

вали такие известные философы, как В. Ф. Асмус, П. В. Копнин, А. А. Зиновьев, и защита прошла блестяще.

Структура универсума. У теоретической основы докторской диссертации – книги «Вещи, свойства и отношения» (М.: АН СССР, 1963) оказалась довольно счастливая судьба. Ее неоднократно переводили на иностранные языки, а в те годы для советской философской работы это было удивительно. Книга выдержала испытание временем, и через полвека на нее все еще «идут» ссылки, хотя тираж по тем временам был скромным, и переизданий не было. Чем это объяснить? Может быть, впервые после Аристотеля понятиям вещи, свойства и отношения был возвращен статус философских категорий. Было показано, в частности, что по структурным проблемам всегда существовало целых семь философских позиций – в зависимости от признания первичности одной или пары из этой тройки категорий, либо признания их всех равноправными. А различия между этими семью философскими «партиями» ничуть не менее важны, чем так много обсуждавшаяся в отечественной литературе борьба между материализмом и идеализмом.

Сам автор книги занял «тернарную» позицию: вещи, свойства и отношения – это не разные типы бытия, а, скорее, аспекты одного и того же. Как и его любимый мыслитель Аристотель, Уёмов следует за гибкими структурами естественного языка. Было предложено различия между данными категориями считать не более чем функциональными. Скажем, что такое «брат»? Слово может указывать и на объект, которому приписано некоторое свойство, например, «старший», но оно может обозначать и свойство некоторого Ивана, или отношение, установленное между Иваном, и Петром. Оказалось, что тернарная точка зрения гораздо лучше, чем остальные шесть, позволяла осмыслить проблемы физики XX века и тогда еще недавно возникшей кибернетики, не говоря уже о том, что в новом свете пред-

ставали пути развития логики и характер ряда ее проблем. Первой областью, где традиционные рамки исследования были Уёмовым существенно раздвинуты, стала область человеческого познания – оно невозможно без моделирования, а моделирование, в свою очередь, неразрывно связанно с выводами по аналогии.

Аналогия и моделирование. В двух, связанных единым замыслом, монографиях, написанных по материалам обеих его диссертаций, – «Аналогия в практике научного исследования» (М.: Наука, 1970) и «Логические основы метода моделирования» (М.: Мысль, 1971) – Уёмов использует категориальный базис вещей, свойств и отношений, и предлагает оригинальный способ выражения структур выводов по аналогии. Он исследует различные типы аналогий в философии, в классической и современной физике, включая термодинамику, оптику, теории электричества и магнетизма, специальную и общую теорию относительности, квантовую механику, теорию элементарных частиц, а также аналогии в истории математики (дифференциальное исчисление, аналитическая геометрия, проективная геометрия, геометрии неэвклидова типа, теория чисел, высшая алгебра), а так же в истории технического моделирования и в кибернетике. Вот когда пригодились негуманитарные «заходы» студента Уёмова! Все это завершалось классификацией выводов по аналогии и классификацией моделей, а их оказался не один десяток, многие из которых никем ранее не были описаны.

И все же… Исследование аналогий еще не было достаточно универсальным, не давало возможности рассматривать *любые* проблемы, в том числе и те, где объект интересует нас непосредственно, без какого либо переноса информации с модели на прототип, как это имеет место при моделировании. То ли дело понятие «система» и системный подход: разве есть хоть одна вещь в мире, которую нельзя было бы представить в системном виде? Да

и само наше мышление разве не считается ущербным, если оно бессистемно?

«Системы повсюду!» Восклицание это принадлежит не Уёмову, а известному биологу Л. фон Берталанфи, почитаемому в качестве основателя общей теории систем. Но на самом-то деле Берталанфи создал не *общую*, а *обобщенную* теорию: ведь он перенес знания о биологических системах (главным образом, организмах и популяциях) на некоторые другие области. «Системы» в его смысле можно было обнаружить отнюдь не везде: Берталанфи не стал бы рассматривать как системы то, что называют системой чисел, или треугольником, или звездной системой. Аналогичным образом поступали и многие другие авторы, с той только разницей, что обобщение шло от математики, физики и иных, уже известных и оснащенных своими методами, дисциплин. В конце концов, системы обнаруживались вроде бы всюду, но, во-первых, только в соответствии с предлагаемым системщиком от данной дисциплины определением, а во-вторых, везде были и объекты, системами не признаваемые. Системщики как бы делили универсум мира на непересекающиеся множества систем и не систем. При этом всегда можно было бы спросить, не является ли любая такая «не-система» все же системой в каком-то ином, не предполагаемом автором смысле. По Уёмову же не мир делится на системы и несистемные “конгломераты”, а *любой* предмет может пониматься и как одно, и как другое – в зависимости от способа его представления. И дело даже не в «представлении» как умственном конструкте. Ничто не мешает думать, что если речь идет об объективно существующем предмете, то и любая из систем, построенных на этом субстрате, также существует объективно, отличаясь от иных систем только относительно: выбором аспекта, в котором этот предмет рассматривается.

Системный подход к исследованию объектов как систем открывал новые горизонты. В конце 60-х годов при кафедре философии Одесского государственного университета была открыта лаборатория, где А. И. Уёмов с группой сотрудников и аспирантов доводил идею понимания любых объектов как систем до уровня общей *теории* систем. Для определения вещи в качестве системы требуется сначала зафиксировать «концепт» – смысл, в котором данная вещь понимается. Затем указывается некоторая «структура» (т.е. либо отношения, либо набор свойств, которые соответствуют этому концепту). И лишь в последнюю очередь сама вещь предстаёт в виде «субстрата» – материала, на котором осуществляется системное представление и который либо членится на элементы, либо предстает неразделенным. Кроме философских категорий свойства, отношения и вещи, для столь универсального понимания мира понадобилась еще одна тройка философских понятий: «определенное», «неопределенное» и «произвольное». Ведь речь идет о *произвольной* вещи, которая понимается как система, *о какой-нибудь* (не обязательно единственно возможной) структуре и о совершенно *определенном* (зафиксированном предварительно) концепте.

Такое определение «системы» оказалось очень удобным для собственно системного исследования вещей. Теперь стал возможным не просто анализ непосредственно данных свойств и отношений произвольной вещи (вроде таких, например, как масса, цвет, скорость, заряд, темперамент, сообразительность, господство и т.д.), но и специфически системных. К числу именно системных характеристик, т. е. требующих предварительного системного представления, были отнесены такие, как однородность, завершенность, стабильность, надежность, упорядоченность, уникальность, целостность и ряд других. Им придавались определенные значения – значения системных параметров. Проведя гигантскую эмпирическую работу по установлению корреляции разных значений системных па-

раметров, в лаборатории системных исследований удалось сформулировать несколько десятков системных закономерностей и обнаружить их практическое применение. Из множества публикаций на эту тему Авенира Ивановича и его учеников назову только фундаментальную работу самого Уёмова: «Системный подход и общая теория систем» (М.: Мысль, 1978).

Но одесским системщикам не дает покоя мысль, что полученные закономерности носят эмпирический характер. Эти обобщения имеют все недостатки любых эмпирических закономерностей, а, кроме того, несут на себе следы многозначности естественного языка, в котором они были выражены. Профессор Уёмов возвращается к той проблеме, о которой думал еще студент и аспирант Уёмов. Нет подходящего языка для решения столь универсальных задач, которые, которые, к тому же, как правило, не имеют количественных формулировок. На создание такого языка, если вести счет не от замысла, а от первых публикаций, ушло более 30 лет[1].

Язык тернарного описания. Учитывая то обстоятельство, что какую угодно, произвольную вещь можно понять как систему, формальный язык должен был со-

[1] Вот только те из них, в которых можно найти все 4 варианта языка тернарного описания: *Уёмов А. И.* Об одном варианте логико-математического аппарата системного исследования // Проблемы формального анализа систем. – М.: ВШ, 1968.– С. 42-68; *Уёмов А. И.* Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 95-141; *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978; *Уёмов А .И.* Основы формального аппарата параметрической общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1984. – С. 152-180. Последний вариант, с некоторыми усовершенствованиями, опубликован в США: *Uyemov Avenir I.* The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory // Int. J. General Systems. – Part 1. – 1999. – Vol. 28 (4-5). – Pp. 351-366; Part 2. – 2002.– Vol. 31 (2). – Pp. 131-151; Part III. – 2003. – Vol. 32 (6). – Pp. 583-623.

ответствовать представлениям Уёмова об универсальной структуре бытия. Это значит, что возможности нового языка не должны исчерпываться задачами только системных исследований. В основу «языка тернарного описания» (ЯТО́) были положены две упомянутые тройки философских категорий: 1) вещь, свойство и отношение и 2) определенное, неопределенное и произвольное. Был принят, как сказано, принцип не абсолютного, а функционального различения в каждой из этих троек понятий. Причем, в соответствии с первоначальной идеей относительно того, что вещи, отношения и свойства различимы лишь контекстуально, в ЯТО они выражаются синтаксически, а вторая тройка составила семантику этого языка.

80-е годы XX в. Семинар во дворе Ин-та экономики. Обсуждение ЯТО

Здесь не место излагать ЯТО со всеми его особенностями и возможностями применения. Скажу только, что Уёмовым и небольшой группой его научных сотрудников (двадцать лет, с 1973 по 1993 год он возглавлял отдел системных исследований в Одесском институте экономики АН Украины) было предложено множество логических новинок. И по сей день эти новинки традиционными логиками принимаются «со скрипом» – пожалуй, обычная судьба всего нового в науке. Но как бы то ни было, после создания ЯТО стало ясно, что это принципиально новое исчисление, и что это событие не рядового масштаба. Возможно, предыдущими вехами на этом пути были исчисление высказываний (в интерпретации Уёмова – «исчисление вещей»), логика Аристотеля («исчисление вещей и свойств») и логика отношений («исчисление вещей и отношений»). Юношеская мечта – задача более четкого выражения качественных суждений, в том числе о добре и зле, о вере и знании, о счастье и справедливости, о тоталитаризме и либерализме и др. – как будто приблизилась к своему осуществлению.

Школа. В советские времена даже само упоминание о чьей-то «философской школе» вызывало подозрение в политической неблагонадежности. У всех была одна «школа» – универсальный марксизм-ленинизм. И все же после так называемой «оттепели» 60-70-х гг., если не в официальной печати, то на научных конференциях о школах стали говорить все чаще. В их числе «школа Уёмова» упоминалась обязательно.

2003 г. Слева направо, *1 ряд*: сын Сергей, А. Уёмов, Л. Терентьева, О. Николенко, Г. Поликарпов, Л. Сумарокова; *2 ряд*: А. Кравчик, А. Могиленко, А. Цофнас, Л. Леоненко, Н. Бородина, М. Оганесян, Н. Савусин, А. Чайковский

И в самом деле, десятки лет еженедельно собирался системный семинар, который посещали студенты, аспиранты и уже имеющие своих аспирантов ученики А. И. Уёмова. В научной печати можно найти труды учеников Уёмова по дальнейшему развитию системного подхода. В их числе работы по анализу различных специфически системных характеристик (параметров) и системных закономерностей, статьи по аналогии и ЯТО. Большое количество публикаций посвящено применению системного подхода не только в самой философии, но и в самых различных областях знания – в логике, лингвистике, политологии, физике, юриспруденции, культурологии, истории, математике, химии, информатике и других. Такая широта подхода обусловила тесное сотрудничество школы Уёмова с рядом философских организаций, в частности, с поль-

ским отделением Всемирного общества универсализма, которое уже много лет возглавляет проф. А. Горальский. Конечно, не все ученики в равное мере восприняли идеи своего учителя, но все восприняли творческий настрой учителя, хотя и пошли своими путями. Но разве бывает иначе?

Жизнь как система. И все же философ Авенир Уёмов меньше всего походил на ученого, одержимого одним только желанием реализовать навязчивый студенческий замысел – свою idée fixe. Это совсем не так. Более того, при поверхностном взгляде на громадный список трудов Уёмова может показаться, что он много «разбрасывался». Среди его публикаций были и гражданси смелое выступление в защиту шельмуемой когда-то кибернетики, и десятки острых статей по самым разным проблемам собственно философии, и по философским вопросам естествознания, по логике, и по методологии науки. Нельзя обойти вниманием и такие популярные книжки, как «Истина и пути ее познания», «Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить», «Машина и мысль», «Что такое материя и каково ее строение», «О временно́м соотношении причины и действия». Я уже не говорю о множестве газетных статей. И не говорю об активном участии в работе со школьниками – в качестве президента Малой Академии наук в Одессе, множестве публичных выступлений.

Никогда у Авенира Ивановича не угасал интерес и к политической жизни. В 1968 г. он, заведующий кафедрой философии Одесского государственного университета, написал протест против вторжения советских войск в Чехословакию и отдал его секретарю парткома. После этого отношение и парткома, и ректора к почитаемому доселе философу резко изменилось. Возможно, именно тогда было принято решение отдалить «неудобного» педагога от студентов. В результате через некоторое время Авенир Иванович оказался на чисто научной работе в Одесском

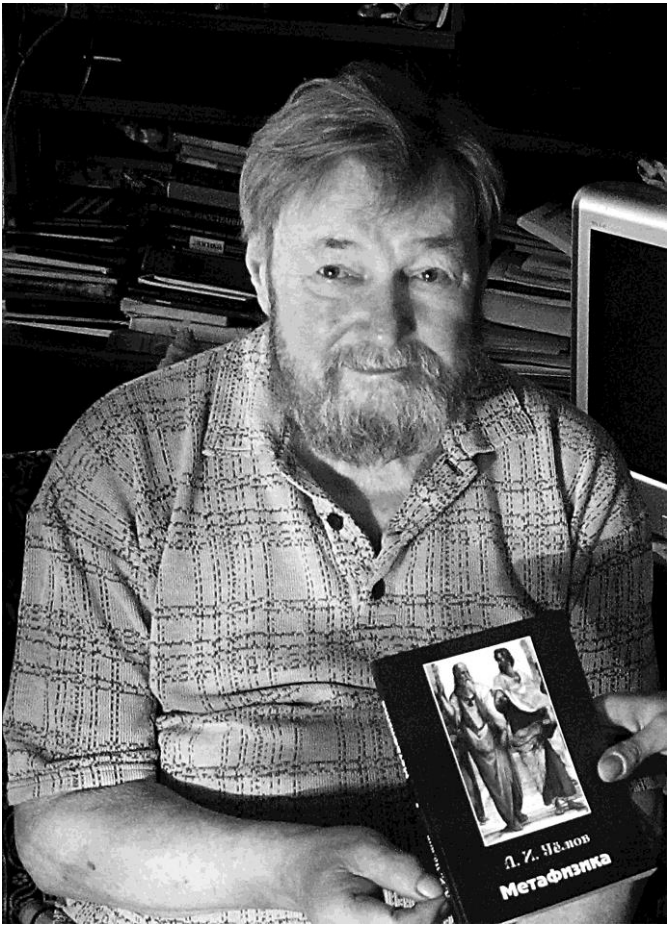
институте экономики. Но и позже профессор Уёмов находил возможность активно выражать свои демократические убеждения. Достаточно сказать, что в период горбачевской перестройки почти все будущие демократические партии начинали свою деятельность с Одесского философского общества, которым руководил А. И. Уёмов. Он избирался сопредседателем одесской организации «Руха», широкого в те поры демократического движения. Одесские газеты того времени опубликовали и множество его статей политического характера.

Однако за деревьями отчетливо виден лес. Отчетливо виден стержень духовной жизни этого неординарного человека, а точнее говоря, тот самый «концепт», соответственно которому подбирался некоторый способ (структура или, если хотите – «рецепт») жизни, а уж события-элементы случаются как бы сами собой. Концепт личной жизни – это и есть то, что делает жизнь осмысленной и относительно целостной, если этот концепт не упускают из виду. Не это ли мы и называем «целостной личностью»? Чего действительно не было в жизни этого человека, так это научных трудов или поступков, противоречащих духовным установкам.

Вряд ли одно только следование цели само по себе непременно делает человека мудрым. Но зато верно обратное: путь к мудрости невозможен без системной организации своего мышления и всей жизни. Никто не становился Философом случайно и нечаянно. Хотя все здоровые люди способны к системному мышлению, большая философия требует чего-то большего – может быть, как раз этой самой способности к сознательной концептуализации. Плюс концентрация внимания и готовность работать всегда и везде для продвижения к своей цели, не забывая все же, что жизненный мир не сводим ни к каким, пусть даже самым высоким, целям. Можно ли этому научить всех и каждого? Не знаю, не знаю…. Для этого мы и приглядываемся

к биографиям нестандартных людей, про которых уже не встает вопрос, состоялись ли они.

Последние годы жизни. Авенир Иванович болел почти всю жизнь. Еще смолоду у него был обнаружен диабет. Несколько раз врачи пытались «подсадить» его на инсулин, но он не соглашался – искал свои способы снизить уровень сахара в крови. Он умер меньше чем через два месяца после того, как отметил свое 84-летие, 29 мая 2012 г. Почти до последнего дня он работал. Опубликовал несколько статей. Последней, опубликованной при жизни, книгой оказалась «Метафизика» (Одесса, 2010). Она адресована студентам философского факультета, но значение ее, конечно же, намного шире. Книга построена вокруг анализа онтологии Аристотеля. Для этого анализа использованы системный подход и язык тернарного описания. Как всегда, оригинально и с максимальной четкостью определен ряд традиционных философских категорий, а также те из них, на которые философы долгое время не обращали внимания. Значительное место в книге занимают вопросы о метафизических основаниях философской антропологии и теологии – это разделы о сущности человека, о смысле жизни, о добре и зле, творчестве, счастье и об отношении к Богу. А не об этом ли Философ Уёмов думал всю жизнь?



ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

– Авенир Иванович, в Вашей биографии, которую я подготовил, наверняка окажутся многочисленные пробелы и неточности. Не могли бы Вы их отметить, а заодно – рассказать, например, о своем детстве? Ведь говорят, что детство, особенно раннее, накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Причем, важны и детали, порой именно они весьма существенны.

– Пожалуйста. Начну с того, что моего дедушку по отцовской линии раскулачили. В нашем доме устроили детский сад. Родители должны были перебраться в город – в Шую, где отец стал работать сапожником, а мама – учиться на курсах счетоводов. Одно из ранних детских воспоминаний – боль. Когда папы не было дома, я решил помочь ему делать обувь. Взял острый нож и резанул им по пальцу. Фактически, отрезал часть пальца. Закричал так, что мама услышала, находясь в соседнем доме. А вот другое воспоминание. Мне купили деревянную лошадку, и я отправился на ней в путешествие. Меня нашли в нескольких кварталах от дома.

Когда мне было пять лет, семья переехала в г. Вятку, где были лучшие условия для работы отца и матери. Мама там получила должность бухгалтера в педагогическом институте. В Вятке я пошел в первый класс. Там я стал «ударником по школе» (сохранилась фотография именно с таким названием, на ней – несколько девочек и я). В декабре 1934 г. Вятка, в связи с убийством С. М. Кирова была переименована в г. Киров.

Однажды мама спросила меня, хочу ли я поехать далеко-далеко. Я, конечно, захотел. И вскоре мы действительно отправились. Ехали очень долго, пока не приехали к какому-то дому, на котором было написано ХАБАРОВСК. Здесь меня мама познакомила с мужчиной и сказала: «Вот тебе, Венечка, новый папа». Я возразил: «Это не мой папа. Мой папа остался в Вятке. А это – дядя». Звали этого дядю Леонид Иванович, Значит, он был «дядя Леня». Впоследствии мы с ним поладили. Он был человеком культурным, развитым, оказывал на меня благотворное влияние. Я мог обращаться к нему с различными вопросами. Например, мог позвонить ему по телефону на работу и спросить, кто такой Багратион.

– Вы хорошо учились в школе?

– Не всегда. Помню, мама оставила меня в Хабаровске, а сама уехала во Владивосток улаживать какие-то де-

ла. Тогда-то я стал плохо учиться. Когда мама вернулась, то внятно объяснила мне, что учиться надо хорошо. Я с ней согласился, и стал учиться хорошо, но уже во Владивостоке. Там я даже получил премию за третий класс – книгу английского писателя Гринвуда «Маленький оборвыш», которая произвела на меня огромное впечатление.

Однажды я проснулся и увидел маму заплаканной. Дядю Леню арестовали. Далее помню огромную очередь у тюрьмы, мы в этой очереди стояли, чтобы отдать передачу для дяди Лени. Это был не 1937 год, не ежовщина, а уже 1940-й – более мягкое, «гуманное» управление Берии. Вспоминается так же, как мы ездили в концлагерь, который находился в районе бухты Находка. В этот лагерь был заключен дядя Леня. Помню и нашу последнюю встречу. Помню его мудрые советы, которые он давал мне, будучи уже узником ГУЛАГа. Он старался зародить во мне любовь к путешествиям. И это у него получилось! Его отправили на Колыму, где он и погиб.

– А известно ли Вам, за что Ваш отчим был арестован?

– Впоследствии мама узнала от знакомых историю ареста дяди Лени. Эта история – красноречивое свидетельство того «порядка», который был в стране во времена Сталина. Директор треста, в котором работал дядя Леня, хотел присвоить большую партию леса. Но нужно было, чтобы документ был подписан главным бухгалтером, которым был дядя Леня. Он наотрез отказался это сделать. Тогда директор позвонил кому-то в КГБ и сообщил, что он разоблачил «врага народа», который проживает по такому-то адресу. Директор вспомнил, что во время одного совместного застолья дядя Леня выражал сомнения по поводу правильности изложения событий Октябрьского переворота 1917 года в книге «История гражданской войны в СССР». Этого, конечно, было вполне достаточно, чтобы признать дядю Леню безусловным врагом народа.

– Арест дяди Лени как-то сказался на Вашей судьбе?

– Напрямую он на мне никак не отразился. Мама не оформляла развод с моим отцом, поэтому я и не мог считаться «сыном врага народа». Я продолжал хорошо учиться, выполняя завет дяди Лени. Помнится, когда я сдавал экзамен по географии, учительница пригласила директора, чтобы продемонстрировать мои успехи. В школе я стал увлекаться мировой литературой: Шекспир, Гете, Шиллер, Пушкин, Бальзак, не говоря о Жюле Верне и Майн Риде. Однажды мама решила узнать, что же я читаю, и пришла в ужас: ее взгляд упал на скабрезные, как ей показалось, строчки Шекспира. И мне пришлось оправдывать Шекспира перед мамой.

– А как у Вас складывались отношения со сверстниками?

– Летом мама отправляла меня в пионерский лагерь, и тогда наставали тяжелые времена. Дело в том, что я был толстоватым мальчиком, что делало из меня предмет насмешек и даже травли. Особенно усердствовали девочки. Они, помнится, подбегали ко мне и дразнили: «Жира-пуп, жира-пуп, жиромясокомбинат!», да еще и щипали при этом. А я не знал, что мне делать, т. к. мой отчим строжайше запрещал мне бить девочек. Однажды я сидел перед палатой, ожидая, когда же, наконец, девочки уснут, и плакал. Пионервожатая, проходя мимо, спросила меня, почему я плачу. Я ей все рассказал. Она мне посоветовала: «А ты ее ударь, ту, которая станет снова приставать!». Я был очень удивлен. «А что, разве девочек можно бить?». «Можно,– ответила вожатая,– а иногда даже нужно!». – «Но они ведь прибегут к Вам жаловаться!» – «А мы им добавим!».

Я до сих пор помню этот свой удар. Девочка была страшно удивлена. И… все кончилось. Мигом все стало известно всем, и больше ни одна девочка меня не дразнила. К сожалению, с пионервожатой я больше не встречался. А мне бы расцеловать ее в знак благодарности за то, что она для меня сделала.

– Сказалась ли война на Вашей дальнейшей учебе? Тогда не только на фронте, но и в тылу жилось нелегко.

– После окончания семилетней школы летом 1942 года я поступил в военно-морскую спецшколу, в лагере которой провел все лето. Но затем я попал на медкомиссию, которая, используя «тесты Рабкина», определила у меня неправильное цветоощущение. И я был отчислен из спецшколы. Пришлось поступить в морской техникум. Кстати, позже, уже в МГУ, мне вновь пришлось иметь дело все с теми же «тестами Рабкина». Однажды я увидел объявление: «Лаборатории требуются люди с дефектом цветового зрения». Я обрадовался: это была возможность подработать. Но меня ожидало разочарование. Проверив меня всё на этих самых тестах, мне сказали, что в отношении зрения я совершенно нормален.

– А как в техникуме складывались отношения со сверстниками – ведь эти ребята росли в условиях безотцовщины. Как они воспринимали парнишку, читавшего Шекспира и Гете?

– К сожалению, сначала отношения складывались не лучшим образом. Там меня били, теперь уже всерьез, били в самом буквальном смысле. В техникуме сложилась студенческая мафия, которая считала своим долгом всех держать в страхе, а я не хотел покоряться. Но однажды я встретил знакомого, который сказал мне, что во Владивостоке есть такое учебное заведение – Дальневосточный политехнический институт (ДВПИ), в котором нет никакой мафии. Там студентов не бьют, а только учат. И мне захотелось в этот институт. После окончания первого курса морского техникума, летом 1943 года, я пришел в приемную комиссию ДВПИ и попросил принять меня. Надо мной посмеялись: вот сначала закончи свой морской техникум, попади в заветные 5% лучших выпускников, и тогда мы тебя, может быть, примем. Я чуть не плакал. Одному члену комиссии стало жалко меня, и он сказал: «Ладно, принеси аттестат об окончании средней школы».

Хотя такого аттестата у меня не было – ведь за плечами только семилетка,– я вышел окрыленный. У меня в запасе было целых 3 месяца! За это время можно было бы сдать экзамены экстерном. Половину отпущенного срока я думал потратить на английский язык, который мне плохо давался. Английским я решил заниматься с преподавателем. А математические предметы давались мне легко. Основная трудность, думал я, – предметы типа органической химии: там надо было запомнить огромное количество формул всяческих реакций.

– Но ведь это почти неразрешимая задача – за 3 месяца пройти 3 класса школы!

– Было трудно, даже очень трудно. Но я не пасовал, находил выход. Например, значительную часть органической химии изложил стихами – так было легче ее запомнить. Кое-что помню и до сих пор. «Давай возьмем дибромпропан, бром с краешков находится. Подействуем мы натрием, и бром он отберет. Получим мы молекулу с цепью новой, замкнутой. Циклопропан, триметилен названье веществу».

И вот я начал сдавать экзамены экстерном при 1-й Центральной школе, где нашел полное понимание со стороны завуча этой школы, спасибо ему. Сдаю химию, получаю великолепную пятерку. На всю тригонометрию за 10-й класс у меня было всего несколько часов. Сдал ее тоже на 5 баллов, как и все остальные предметы математического цикла. Единственная четверка была по… истории. Экзаменовал меня по этому предмету сам директор школы, он не смог поставить «этому выскочке» пятерку. Сдав экзамены за 8-й, 9-й и 10-й классы, я узнаю, что этого не нужно было делать – достаточно было сдать только за 10-й…

Но дело уже сделано, я с аттестатом об окончании средней школы иду в ДВПИ. И здесь – о ужас!.. – получаю отказ. По существующим правилам я оказался слишком молод для поступления в ВУЗ. Нужно было ждать еще 2 года! Меня выручила решительная поддержка со сторо-

ны единственного тогда профессора ДВПИ – Шумкина. Благодаря его защите я и был зачислен в августе 1943 года в число студентов этого вуза.

– Все хорошо, что хорошо кончается! С этого времени жизнь Ваша вошла в нормальное русло?

– Увы, нет! Трудности подкрались ко мне совсем с неожиданной стороны. Дело в том, что я дико, без памяти влюбился. Чтобы «доказать» свою любовь Тамаре (так ее звали), я как-то поджег бумагу и сунул в огонь свою руку. Она подождала, чем это дело кончится, а потом сказала: «Бросьте эти глупости!». И – ушла, оставив меня несчастным.

Я пытался подавить в себе это чувство уже привычным для меня способом – сдавал экзамены экстерном. Потом стал заниматься научной работой. И заинтересовался организацией педагогического процесса. Написал «Письмо преподавателям ДВПИ» – о методике преподавания. Письмо тогда получило высокую оценку со стороны Всеволода Тихоновича Быкова – председателя методической комиссии. Так прошел год. Начался второй….

– А все же почему Вы так и не окончили политехнический институт?

– Знания, которые я получал в институте по математике и физике меня не удовлетворяли. Я стал подумывать о переезде в Москву, а именно в МГУ. К концу второго курса появилась еще одна причина, почему я захотел учиться в МГУ. Сдав экзамены экстерном, я получил уйму свободного времени, которое тратил в библиотеке. Там как-то нашел книгу К. Гельвеция «О человеке». Я удивился: как можно писать о «человеке»? Возьми зеркало и смотри. Но, открыв книгу, не смог от нее оторваться. Читал в столовых, трамваях, всюду. Потом прочитал критику Гельвеция, исходящую от Д. Дидро. И стал записывать свои мнения по спорным вопросам. Это было уже дорогой к философии. Я стал подумывать о поступлении еще и на

философский факультет. Для этого опять-таки нужно было ехать именно в МГУ.

– Легко сказать «ехать в МГУ», но как это можно было выполнить в 1945 году, когда война еще не кончилась, – несовершеннолетнему парнишке перебраться из Владивостока в Москву, без особых, как я понимаю, средств к существованию, да и без уверенности в том, что Москва раскроет ему свои гостеприимные объятия? И как Ваша мама отнеслась к этому авантюрному проекту?

– Я оформился в качестве сопровождающего лица при инвалиде Отечественной войны Василии Лужко. Мы бы могли выехать сразу после победы над Германией, но помешала война с Японией. Мама одобрила наш проект, так как сама хотела вернуться в Европу. И вот мы выехали. Приехали в Москву в сентябре, под гром салютов – праздновалась победа над Японией. В МГУ я сразу пошел к декану мехмата. Он сказал мне, что учебный год уже начался, поступать на факультет поздно, но посоветовал мне, раз уж я приехал, поступить в Институт аэрофотосъемки, геодезии и картографии, где было много математики и откуда со временем было возможно перевестись в МГУ. Я последовал этому совету, и был принят в этот институт с распростертыми объятиями – там был недобор студентов. Лекции я там посещал только по военному делу, т. к. военная кафедра постоянно жаловалась на студентов, не посещающих лекции. А тем временем… сдавал экзамены экстерном по предметам философского факультета. Но… последовали выговоры за непосещение занятий, а за ними и приказ об отчислении из института. И я пошел к декану философского факультета с просьбой, чтобы меня приняли на первый курс, а экзамены за первый семестр я уже сдал экстерном. Декан посмотрел на меня и сказал: «На первом курсе у нас свободных мест нет, а есть, увы, только на втором. Вот если сдадите в эту сессию экзамены за 2-й и 3-й семестры, мы вас зачислим сразу на второй курс». Экзамены я сдал, и в феврале 1946 года был зачислен на второй курс, одна-

ко, без предоставления общежития. Общежитие, правда, мне все же предоставили, но не деканат, а студенческий комитет. Так я стал полноправным студентом философского факультета.

– А пригодились ли Вам на философском факультете знания, полученные прежде по физике и математике?

– Да. Я был избран председателем научного студенческого общества. Помню, я организовал большую дискуссию по книге Э. Шредингера «Что такое жизнь? С точки зрения физика». В дискуссии участвовали студенты философского, биологического и физического факультетов.

– Такой способный студент должен был бы без особых проблем поступить в аспирантуру.

– Я окончил философский факультет в 1949 году. Получил диплом с отличием и, действительно, был рекомендован в аспирантуру Института философии АН СССР, в сектор философии естествознания. Но в аспирантуру Института философии я всё же не попал. Дело в том, что при поступлении я должен был заполнить анкету, а там спрашивалось, «входил ли я в состав Временного правительства 1917 года». Ну, я и ответил на этот вопрос с юмором, а это глубоко возмутило представительницу КГБ в отделе аспирантуры. Сталинский режим к шуткам относился с подозрением. И женщина сказала свое «нет». Хлопоты заведующего сектором И. В. Кузнецова и даже нового директора Института философии академика Г. Ф. Александрова не помогли. Я вернулся на факультет в удрученном состоянии. Но здесь я встретил заведующего кафедрой логики П. С. Попова, который предложил мне поступать в аспирантуру на его кафедру. Я согласился. Тут же был оформлен протокол сдачи экзамена, и я был принят. Для диссертации, по совету аспиранта Натана Годера, я взял тему «Аналогия в современной технике». Руководителем стал профессор В. Ф. Асмус. И работа закипела.

– На этом Ваши «приключения» закончились?

– Не совсем. В работе случались перерывы. Один перерыв был, в частности, связан с событиями вокруг аспирантки Пантелеевой, которую исключали из комсомола (а это означало, что из аспирантуры тоже). Дело в том, что аспиранты кафедры логики подрабатывали уроками в школе. И вот один из учеников Пантелеевой заявил, что она «давала ему почитать Гитлера». Потом, правда, оказалось, что речь шла всего-то о брошюре советского издания «Откровения фашистских людоедов». Это был один грех аспирантки. Второй был связан с тем, что какой-то прохожий попросил ее перевести объявление в окне американского посольства. Пантелеева и перевела: «Такого-то числа – День Организации Объединенных Наций. Это – ваш день». Об этом случае она затем рассказала кому-то на факультете. Вот за это ее и нужно было исключить из комсомола. Я решил голосовать «против». Но она так каялась, так поливала помоями тех, кто ее защищал, что я решил воздержаться. Оглянулся – кроме меня, воздержался только Годер. Так образовалась «группа Уёмов – Годер», которую тоже надо было обсудить и осудить, что и было сделано на аспирантском собрании, которым руководил известный логик Е. К. Войшвилло. Бедный Евгений Казимирович! Он не знал, что с нами делать, и потихоньку спустил это дело «на тормозах».

– А не могли бы Вы рассказать какие-то подробности своей защиты кандидатской диссертации – ведь, кажется, она проходила не очень гладко?

– Диссертация, я думаю, вышла у меня хорошая. Были получены новые результаты. И вдруг – гром среди ясного неба. Официальный оппонент – Павел Сергеевич Попов отказывается быть официальным оппонентом. А надо сказать, что в Советском Союзе было тогда только два профессора по логике – П. С. Попов и А. Ф. Асмус. Асмус – мой научный руководитель, а Попов отказывается. Значит, защита не может состояться, и все мои труды насмарку! Я приуныл. Но здесь мне в голову пришла блестящая

мысль. Ведь диссертация называется «Аналогия в современной технике», а значит, оппонентом у меня может быть кто-то со стороны специалистов по современной технике! Я тут же побежал в Энергетический институт им. Кржижановского. И вот я в кабинете его директора – академика Кирпичева. Академик принял меня очень хорошо. Удивился тому, что философ умеет писать формулы. Вызвал профессора Баума и сказал ему: «Будешь официальным оппонентом».

И вот сама – защита. Блестящие отзывы официальных оппонентов – профессора Баума и кандидата философских наук А. С. Ахманова Потом начались прения. Неожиданно П. С. Попов обвинил меня в преклонении перед иностранщиной (а надо сказать, что в стране как раз разворачивалась кампания «против космополитизма и преклонения перед Западом»). Ему возражал В. Ф. Асмус. Профессор Ф. И. Георгиев сказал, что диссертация не имеет теоретического характера, так как мало цитат классиков марксизма. Но все же эти выступления не имели особенно большого значения. Голосование было таким: против – 1, остальные – за. Так я стал кандидатом наук.

– Почему же Вы после защиты не остались работать в Москве?

– Мне предлагали остаться в Москве. Но я понимал, что Москва – это бесконечная борьба, а наукой там некогда будет заниматься. Поэтому предпочел Иваново, где уже работала моя жена. Там было спокойнее.

– И что же, удалось ли Вам хотя бы в Иванове заниматься «чистой наукой»?

– Вскоре после приезда в Иваново я прочитал очередной пасквиль против кибернетики. Решил написать ответ и направить его не куда-нибудь, а в журнал «Коммунист», наиболее авторитетный журнал в те времена. В ответ последовало долгое молчание. Потом, наконец, пришел ответ: «По независящим от нас причинам опубликовать не можем». Мой ответ на пасквиль был опубликован в «Уче-

ных записках» Ивановского пединститута под названием «Реальный смысл проблем кибернетики и их извращение в буржуазной науке» – примерно в то же время, как и серия статей других авторов в защиту кибернетики, опубликованных в журнале «Вопросы философии».

Ну, а дальнейшая моя жизнь проходила на глазах моих аспирантов.

– Спасибо Вам за откровенную беседу.

И. В. Дмитревская

НАЧИНАЮЩИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ А. И. УЁМОВ

Немного осталось тех, кто помнит А. И. Уёмова начинающим преподавателем…

Я поступила в Ивановский пединститут, на филологический факультет в 1955 году, и на втором курсе, в 1956 году, мы слушали курс формальной логики у молодого доцента, выпускника МГУ, Авенира Ивановича Уёмова. Лектору приходилось нелегко. Актовый зал, заполнен студентами, в основном студентками, двух потоков – филологами и историками, а лектор – молодой человек, очень застенчивый, высоким фальцетом говорит что-то об Аристотеле и силлогизмах, закатывает глаза, умоляюще складывает руки: «Логика, товарищи...». «Товарищи» иронически поджимают губы, гудят, в аудитории шумно. Мы оценили преподавателя логики позднее – уже на семинарах. Желая зас*ы*пать молодого зазнайку, некоторые «товарищи», ссылались на непонимание. Мы заставляли преподавателя чертить па доске огромное количество кругов Эйлера, выражающих отношения по объему между понятиями *искусства, литературы, русской литературы, литературы XX века, художественной литературы, произведения искусства, произведение литературы* и т. д.

Начинающий преподаватель покорно вычерчивал круги, ни разу не споткнулся, не ошибся, не сбился, даже не переспросил задания и, когда энтузиазм въедливой студентки иссяк, спросил: «Ну, все?..» На доске не оставалось чистого места, она вся была заполнена кругами

разной величины. Еще позднее мы опять оценили его по достоинству, когда сдавали экзамен по логике. Какие горизонты исследования языка и литературы открывались нам, когда лингвистические и литературоведческие проблемы ставились и решались на языке логики! Как всё интересно и ново! Эта работа была поистине творческой: мы сами делали открытия, а не компилировали чьи-то точки зрения, почерпнутые из критической литературы.

Наиболее увлечённые логикой студенты стали членами логического кружка, «логишника»: в него входили, в основном, студенты-филологи разных курсов, но были студенты и других факультетов. Помню Э. Клементьеву, А. Кочергина, Л. Калинникова, Л. Цветкову, Э. Воробьёву, Л. Сумарокову. Членом «логишника» была и я. Темы докладов выбирались совершенно нетривиальные, бесполезно было спрашивать, где почитать об этом: литературы не существовало, кроме, разве, первоисточников. Всё нужно было делать самому: и ставить проблему, и решать ее, и добираться до самой сути, и рафинировать идею. Были даны только предмет труда – лингвистический или литературоведческий материал и орудие – логика; сам промесс и его результат –самобытное творчество студента. А какие были замечательные темы докладов: «Логика юмора», «Детская логика», «Мыслит ли художник силлогизмами?», «О противоречащих и противоположных понятиях», «Логические основания слитного и раздельного написания частиц со словами», «Психология логических ошибок» и т. п. На основе наших студенческих докладов в 1961 году в Москве был издан сборник «Логико-грамматические очерки»[1].

А. И. Уёмов работал в Ивановском пединституте с 1952 по 1964 год, последние годы заведовал кафедрой философии, затем переехал жить в Одессу, взяв с собой аспи-

[1] Логико-грамматические очерки / Под ред. Л. Б Баженова., А. И. Уёмова, В. Г. Фарбера.– М.: Высшая школа, 1961.– 259 с.

рантов-ивановцев Л. Сумарокову, Л. Терентьеву, Ю. Зуева, В. Плесского, Е. Жаркова. В Одессе оформилась уже Одесская школа системных исследований. Её членами стали не только ивановские ученики А. И. Уёмова, но и одесские аспиранты и преподаватели – В. Костюк, И. Матковская, И. Попова, Л. Курчиков. Позднее активными участниками системологического движения стали А. Цофнас, И. Сараева, Н. Савусин, Л. Леоненко и многие другие. Целью системологического движения было построение Общей теории систем и разработка формального языка тернарного описания – ЯТО. А. И. Уёмов и его ученики явились создателями одного из вариантов теории систем – Параметрической общей теории систем. Заметим, что в мире существует всего четыре оригинальные общие теории систем – Л. фон Берталанфи, М. Месаровича, Ю. Урманцева, А. Уёмова.

Я была аспиранткой А. И. Уёмова с 1962 года, но по семейным обстоятельствам не смогла перевестись в Одессу; заканчивая аспирантуру в Ивановском пединституте, бывала в Одессе частыми наездами, всегда была в курсе научных новостей. Оставалась, и остаюсь, приверженцем методологии системного подхода, широко применяю её в герменевтике, анализе научных и художественных текстов. Постепенно определились контуры новой области герменевтического анализа – системной герменевтики. Ее основания изложены в монографии «Научный текст: опыт системологического исследования», работе «Текст как система: понимание, сложность, информативность», докторской диссертации «Методологические проблемы исследования текста как системы», главах коллективных монографий и в статьях. Работая на кафедре философии Ивановского государственного университета, после защиты кандидатской диссертации – преподавателем и доцентом, а после защиты докторской диссертации в 1989 году – профессором, включилась в проблематику кафедры фило-

софии «Происхождение и сущность сознания» и «Ноосферные исследования».

А.И. Уёмов. Одесса, 1986 г.

Л. Н. Сумарокова

ОДЕССКИЙ ПЕРИОД НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. УЁМОВА

Авенир Иванович Уёмов, тогда доцент Ивановского пединститута, был приглашен для участия в конкурсе на замещение вакантной должности зав. кафедрой философии Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова (ОГУ) в 1964 г. по совету директора института философии АН УССР акад. П. В. Копнина. Новому заведующему удалось объединить значительную часть аспирантов и сотрудников кафедры вокруг общей темы – философских проблем системных исследований. Этому способствовало то, что в Одесский университет был переведен ряд аспирантов А. И. Уёмова, которые вместе с прежними аспирантами, оставшимися без руководства после смерти Н. Э. Овандера, составили достаточно сильный творческий коллектив.

Уже в 1964 г. одесситы смогли выступить сплоченной группой на Всесоюзном симпозиуме по логике и методологии науки в Киеве. Их доклады были сосредоточены в основном вокруг одной из важных проблем системных исследований – проблемы сложности.[1]

Философской основой того направления системных исследований, которое начало развиваться в Одессе, явилась концепция взаимосвязи между категориями «вещь», «свойство» и «отношение» изложенная в книге «Вещи, свойства и отношения». В 1965 г. эта книга переводится на немецкий и издается в Берлине, что способствует между-

---

[1] Логика и методология науки. IV Всесоюзный симпозіум. Киев, июнь 1965.– М., Наука, 1967. См. доклады *А. И. Уёмова, Л. Н. Курчикова, В. Н. Костюка, Б. В. Плесского, Л. Н. Сумароковой, Л. Н. Терентьевой, Г. А. Поликарпова*. Обзор этого симпозиума см. в «Вопросах философии», 1966, № 4.

народной известности этой концепции. Вслед за немецким появляется венгерское издание.

Указанные категории были положены в основу разработки и другого направления методологической науки – метода аналогии и моделирования.

Уже будучи заведующим кафедрой философии ОГУ, в 1964 г., Уёмов защищает в Киеве докторскую диссертацию «Вещи, свойства, отношения и теория выводов по аналогии». Вопреки многовековым предубеждениям против выводов по аналогии, диссертант отстаивает тезис о том, что выводы по аналогии могут быть достаточно строгими, надежными – при должном внимании к самой «технике» вывода, при дифференцированном учете его структурных особенностей. Многообразие форм выводов по аналогии (в работе их – 51) определяется характером той информации, которая переносится с модели на прототип, в частности, различаются аналогия свойств и аналогия отношений, а затем – различные варианты атрибутивной и релятивной аналогии: каузальная, функционально-структурная, структурно-функциональная, интерпретационная, аналогия типа изоморфизма и др. Для многих из этих вариантов рассматриваются логические условия (и для основания, и для ядра вывода), выполнение которых повышает надежность вывода.[1]

Особенностью проведенного анализа является то, что основой для теоретических обобщений стало изучение истории науки, ибо, с точки зрения автора, логика научного исследования не может быть чисто формальным построением. Она должна анализировать реальный процесс мышления ученого, логические классификации должны учитывать реальные структуры вывода.[2]

---

[1] *Уёмов А.И.* Логические основы метода моделирования.– М., Мысль, 1971, с.65-86, 140-225.

[2] *Уёмов А И.* Аналогия в практике научного исследования Из истории физико-математических наук.– М, Наука, 1970, с 264.

Публикация в Голландии сборника на английском языке, в котором был помещен перевод наиболее крупной статьи Уёмова о выводах по аналогии, включила ряд его идей в круг обсуждаемых на международном уровне.

С 1965 г. при кафедре философии ОГУ работает методологический семинар, центром внимания которого постепенно становятся системные исследования. Первое время он является, по существу, формой профессионального общения людей, занимающихся философией вообще и методологией науки, в частности. Универсальность системного метода познания как нельзя лучше способствовала сотрудничеству ученых разных областей знания. В семинаре в разное время принимали участие как философы: Л. Н. Курчиков, С. Е. Зак, А. В. Васильков, И. М. Попова, так и кибернетик – А. Д. Крисилов, библиограф С. М. Кириченко, медик В. Квиташ, математики К. Д. Варбанец, П. Ковалев, Г. Я. Портнов, Р. Валенчик (Чехословакия), А. Пестер, С. Переймер, А. Зубанов, Л. Леоненко, А. Коздоба, физики В. И Б. Вайнштейны, Н. Савусин, П. Бутов, химик Е. В. Ганин, биолог Д. Костинский, филолог В. Барладяну. Среди участников были как доценты и профессора, так и просто преподаватели, лаборанты, аспиранты, студенты. Последние вскоре образовали свой особый кружок – «младосистемщиков».

Довольно скоро работа семинара приобрела более серьезный, профессиональный характер. Были заключены хозяйственные договоры на разработку ряда проблем системного анализа. В то время это было явлением весьма диковинным для кафедры философии, как и вообще для кафедр общественных наук.

Результаты работы семинара и других разработчиков хоздоговорных тем были отражены в публикациях. В основном, они появлялись на страницах издаваемого в Москве ежегодника «Системные исследования» (см. ежегодники за 1969, 1971, 1973, 1977 гг.) и в издаваемых Киевским Университетом сборниках «Философские

проблемы современного естествознания» (см. выпуски №№ 22, 25, 27, 34, 44, 66). Позже был организован выпуск сборников системных исследований в Новосибирске: статьи участников Одесского системного семинара имеются во всех 10 выпусках, выходивших с 1971 по 1985 г. Ряд статей опубликован в сборнике «Системный анализ и научное знание» (М., 1978). Кроме того, результаты первого этапа работы семинара отражены в коллективных монографиях.[1]

На этом этапе была создана теория, получившая название «параметрической общей теории систем» (ОТС). Ее задача заключается в установлении общесистемных закономерностей, представляющих собой связи между значениями системных параметров. Последние определяют тип системы, например: гомогенная – гетерогенная, стабильная – нестабильная, регенеративная – нерегенеративная и др. Сюда же относятся линейные системные параметры, такие как сложность и целостность. Эмпирическим путем с помощью компьютеров (программа была составлена Г. Я. Портновым) удалось выявить несколько десятков общесистемных закономерностей.

Особое внимание было уделено анализу одного из системных параметров – простоты-сложности. С изучения именно этого системного параметра, по существу, началось формирование параметрической общей теории систем; ряд исследований был посвящен проблеме измерений простоты-сложности научного знания. Вначале использовались логические критерии (в частности, были критически осмысленны в этом плане работы Н. Гудмена и Д. Кемени), затем сформировался более общий подход к измерению сложности, основанный на системном представлении объекта. Эти работы обосновывают тезис о том, что сложность знания не является чем-то исключительно субъективным, что можно сформулировать ее объективные

[1] Проблемы формального анализа систем.– М., 1968; Логика и методология системных исследований.– Киев – Одесса, 1977.

критерии, что системный подход к рассматриваемой проблеме позволяет выделить разные типы простоты-сложности, что различие между ними определяется тем, какие именно стороны системы в них отражены. Не зная типа простоты-сложности объекта, нельзя оптимально решить задачу его упрощения.

В этот период значительная часть кандидатских диссертаций защищалась по тематике, связанной с системными исследованиями. Среди них следует отметить три диссертации, непосредственно посвященные развитию параметрической общей теории систем. Это работы В. И. Богдановича «К проблеме выявления логических связей между системными параметрами» (1969), Б. В. Плесского: «Методы упрощения систем знания и проблема сохранения информационной ценности знания при упрощении» (1969), Г. Я. Портнова «Общесистемные закономерности и методы их выявления» (1970).

Ряд диссертаций был связан с применением создаваемой параметрической ОТС в различных предметных областях[1]. Кроме того, следует отметить стоящую несколько особняком диссертацию Ю. И. Зуева, которая внесла зна-

---

[1] *Сумаркова Л. Н.* Логические проблемы простоты лингвистических систем. Канд. дисс.– Одесса, 1966; *Дмитриевская И. В*. Структурная сложность текстов Канд. дисс.– Одесса, 1967; *Поликарпов Г. А*. Развитие идеи взаимосвязи пространства и времени. Канд. дисс.– Одесса, 1968; *Остапенко С. В*. Логико-системный анализ космологических теорий. Канд. дисс.– Одесса, 1969; *Терентьева Л. Н*. Онтологические предпосылки физической теории и проблема оценки их сложности. Канд. дисс.– Одесса, 1970; *Дьяков В. А*. Некоторые методологические проблемы логико-системного анализа биологических явлений. Канд. дисс.– Одесса, 1972; *Цофнас А. Ю*. Философский смысл понятия относительности. Канд. дисс.–, Одесса, 1973; *Жариков В. Ю*. Методологические проблемы построения типологии личности. Канд. дисс.– Саратов, 1978; *Чайковский А. В*. Методологическая роль анализа и синтеза в структуре химического исследования. Канд. дисс.– Киев, 1979.

чительный вклад в разработку теорию вопроса («Вопрос как предмет логического анализа.» – Одесса, 1967).

Конец 60-х годов характеризуется повышенным интересом студенчества, особенно естественных факультетов, к философским вопросам. В это время при университете организуется философский дискуссионный клуб. Дискуссии, например, по темам «Бог и логика», «Были ли пришельцы на Земле», «Может ли машина мыслить» и т. д. проходили бурно и собирали многочисленную аудиторию: Члены клуба хотели получить более основательное философское образование. Идя им навстречу, кафедра философии организовала регулярные вечерние занятия по философии – так называемые философские специализации. В рамках этих специализаций изучались логика и история философии. Основная форма проведения занятий – дискуссии. По логике в качестве дискутанта особенно выделялся студент механико-математического факультета Закс. История философии изучалась «в лицах». Лекции как таковые не читались; выступали философы, каждый из которых излагал и отстаивал свою точку зрения в полемике с критически настроенной аудиторией. Так, в качестве Фалеса, Демокрита и Аристотеля выступал сам проф. Уёмов. В роли Диогена был студент А. Зубанов, Платона – аспирант О. Погорелов. Талантливый самоучка – знаток индийской философии Зильберман[1] представлял Будду, который вступил в дискуссию с Аристотелем. Была попытка узаконить философскую специализацию, однако она не удалась. Киев сослался на Москву, а в Москве могли вводить такие вещи только сразу на всем пространстве СССР, что, конечно, было невозможно.

Новые веяния на кафедре философии ОГУ встречали поддержку на ряде других философских кафедр города, в частности, на кафедре философии Политехнического

[1] Впоследствии он погиб при загадочных обстоятельствах на границе между Канадой и США.

института (проф. Л. Н. Курчиков), консерватории (проф. А. В. Васильков) и др. Однако они встречали и противодействие. Одним из доцентов кафедры философии ОГУ проф. Уёмов был обвинен в агностицизме и в связях с папой Римским (на том основании, что директор института философии в Ватикане Г. Веттер положительно отозвался о работе А. Уёмова). Этим «делом» занималась серьезная комиссия, присланная ЦК КП Украины. В начале 70-х годов идеологическая реакция усилилась. Студент Александр Сергиенко был исключен из комсомола и затем из университета за издание «крамольной» студенческой газеты «Ты», вопреки воле комсомольского собрания. Старший лаборант кабинета искусствоведения В. В. Барладяну, написавший статью о применении параметрический ОТС в литературоведении, был арестован по обвинению в национализме и провел в ГУЛАГе 6 лет. Выпускник физического факультета ОГУ П. А. Бутов, работавший над применением системного подхода к изучению иностранных языков, был арестован и провел в ГУЛАГе почти 8 лет.

Наконец, и сам проф. Уёмов был подвергнут резкой критике со стороны официальных инстанций за «подмену диалектического материализма системным подходом». В 1973 г. он переходит на работу в Одесское отделение института экономики. С этим местом работы связан второй этап в развитии параметрической ОТС. Системный семинар продолжал работать на базе отделения института экономики, но он был уже не столь многочисленным, как прежде. Во главу угла здесь было поставлено развитие формального аппарата параметрической ОТС, названного языком тернарного описания (ЯТО), который базируется на формализации категорий «вещь», «свойство», «отношение». Условия работы в институте требовали непосредственных практических применений, что и осуществлялось в большом количестве госбюджетных и хозрасчетных работ. Тем не менее, осуществлялась и теоретическая

работа. Первое развернутое изложение параметрической ОТС с использованием ЯТО опубликовано в 1978 году[1].

Относительно законченная (четвертая по счету) версия ЯТО представлена в ежегоднике «Системные исследования» за 1984 г. Более полные и усовершенствованные варианты затем были опубликованы в Бразилии и США. Развитию ЯТО как новой логической системы были посвящены две кандидатские диссертации, защищенные в Институте философии АН Украины.[2] Следует также отметить анализ целостности как линейного системного параметра с помощью ЯТО в монографии, посвященной сугубо прикладным вопросам.[3] Было произведено обобщение прежних разработок по проблеме сложности.[4]

Затем получило «второе дыхание» исследование проблемы применения параметрической ОТС к философии науки.[5] В общефилософском и в теоретико-системном аспектах анализирует проблему понимания А. Ю. Цофнас,

---

[1] *Уёмов А. И* Системный подход и общая теория систем. – М., Наука, 1978.

[2] *Леоненко Л. Л.* Логико-философский анализ системного представления объектов (исчисления языка тернарного описания). Канд. дисс.– Киев, 1985; *Сараева И. Н.* Логико-методологический анализ проблем установления общесистемных закономерностей дедуктивными методами. Канд. дисс.– Киев. 1988.

[3] *Уёмов А. И., Веселов Ю. В., Глушков В. Е.* и др. Целевые комплексные программы хозяйственного освоения ресурсов мирового океана.– Киев, 1988.

[4] *Мамчур Е .А., Овчинников Н. Ф., Уёмов А. И.* Принцип простоты и меры сложности.– М., 1989.

[5] *Ведмедев М. М.* Анализ категориального базиса научного исследования. Канд. дисс.– Харьков, 1986; *Николенко О. В.* Методологический анализ системно-информационных аспектов проблемы измерения в квантовой механике. Канд. дисс.– М, 1986; *Луксик И.* Качественные методы в естествознании и общая теория систем. Канд. дисс.– Киев, 1987; *Терентьева Л. М.* Системно-параметричний аналіз структури у розвитку наукової теорії. Препринт докторської дисс.– Київ, 1991.

опираясь при этом на параметрическую характеристику знания и понимания[1].

В 1993 г. А. И. Уёмов возвращается к прежнему совмещению теоретической работы с деятельностью преподавательской, что было связано с работой на философском факультете университета. Стиль лекции-размышления, столь типичный для философа и столь привлекательный для студентов, остался, казалось бы, тем же самым, что и раньше. Но это время было уже другое. И лекции тоже стали другими. Наглядное представление об этом различии А. И. Уёмов дает в курсе лекций, прочитанном для философов Одессы и всех желающих, что в известной мере напоминало о публичных лекциях Н. Грота и Н. Ланге в Одессе более ста лет назад. Это был в полном смысле слова авторский курс, представляющий тот образ философии, который сложился на тот момент у Уёмова-философа и Уёмова-системолога.

Во введении к курсу автор признался, что он счастлив читать эти лекции и объяснил, почему. «Моя философская жизнь началась при Сталине и Берии и продолжалась при генсеках, каждый из которых был самым крупным философом нашей страны… Времена были тяжелые не только из-за ГУЛАГа с его колючей проволокой. Для философа не менее отвратительна та проволока, которая опутывала его мысли. Боялись не только говорить, но и думать…. Сейчас – в нашей стране – золотое время для развития философии. Такой свободы философствования здесь никогда, пожалуй, не было. Старому догматизму

---

[1] *Цофнас А.Ю*. Формальное выражение онтологических утверждений // Филос. науки, 1973, № 3 (в соавт с А. И. Уёмовым). *Его же*. Объяснение и понимание с системной точки зрения // Философская мысль, 1979, кн. 12 (на болг. яз.); *Его же*. Объект, субъект и критерий понимания // Проблема метода в социально-гуманитарном познании.– М,. 1989. *Его же*. Рациональный критерий понимания // Когнитивные аспекты научной рациональности.– Фрунзе, 1991.

нанесен такой удар, от которого он навряд ли воспрянет. Новый догматизм еще не укрепился… Вопрос о том, как нужно рассуждать, решают сами философы, а не некие, стоящие над ними, руководящие инстанции»[1]. Один из главных тезисов первой части курса таков: «Философия не наука, но генератор наук»[2].

Представление о философии как царстве свободы, о ее соотношении с наукой, мировоззрением, искусством, религией, политикой стало потом темой общения профессора и со студенческой аудиторией. Однако свобода философской мысли, как постоянно подчеркивает автор, не имеет ничего общего с нигилизмом и произволом. Она опирается на аксиому о необходимости *обоснования*, о принятии рациональных *критериев* выбора. И это не только внешние критерии, определяемые функциями философии в бытии человека; существуют критерии, относящиеся к внутреннему совершенству философии. Одним из них является системность. Вот почему, считает автор, «теоретико-системный подход может быть рабочим инструментом не только в метафилософии, но и при решении тех проблем, которые считаются собственно философскими, и составляют основное содержание философских учений».[3] Считая логику «неотделимым составным элементом философии», на том основании, что она «является *началом*, началом любого знания, как научного, так и выходящего за рамки науки»[4], Уёмов неоднократно обращается к проблемам дальнейшего развития логики как науки в работах 90-х и 2000-х годов. В частности, обсуждается проблема возможности постматематического

---

[1] *Уёмов А.И.* Системные аспекты философского знания. Од.: Студия «Негоциант», 2000, с.3. Эта книга появилась благодаря записям лекций А.И. Уёмова, произведенным А. Сулимом и Л. Сандюк.

[2] Там же, С. 9.

[3] Там же, С. 22.

[4] Там же, С. 11.

периода развития логики. Особое внимание уделяется зарубежным публикациям работ по ЯТО.

Чем глубже погружался Уёмов в логическую и системологическую проблематику, тем острее он осознавал необходимость исследования общефилософских оснований знания, осмысления самой сути философии. Поэтому далеко не случайно в эти годы появляются его работы по истории философии, по философии науки, гносеологии, аксиологии, метафизике – иногда это краткие заметки, иногда – книги или разделы книг. Был издан ряд учебников и учебных пособий: «Основы практической логики с задачами и упражнениями» (1997); «Общая теория систем для гуманитариев» (Варшава, 2001; эта книга написана в соавторстве с А. Ю. Цофнасом и И. А. Сараевой, а издана с помощью польского профессора А. Горальского); «Лекции по метафизике» (2009).; «Метафизика». (2010).; «Философия науки: системный аспект», (2010, в соавторстве с Л. Н. Терентьевой, А. В. Чайковским, Ф. А. Тихомировой). Был также опубликован и целый ряд статей.

Таким образом, одесский период жизни А. И. Уёмова оказался чрезвычайно плодотворным.

О. С. Кирилюк

Авенір Уйомов: УКРАИНЦЫ! Почему вы не РАЗГОВАРИВАЕТЕ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ?

Дивлюсь на прикріплене до однієї з інтернет-статей про А. І. Уйомова його фото, можливо, одне з останніх. Він стоїть на вулиці, вдивляючись в нас з часового потойбіччя своїм нелукавим, відкритим, запитуючим, трішки беззахисним поглядом. Я давно помітив, що фотографії мають дивну властивість – схоплюючи начебто просту, «профанну» мить, перетворювати цю мить самим фактом її фіксації на дещо типологічне та узагальнююче. Особливе сприйняття сфотографованих людей виникає тоді, коли ми знаємо, що їх вже немає на цьому світі. І хоча я бачу все ту ж непіддатливу для гребінця майже парубоцьку чуприну, все те ж ігнорування придуманих для конформістів норм «дрес-коду» (строката краватка та сорочка у кліточку), тим не менш «феноменологія» образу тепер вже інша, ніж коли б Авенір Іванович був серед нас. Ті ж самі відчуття виникали, коли я вдивлявся у фотографії Віталія Табачковського та Сергія Кримського[1] – вони в усіх своїх рисочках обличчя поставали не просто як добре знайомі люди, а як люди майже рідні, хоча ні з ними, ні з Авеніром Івановичем особистої дружби у мене не було. Спілкування, більш-менш особистісне, відбувалося під час переїздів на конференції і на самих них, включно із неодмінною заключною частиною симпозіумів (буквально – "бенкетів").

До речі, спочатку саме деякі нетривіальні обставини цього спілкування, оформлені у вигляді «історико-філософських текстів», що начебто дійшли до нас крізь паморочну далечінь століть, я й хотів надати як «гумо-

[1] Говориться про відомих в Україні київських філософах.

ристичний додаток» до цих спогадів. Але «ложки до обіду» не вийшло, друковані аркушики з пародійними матеріалами, зачитаними колись під час урочистостей, здається, на сімдесятирічний ювілей А. І. Уйомова, як я не шукав їх, так не знайшлися (вони, за відомим законом, глумливо самі знайдуться, коли ця збірка вже вийде друком).

Спробую деякі з тих потішних імітацій старовинних текстів, в основі яких були реальні події, просто так, для цікавості, відновити по пам'яті. Скажімо, коли група одеситів їхала на конференцію Фонду «Відродження» в Алушту, Авенір Іванович та Микола Савусін[1] змогли купити квитки тільки у плацкартний вагон. Я прийшов зі своїх купейних «розкошів» до них «у гості», і ми разом випили пляшку азербайджанського вина «Агдам», закусивши, логічно міркуючи, цибулиною. Цій знаменній події відповідав такий «фрагмент»:

«84. ***Византийский аноним*** *(Стоитерхос) II 17, 3 а («Авенирий в Тавриде»). Во время переездов на многочисленные <…> симпозиумы Авенирий <…> Алустоника и Симферополика* <…> стойко терпел дорожные тяготы и лишения, мог питаться [одной] луковицей в день, запивая ее запонтийским вином в умеренном количестве, делясь и этим скудным провиантом со своими учениками и попутчиками <…> [при этом он] мог спать, не ропща, на боковой полке плацкартного вагона».*

---

* *Неясное место. Возможно, во время пребывания в Тавриде, после того, как он твердо отверг как алогичный массандровский мускат белый красного камня, тогда как многие симпозиумнанты им прельстились, Авенирий за свое мужество получил титул «Алустонский», по имени римской*

---

[1] Один із найбільш близьких співробітників А. І. Уйомова в одеській філії Інституту економіки, брав активну участь в розробці мови тернарного опису.

крепости на месте теперешней Алушты. Симферополика – явно поздняя приписка, там вина не пили.

До речі, примітка «не ропща» цілком правдива: коли я, проконсультувавшись з бригадиром потяга, запропонував Авеніру Івановичу перейти з доплатою у купейний вагон, він відмовився. Показово, що один самодивний київський професор-соціолог, приїхавши в Алушту, взагалі без запрошення, м'яко, по-дружньому, але наполегливо вимагав від Наталі В'яткіної як організатора симпозіуму оплатити йому витрати на дорогущий спальний вагон. Думаю, що ця дрібничка все ж багато чого говорить про А. І. Уйомова як людину.

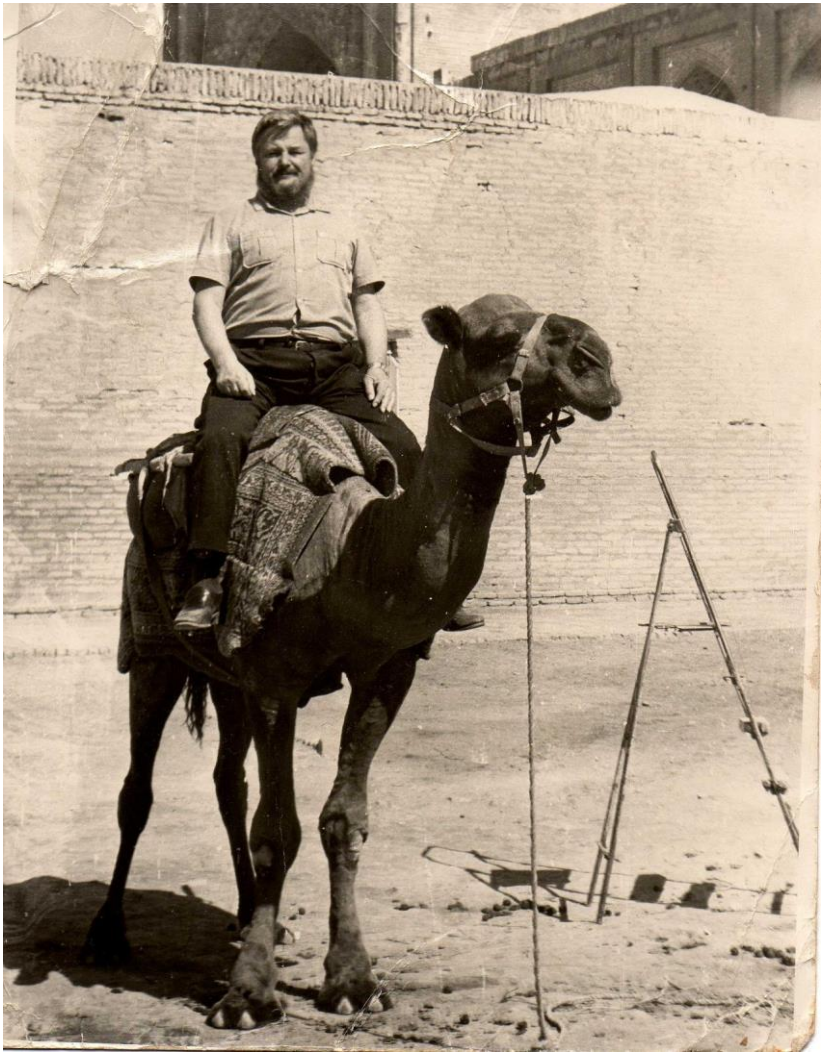
І ще один жарт. Якось, повернувшись з Німеччини, Авенір Іванович із захопленням розповідав, що одна пляшка пива на день вилікувала його від подагри. Ця подія висвітлювалася так:

«Пхишер К. История новой философии: Де Авенир: Его жизнь, сочинения и учение – М.: Типограф. Амфибрахия Сытника, 1889, 734 с.

(с. 398): Переехав на лето в Зальцбург, Де Авенир, несмотря на его отвращение к материалистической диалектике, о чем он не уставал возвещать с кафедр всех тех университетов, куда его наперебой приглашали саксонские города, тем не менее, на практике использовал ее довольно сомнительный принцип сбегания противуположностей («сродное лечится сродным, а противуположное – противуположным») во избавление от своей подагры. Пользовал его лейб-лекарь курфюрста Лейденского Нафунаил Аххайнекляйнерозенблюм, давая опробованное в опытах лично на себе, как оказалось, решительно целительное снадобье от этой хвори – солодковое баварское пиво на хмеле, которое он получал нарочными прямо из броварни Гроссербирбауха в деревне Гофрторфдорф (ныне – город Шмидтштадт) подле Мюнхена. Свет на этот факт отреагировал сплетнями, распространяемыми на

балах, суть которых сводилась к тому, что Де Авенир приехал в германские края ради пива, обильного тут, которого во Франции, стране вина, мол, не сыскать, а вовсе не для ознакомления публики со своим общедоступным вариантом курса «Параметрическая общая теория систем для миллионов».

Пригадується ще й така забавна подія, як моє з Авеніром Івановичем знепритомніння від надлишку кисню на Шацьких озерах, куди у вузівський табір вивезли «на природу» учасників чергового всесоюзного симпозіуму в Луцьку. Як тільки ми вийшли з автобусу, ноги наші підкосилися, голова запаморочилася. Допомогли нам турботливі друзі (пам'ятаю лише філософів Євгена Андроса і Миколу Кисельова з Інституту філософії НАН України та автора колись скандальної Конституції незалежної Уральської Республіки Анатолія Гайду, директора Інституту філософії і права Уральського відділення РАН). Закинувши наші руки собі на плечі, вони підтягнули нас, хитних та обм'яклих, на ліжка у дерев'яний будиночок, дбайливо напнувши під самий ніс сирітські студентські ковдри. Авенір Іванович тут же моментально заснув, як маленька дитина. Щоправда, досить швидко у нас все пройшло, і за годину, адаптувавшись, ми вже сиділи разом з усією великою компанією на березі озера за довгими столами із тазиками золотистих копчених шацьких карасиків. Присутні добродушно кепкували з нас і пропонували піти подихати під вихлопну трубу автобусу, щоб остаточно отямитися. Можливо, тут була й доля правди, тому що на повне киснем волинське повітря так відреагували лише ми, одесити, більш призвичаєні, мабуть, до нашої насиченої шкідливими викидами міської атмосфери. З небаченого приливу сил ми з А. Гайдою та білоруськими філософами, що сяяли братньою любов'ю до всіх громадян СНД, влаштували змагання зі стрибків у довжину з місця, констатувавши, через субстанціалізацію функції, що «стрибучість» наша «вже не та».



У цілому Авенір Іванович до цих жартів ставився поблажливо, хоча він і не був таким «хохмачем», як С. Кримський. Його «сміхова культура» більше схилялася до тихої іронії, ніж до гучного розіграшу. Чого варта, приміром, його притча-приказка: «Водка, водка, царская водка… Выпил – и неприятности». Іноді його іронія була проявом мудрості, близької до атараксії. На похороні

відомого українського патріота, колеги-філософа Михайла Миколайовича Мацюка він, побувши з усіма скорботними на панахиді біля будинку небіжчика на вулиці Довженка, на кладовище не поїхав – сили його були вже не ті. Для того, щоб сісти в машину (я мав відвезти його додому), йому треба було пройти небезпечною через рух автомобілів проїжджою частиною вулиці, оскільки весь тротуар загороджував паркан новобудови. На моє попередження про обережність він без роздумів, знов-таки, з іронічною посмішкою сказав: «А что будет? Ну, отвезут меня вслед за Мацюком…».

Вільний від упереджень, він іронічно, але з нарочито серйозним виглядом, приміром, вважав, що всі наші космічні апарати – справа витратна та малоефективна: «Краще уколи собі ЛСД, і мандруй далекими світами за мільйони світлових років від нас, куди жоден земний апарат ніколи не добереться». «Доброзичливці» могли б побачити у цьому явну пропаганду наркоманії, попри експериментально доведені досвіди таких мандрів у змінених станах свідомості. Але Авенір Іванович, якби йому це й закинули, таких звинувачень явно не побоявся би, як не оглядався він – людина, котра не розуміла, як це філософія може розвиватися під «мудрим керівництвом» КПРС, і на значно серйозніші звинувачення в «ідеологічних хитаннях».

Іронія А. І. Уйомова була подовженням його визначально критичного, антиавторитарного типу мислення. Звітуючи про перебування на Всесвітньому філософському Конгресі, здається, в Монреалі, перед філософською громадськістю Одеси, ще у старому кабінеті кафедри філософії у бібліотечному корпусі університету, він розповідав, як радянська делегація попередньо домовилась задля демонстрації ідеологічної єдності не критикувати один одного, а він цю домовленість порушив. «Я все же покритиковал советскую философию, пересмотрев некоторые свои выкладки» – посміхаючись, заявив Авенір Іванович.

І в цьому був весь він, навіть тоді, коли його, як він думав, друзі, вчинили з ним щось на кшталт аутодафе, після чого Авенір Іванович на багато років залишив університет. На подвійне вкрадливо-єзуїтське запитанням одного колеги, котрий якнайкраще відповідає мандельштамівському «Куда как страшно нам с тобой, товарищ большеротый мой, Ох, как крошится наш табак, Щелкунчик, дружок, дурак!)», Уйомов, як переказували, відсторонено та спокійно, майже насміхаючись з тих абсурдних Сатурналій, заявив, що теорія систем вужча за діалектичний матеріалізм, а не навпаки, на чому він наполягав раніше. Перейшовши на роботу до Інституту проблем ринку (карати більшим філософа такого рівня не наважились, більш того, створили під нього цілий відділ) Авенір Іванович продовжував (попри карнавальне «каяття») розробляти теорію систем, а не офіційну філософію.

Думаю, що мотивом, яким керувався Авенір Іванович, беручи участь у опозиційних рухах кінця доби Перебудови, було як раз бажання назавжди вирішити це питання, щоб ніколи вже жодна офіційна політична ідеологія не втручалася у справу вільного наукового пошуку. Слід сказати, що участь, як тоді говорили, у «неформальних» об'єднаннях громадян була небезпечною. Їх прихильники зазнавали тиску з боку керівництва і партійних організацій установ, де вони працювали, над ними зависала загроза зарахування у «неблагонадійні» з усіма наслідками для кар'єри, роботи, закордонних наукових відряджень тощо. Достатньо сказати, що кореспондент «Чорноморської комуни» Г. Пронін, який просто об'єктивно виклав зміст обговорення програми Народного Руху за перебудову (№ від 12.04.1989 р.) на методологічному семінарі Фізико-хімічного інституту ім. О. В. Богатського, зокрема, мої думки про конституційність Руху і про неприпустимість реагування на прагнення громадян створювати легальні організації грубим тиском і заборонами, ледь не поплатився за це своєю посадою.

Тепер навіть важко уявити собі, щоб хтось таку основоположну громадянську свободу став би заперечувати, чинити їй перешкоди чи забороняти, і в тому, що це так, є частка зусиль Авеніра Івановича, котрий стояв у витоків одеського Руху.

Історія створення одеської організації Народного Руху України з роками обросла легендами, багато чого призабулося, багато чого зараз свідомо викривляється. Нащадки компартійної міської та обласних влади, котрі в свій час робили все, щоб в Одесі Руху не виникло (справа дійшла до створення «альтернативного», цілком підконтрольного компартії штучного клону цієї організації) додумались до того, що, відзначаючи двадцятиріччя Руху в Одесі, вони навіть не запросили на урочистості його фундаторів та активних учасників. Принаймні, ні ті з перших семи співголів організації, утвореної у Кишиневі, що могли б взяти участь у святкуванні (одеські філософи Євген Акимович, Леонід Курчиков, Авенір Уйомов), ні її пізніші керівники (серед яких, пробачте, але не можу не згадати, був і я, як багаторічний член Крайового Проводу та делегат трьох з'їздів), запрошення не отримали. Воістину, як колись, зітхнувши, сказав Авенір Іванович, «Чудище обло, огромно, стозевно…». Під українським прапором і гербом, старі номенклатурники, для яких влада – це ситна кормушка, успішно пристосувались і до нових умов, втім, проявляючи час від часу, як у випадку із святкуванням ювілею Руху, апаратну дубовість, невикорінний авторитаризм, глибоку неповагу до людей та повне нерозуміння свого реального статусу народних наймитів.

Народний Рух України (НРУ), з яким спочатку антиукраїнська влада нічого не могли зробити, поступово, і не без допомоги деяких валленродистів, серед яких був і відомий в Одесі його, разом з Є. Акимовичем, співголова, прізвище якого не варте згадки, згодом перестав бути значущою політичною силою. Інакше, як показує досвід польської «Солідарності» чи литовського «Саюдісу»,

і статися не могло – занадто широким було соціальне підґрунтя цієї колись єдиної і солідарної опозиційної сили. Але й тоді, коли Рух залишили російськоорієнтовані демократи, Авенір Іванович його не зрікся, навпаки, завжди, навіть у найгірші часи його існування, підкреслював свою приналежність до нього, але сам Рух, на жаль, явно видохся, вичерпав себе та втратив підтримку народу, який у своїх симпатіях переорієнтувався на вужчі, не масові, але цілком сформовані політичні партії.

Один студент, член дискусійного клубу, що його Авенір Іванович вів у Одеському університеті, пригадує у своєму блозі думку Вчителя про те, що задля повалення комунізму варто об'єднатися з будь-яким союзником. Сам же цей хлопець запально це оспорював, твердячи, що якщо виганяєш Астарота за допомогою Вельзевула, то хтось з них з тобою залишиться. Під Вельзевулом він, очевидно, розумів Рух, вірніше, його національно-демократичне крило. Наскільки абсурдною є така постановка питання, стає зрозумілим хоча б з того, що НРУ на той час був єдиною демократичною силою, здатною мирно змінити дійсно сатанинський радянський посттоталітарний політичний лад, вже не такий страшний, як у 1930-ті році, але, тим не менш, так само злочинний (достатньо згадати, що Василь Стус загинув у 1985-му, вже за М. Горбачова, а у Вільнюсі ще у 1991 році мирні демонстранти погибали від куль та саперних лопаток). З ким і як мав «об'єднуватися» Авенір Іванович, як не з цією спочатку насправді загальнонародною і єдиною гостро опозиційно налаштованою організацією?

Як і більшість російських удаваних «демократів», цей студент, за великим рахунком, є виплодком тоталітарної системи, продуктом маніпулювання свідомістю. Він хотів би, щоб демократичні перетворення в Україні відбувалися поза національним звільненням. Таке розщеплення свідомості, коли демократію відривають від національних прав та свобод, є типовою шовіністичною соціопатією. Важко

уявити собі таку «народну» політичну систему, де б деукраїнізація життя в Україні і надалі подовжувалась, коли українцям забороняли б говорити, писати, читати, вчитись і видавати книжки рідною мовою, їхню історію офіційно висвітлювали з позицій сусідньої держави, а прагнення створити національну церкву виставляли (попри самозванство Московської патріархії, яку християнський світ не визнавав сто сорок років) як церковний розкол. Ця хвороблива свідомість живиться українофобією, не розуміючи того, що народу без національності (принаймні, політичної) не існує. Тому і народна влада, демократія, має бути національною. Велика історична заслуга Руху та його засновників, у тому числі А. І. Уйомова, полягає в тому, що він прагнув поєднати ці два напрямки політичного устрою країни, добившись, щоб засадничими принципами Конституції незалежної Україні були національно-демократична та націонал-соціальна ідеї (за Основним законом Україна – національна та соціальна держава).

Цей колишній учень-нездара, що так не зміг зрозуміти велику душу і правдиво демократичну вдачу свого Вчителя, пояснює його відхід від активної роботи у Русі тим, що А. І. Уйомов начебто не зміг бути в одній організації з «націоналістами». Але це не так. Як на мене, основна причина, за якою А. І. Уйомов припинив працювати у рухівській організації, полягала в тому, що він пішов у Рух заради зламу системи компартійного адміністративного втручання в науку, і коли той у перші роки свого існування це завдання в цілому виконав, брати участь у роботі вже деградованої протопартії він ніякого бажання не мав.

Насправді, важко уявити, щоб Авенір Іванович активно працював у такій організації, керівник якої змістом її діяльності зробив інтриганство, кар'єризм та сервілізм. Зрозуміло, чому цього «керманича» навіть комуністична влада ніколи не шельмувала, тоді як А. І. Уйомов ставав об'єктом огульної прилюдної, якщо

так можна сказати, «критики». Так, на стадіоні «Динамо» під час спільного мітингу двох антагоністичних сил від влади виступав один дуже далекий від порядності та від філософії вузівський викладач, котрий, зовсім не відаючи, що таке творча наукова праця, «припечатав» Авеніра Івановича рідкісним за своїм хамством і невіглаством гучномовним викриком на весь стадіон: «Профессор Уёмов в своей жизни ни одного дня не работал!».

На відміну від переважної більшості російських демократів, Авенір Іванович як росіянин за народженням та за культурою, на націоналістичній «українській проблемі» не «закінчувався». Він на ділі дотримувався принципу В. І. Вернадського, який радив росіянам ще у 1902 році «прийняти українців як українців», а не прагнути весь час їх асимілювати. Щира любов до України і повага до українців, розуміння всіх наших проблем, включно з мовним питанням, концентровано втілилася у одному-єдиному його запитанні-вимозі, емоційно-напружено, з якимось «недоумением» щиросердно вимовленому колись мені: «Украинцы! Почему вы не разговариваете на украинском языке?»

Будемо, обов’язково будемо розмовляти, Авеніре Івановичу!

Э. М. Хакимов

МОИ ВСТРЕЧИ С АВЕНИРОМ ИВАНОВИЧЕМ УЁМОВЫМ

Мне пришлось быть свидетелем развития системных исследований в нашей стране. Интерес к системному анализу и, в частности, к общей теории систем возник у меня в связи с работой в области иерархии в начале 80-х годов. После защиты кандидатской диссертации по околорудным изменениям и ореолам рассеяния ртутных месторождений мне предложили продолжить исследования по данной проблеме. Это было связано с необходимостью перемены места работы и переездом в другой город. Но я уже занимался преподавательской деятельностью в педагогическом вузе.

Еще со студенческих лет я интересовался связью развития объектов природы с иерархическим строением их структурной организации. И в данной ситуации я решил серьезно заняться этой проблемой. Это желание привело меня к знакомству с известными философами Юниром Абдулловичем Урманцевым и Виктором Степановичем Тюхтиным, которые стали моими учителями. Именно тогда я столкнулся с проблемой системного анализа. Юнир Абдуллович разрабатывал общую теорию систем, которую впоследствии назвал ОТСУ (Общая теория систем Урманцева). А Виктор Степанович рассматривал философские и методологические аспекты системного анализа. К этому времени мне было уже известно имя А. И. Уёмова. Я читал про его оригинальную версию общей теории систем и про язык тернарного описания. Юнир Абдуллович мне рассказал, что у него общие научные интересы с Авениром Ивановичем и что они давно дружат.

Общение с моими учителями, участие в работе философских и других конференциях и симпозиумах расши-

рили мое представление о системном анализе, его теоретических и методологических аспектах, и я утвердился в мысли разработать общую теорию иерархических систем. Мои учителя поддержали эту идею. Ситуация того времени определяла отношение власти к философии как к идеологическому инструменту построения социалистического общества. Хотя борьба против генетики и кибернетики отошла в прошлое, системный анализ еще вызывал некоторую настороженность у приверженцев исторического материализма, в связи с тем, что разные теории систем активно разрабатывались западными учеными. Хотя следует отметить, что «Тектология (Всеобщая организационная наука)» А. А. Богданова, опубликованная еще вначале 20-х годов прошлого века, могла бы считаться началом системных исследований в СССР.

Не углубляясь в тему указанных исследований, требующих отдельного анализа, хочу подчеркнуть, что общие теории систем А. И. Уёмова и Ю. А. Урманцева, отличаются от отечественных и зарубежных аналогов логической завершенностью и глубокой связью с философией. Объяснение этому я вижу в фундаментальном философском образовании создателей этих теорий и в их стремлении создать свое собственное, оригинальное научное направление.

Первая моя встреча и личное знакомство с Авениром Ивановичем состоялась в 1981 году на конференции в Ленинграде, куда из Казани высадился десант молодых ученых, ставших впоследствии докторами философских наук – Эмилия Тайсина, Михаил Щелкунов, Иван Гришкин и др. Авенир Иванович поразил меня своей богатырской статью, простотой общения и доброжелательностью. Будучи заядлым фотографом, я фотографировал Авенира Ивановича, хозяев и гостей конференции. Было приятно общаться и фотографировать ученых, статьи и книги которых я читал и использовал в своей работе. Доклады я слушал внимательно, так как изначально не

получил философского образования, а каждая такая конференция, вместе с оценкой моих докладов и статей моими учителями, были для меня хорошей школой. На экскурсиях и на банкете я общался с известными философами в неформальной обстановке. Авенир Иванович, был центром притяжения, много шутил. Во время той встречи я не беседовал с ним о проблемах иерархии. Был доволен уже тем, что выступил с докладом, жалел, что не взял с собой книгу Авенира Ивановича, чтобы он оставил на ней свой автограф.

Вторая встреча с Авениром Ивановичем произошла в Одессе, в 1986 г., во время организованной им конференции, посвященной системному анализу и развитию Общей параметрической теории систем, её формального аппарата, а также Общей теории систем Урманцева и смежным вопросам. Виктор Степанович Тюхтин выступал по философским и методологическим вопросам системного анализа. Я еще не полностью вник в идеологию ОТС, но чувствовал, что это направление является мощным теоретическим и методологическим инструментом исследования научного знания и самих объектов. И, что греха таить, мечтал, что своей теорией иерархических систем я внесу определенную лепту знаний в системный анализ.

Конференция проходила осенью. Я впервые видел Одессу в эту пору – пустынные пляжи, улицы без солнечного света, одесситы в куртках. Авенир Иванович делал все, чтобы гости конференции чувствовали себя уютно в осеннем городе. Отсутствие солнца он компенсировал не только своим ярким выступлением и интересными докладами своих коллег, но и радушием хозяина конференции, и организацией интересного досуга в перерывах заседаний. Некоторые доклады были посвящены вопросам практического применения ОТС. Этот вопрос впоследствии стал для меня одним из важных при разработке теории иерархии. Слушая выступления

моих учителей, Авенира Ивановича, гостей конференции, я осознавал, что нахожусь у истоков нового научного направления, которое должно оказать влияние на мою научную деятельность.

Наступившая перестройка прервала мои встречи с Авениром Ивановичем. В это, пасмурное для науки время, мы обменивались с ним редкими письмами. Мои активные научные контакты с Авениром Ивановичем реализовались уже вначале XXI века. К этому времени я разработал теорию иерархии, которая явилась одним из вариантов ОТС, защитил докторскую диссертацию по философии, опубликовал две монографии, провел в Казани несколько международных и всероссийских конференций по проблемам развития и динамики иерархических систем. Материалы конференций опубликованы в научных сборниках под моей научной редакцией.

В 2007 и 2010 году по нашему приглашению Авенир Иванович и его супруга Людмила Николаевна Терентьева заочно участвовали в работе наших международных конференций «Динамика и развитие иерархических (многоуровневых) систем (теоретические и практические аспекты). Непосредственно участвовала в работе конференций ученица Авенира Ивановича – Ф. А. Тихомирова. Их статьи опубликованы в соответствующих сборниках материалов данных конференций.

Моя последняя встреча с Авениром Ивановичем состоялась в мае 2011 года. Я получил приглашение от кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета, которую возглавляет ученик А. И. Уёмова – профессор Арнольд Юрьевич Цофнас, на международную конференцию «Технэ как исток цивилизации». В эту поездку Одесса встретила меня солнцем, яркими красками и приятной организацией всех мероприятий конференции.

Встреча с Авениром Ивановичем состоялась у него дома, я привез ему свои книги, ранее сделанные

фотографии. Говорили о науке, естественно, об общих теориях систем, о судьбе фундаментальных исследований в постперестроечный период. Вспоминали общих знакомых. Своими неторопливыми движениями, осанкой, седой бородой Авенир Иванович напоминал мне патриарха. Но глаза его, как и раньше, излучали доброе внимание. Попросив у него разрешения на съемку, я достал фото-аппарат и фотографировал его одного, затем с супругой, потом сфотографировался с ним сам. На прощание он подарил мне несколько своих книг с дарственной надписью и пожеланиями научных успехов. Уезжая из Одессы, я не знал, что это моя последняя встреча с Авениром Ивановичем. С большим огорчением я узнал о его кончине.

Успокаивает одно – что научные труды выдающегося философа, методолога науки, автора теории вывода по аналогии, оригинальной общей теории систем, получат дальнейшее развитие, и еще долго будут привлекать внимание научной общественности.

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА

А. Гоpальский

0АТТРАКТОР ДЛЕНИЯ

Pamięci Avenira Ujomova poświęcam

1. Раздумывал над развитием понятия “событие” до формы “нечеткого события” долго, несколько недель. Пробовал разные способы. Без успеха. В конце концов нашел искомую дорогу, и в том месте, в котором уже был, признав след ложным.

Начал с этимологии, чтобы как-то сориентировать поиски. Взял Этимологический словарь польского языка Александра Брюкнера и нашел в нём:

Событие, сбыться первоначально значит “удаться, получиться”.

После этого я взялся за энциклопедии. В польскоязычной Большой Всеобщей PWN (PWN-Государственное научное издательство) меня отослали к физике, где я удостоверился, *что событие, в теории относительности – физическое явление, локализованное с помощью геометрической точки в произвольном временно-пространственном континууме; событием, например, есть прохождение тела через определённое место в данный момент времени. Каждое физическое явление, которое происходит в конечном времени, состоит из нескольких событий и в пространственно-временном континууме его можно представить с помощью линии, которую называют линией мира.*

Таким образом в физике, или, более конкретно, в теории относительности, событие – это отдельная точка во времени-пространстве, видимая определённым, зависимым от системы отсчёта наблюдателя образом, и принад-

лежащая к определённой линии – образу явления, элементом которого и есть событие.

Совсем по иному определяет событие французскоязычная Encyclopaedia Universalis (Париж, 1990). Так, Роже Бастид – в статье Événement – пишет например:

Событие кажется заключённым между двумя полюсами: личностью человека, захваченной тем, что "произошло", иногда задетой, иногда, набоорот, восхищённой этой специфичностью, особенностью и новизной; и исследователя, признающего, что длительность ёсть непрерывностью событий, однако всё время повторяющихся, с тем, чтобы можно было бы ухватить скрытую логику их последовательности.

И дальше: *Если даже событие не является "конструкцией", так, как факт или историческое событие, оно всё равно "вылавливается" из действительности как то, что "затрагивает" наши чувства или наш разум. Не существует таким образом иных событий, как только для людей и через людей; событие является "антропоцентричным" понятием, а не обьективным фактом.*

Ну что же, достаточно разные подходы. Может ещё поискать в мире "свободных идей" – т.е. в пространстве математики? – подумал я.

Результатом было то, что немного поздней ответил себе: ясности нет. В математике "событие" и "элементарное событие" значит тоже, что и "совокупность точек" и "точка" определённого пространства, которое называется пространством событий: это пространство является идеализацией того, что мы интуитивно имеем в виду, очерчивая "возможные результаты определённого опыта или наблюдения состояния чего-либо".

После этой разведки: и в области гуманистики (этимология, социология), и в пространстве точности (физика, математика) — я решил обратиться к чему-то среднему, одновременно и точному, и относящемуся непосредственно к миру человека – праксеологии.

Оказалось – в свете “Трактата о хорошей работе” Т. Котарбиньского[1] – что событие есть всегда или изменением определённой вещи, или изменением её состояния.

И при этом:

Каждое творение суть определённое событие […], потому суть всякий результат причины, являющейся произвольным испульсом, и её результат – всегда определённое событие.

Вовлечённое в творение или в свершение, событие является универсалией необычайно разнообразной. Бывают, таким образом, – как в определении – события кинетические и события статические, события физические и события психические, бывают события пермутационные, а среди них – события конструктивные, когда предмет приобретает качество, которого первоначально не имел, а также события деструктивные, когда предмет теряет качество, имеющееся первоначально; есть также события персеверационные, а среди них – события сохраняющие, которые обеспечивают то, что предмет и дальше имеет качество, которым обладал изначально, а также события предотвращающие, которые обеспечивают, что это что-то – предмет или обьект – и дальше не имеет определённого качества, которое отсутствовало первоначально.

Заметим: в концепции Котарбиньского – так мы можем считать – есть место только для хорошо определённых сущих.

И, наконец, последняя из исследованных областей – теория *fuzzy systems*. Её ясное и актуальное изложение имеется в книге Михалчевского и Фогля[2]. Там мы находим – введённое почти полвека назад Л. А. Задэгом – понятие *нечеткого множества*, имеется также много сопутствую-

---

[1] *Kotarbiński T. Traktat o dobrej robocie.* – Wrocław-Warszawa: Ossolineum, 1955.

[2] *Michalczewski Z., Fogel D.B. How to solve it. Modern heuristics.* – Berlin: Springer, *2000.*

щих понятий, однако отсувствует понятие *нечеткого события.*

Почему? – подумал я – это странно…

2. И увидел таким образом свою задачу: нужно определить это понятие.

Одновремеено я осознал, что нахожусь уже внутри этой задачи, в существенной связи с этой задачей – так что, возможно, замысл удастся осуществить

3. Решил задачу следующим образом:

Обратился к типологии событий, данной Котарбиньским (события являются или персеверационными или пермутационными) и связал эту типологию с идеей нечеткости, взятой из теории *fuzzy systems*, конкретизированной в виде так называемой функции принадлежности элемента x к множеству A, или $m_A(x)$.

В теории *fuzzy systems* основными являются два образования:

– так называемый "универсум дискурса", или множество всех аргументов $x \in X$,

– а также определённая на этом множестве (и названная выше) функция $m_A(x)$, такая, что $0 \le m_A(x) \le 1$, при этом $m_A(x)=0$, означает, что элемент $x \in X$ не принадлежит к A, $m_A(x)=1$ означает принадлежность, а $0<m_A(x)<1$ принадлежность частичную или нечеткую.

Приведу пример, иллюстрирующий введённые понятия:

– пусть универсум дискурса X будет состоять из всех могущих быть сформулированными значений x принадлежности определённой личности – рассмотренной в сменяющихся фазах жизни – к множеству A = {которая есть, в определённом смысле, умелой};

– когда наш герой является ребёнком, нужно высказать утверждение, что он ещё этого умения не приобрёл, что значит, что вначале будет $m_A(x) = 0$.

– когда во время учёбы эти умения приобретаются, в это время $0<mA(x)<1$ и $mA(x)$ в общем растёт, иногда постепенно, иногда скачкообразно;

– когда наступает “фаза мастерства”, тогда имеет место признание умений и $mA(x) = 1$;

– это состояние продолжается обычно весь период профессиональной активности;

– далее бывает по разному, в зависимости от ситуации; чаще всего умения ослабевают и в конце концов изчезают вообще.

После этих приготовлений представляю способ рассуждения, который привёл меня к результату:

(1) в логике Котарбиньского персеверационному событию соответствует постоянная $m_A(x)$, т.е. неизменность состояния, при этом такое, что

– или $m_A(x) = 1$, а действие было сохраняющее, так что наблюдаемый объект имел постоянное качество А как перед действием $('m_A(x) = 1)$, так и после действия $(''m_A(x) = 1)$,

– или $m_A(x) = 0$, а действие было предотвращающее $('m_A(x) = 0, ''m_A(x) = 0)$;

(2) в этой же логике пермутационному событию соответствует переменная $m_A(x)$, т.е. изменение состояния, при этом такое, что

– или $'m_A(x)=0$ и $''m_A(x)=1$, а действие было конструктивное, ибо придало объекту x качество А, которую тот первоначально не имел;

– или $'m_A(x)=1, ''m_A(x)=0$, а действие было деструктивное, ибо отняло у объекта x качество А;

(3) иными словами – (основную) типологию событий по Котарбиньскому можно представить следующим образом:

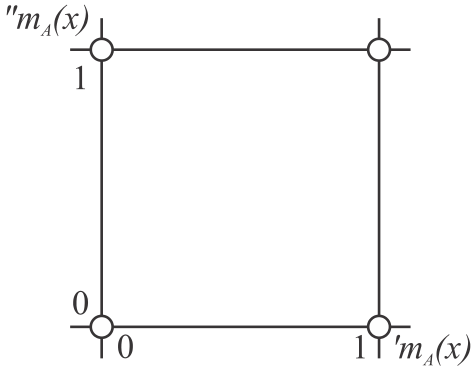
– даны объект $x \in X$, качество А и универсум дискурса X {все объекты, про которые можно утверждать, что они имеют либо не имеют качество А},

– совершается двойное наблюдение объекта: до и после действия, утверждая, что либо $m_A(x)=0$, либо $m_A(x)=1$,

– возникают четыре возможные комбинации, которые соответствующим образом называются:

$'m_A(x)$ (до)	$''m_A(x)$ (после)	**вид события**
0	0	предотвращающее
0	1	конструктивное
1	0	деструктивное
1	1	сохраняющее

(4) приведённую таблицу можно отобразить рисунком:



(5) а что же получается для $0 < m_A(x) < 1$?

Начнём с принятия $m_A(x) = 0$, или $1/2$, или 1.

Получаем следующие новые пары $('m_A(x), ''m_A(x))$ а также их интерпретации:

$(0, 1/2)$ – событие является частично конструктивным (ибо усиление качества заметно возрастает) и частично предотвращающим (ибо мера усиления качества небольшая),

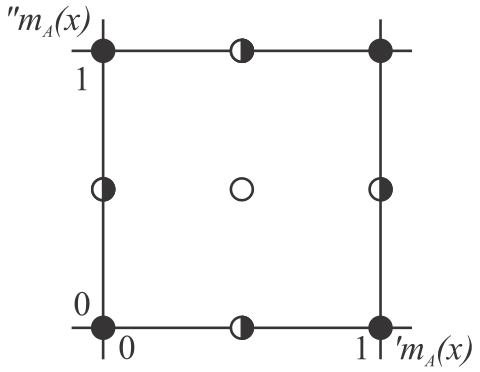
$(1/2, 0)$ – событие является частично деструктивным и частично предотвращающим,

($^{1}/_{2}$,1) – событие является частично конструктивным и частично сохраняющим,

(1,$^{1}/_{2}$) – событие является частично деструктивным и частично сохраняющим,

($^{1}/_{2}$,$^{1}/_{2}$) – событие является неопределённым, ибо занимает среднюю позицию в совокупности ранее приведённых (типа “всё и ничего”).

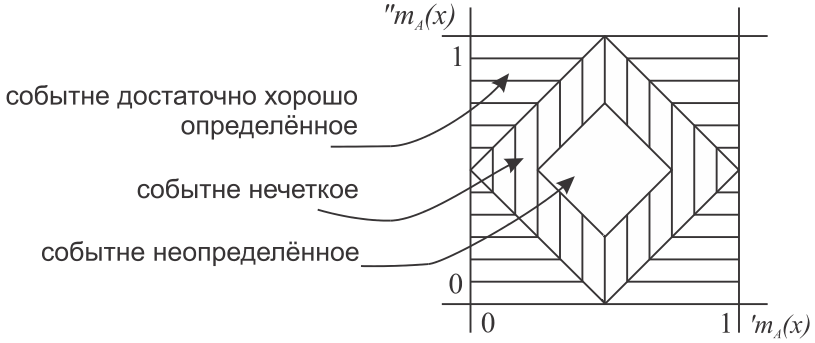
Получается таким образом следующее:



Это значит: **A**) есть четыре события полностью определённые: (0,0), (0,1), (1,0), (1,1); **B**) одно событие полностью неопределённое ($^{1}/_{2}$,$^{1}/_{2}$), это значит отсутствие события; и **C**) четыре события определённые частично (0,$^{1}/_{2}$), ($^{1}/_{2}$,0), ($^{1}/_{2}$,1), (1,$^{1}/_{2}$), **эти последние и являются “нечеткими событиями”.**

(6) Являются ли эти выявленные четыре единственными, которые – интуитивно – мы можем назвать “нечеткими”?

Скорее всего нет, интуитивно видится следующее деление “поля возможности”:



4. Мы уже знаем, таким образом, чем является нечеткое событие1, в то же время имеем в наличии основы теории. Может быть, таким образом, мы будем в состоянии сформулировать следующую задачу и найти достаточно интересное применение полученных инструментов.

Согласимся с этим и постараемся сформулировать задачу.

Что мы ищем? Применения новой типологии событий.

В какой области будем стремиться применить эту типологию? В области творчества, разумеется.

Какие сущие хотели бы мы полнее описать, используя конструкт размытого события?

Может быть эти два важные и – кажется – соответствующие, то есть творения

– *укоренение в мире* и

– *постоянство*.

Как будем вести исследование?

Прежде всего нужно установить универсум дискурса, X. Чем он есть? Всеми творениями, которые, здесь

---

[1] *Гаральский А.: Теория творчества*. – Санкт Петербург: Невский простор, 2004.

и сейчас – созданны. Таких великое множество, хотя и конечное.

Следующее. Какое содержание придадим множества А? Припомним – это та ступень принадлежности, которую оцениваем с помощью величины функции $m_A(x)$.

Определим множество А таким образом:

А = {те творения, которые в определённом смысле – важны для меня}.

Как, например, *Ария на струне G* И. С. Баха или *Теория систем* А. И. Уёмова.

Очевидно, что те "определённые смыслы" могут быть разномерными. Некоторые из них – вроде бы второсортные, но в то же время более человечные, доступные – имеют свои противоположности. Можно, например, ценить музыкальное произведение за мягкость. Тот, кто таким образом оценивает, отвергнет, может быть, творения Вагнера, которые явно не являются мягкими. Похожая ситуация с большинством качеств, которые мы считаем ценными.

Есть также идеальные качества – те, противоположности которым явно не ценятся. Таким качетвом является, например, добро, – потому что зло явно не может быть хорошим. В то же время найти согласие, что является добром, необычайно трудно, и это подтверждает практика повседневной жизни, например, политика…

Легче, правда, с восприятием и интернализацией красоты. Есть вещи, которые затрагивают почти всех поляков – например "*Литва, моя отчизна*" Мицкевича, или – в этом случае почти каждого, независимо от культурной принадлежности – *Мона Лиза* Леонардо Да Винчи.

С истиной бывает по разному. Все мы к ней стремимся, редко её достигая. Хорошо быть математиком, логиком, либо тем, кто знает явленную ему истину. Тогда он имеет опыт бытия в истине. Это важно и стоит к этому стремиться. Иногда же, может довольно часто, хорошо быть в разладе с истиной – тогда есть импульс, чтобы её искать…

После этого отступления вернёмся к основному течению разговора, это значит к определению предпринимаемой задачи.

Что будет рассмотренным нами событием?

“Столкновение” с творением и переживаемая оценка его существенности, близости и значимости.

Заметим: предмет был сведён к отношению избранного творения и его конкретного “реципиента”. В этом нет ничего плохого – наше размышление не теряет в общности, потому что судьбы творений – их укоренение в мире, их дление – являются в конце концов равнодействующими рассмотренных нами актов.

В то же время сделаем различие между двумя ситуациями:

– когда это событие случается впервые,

– когда имеем дело с фрагментом общения с творением, с которым сталкиваешься в очередной раз.

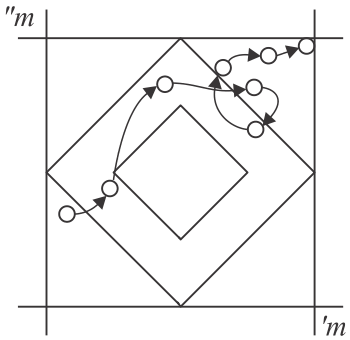
Для нас существенной является вторая ситуация; её особенность выражается в том, что событие определено двумя оценками:

’$m_A(x)$, то есть последняя пережитая оценка существенности творения и

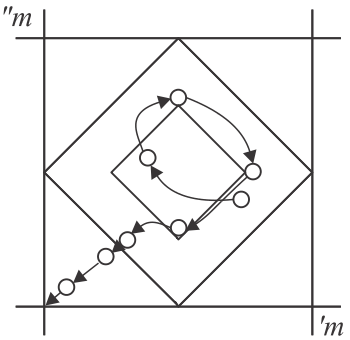
’’$m_A(x)$ – оценка, переживаемая теперь, после нового осуществления целого: творение и я.

Как происходит то, что хотелось бы выразить в определении “творение укореняется во мне, а через меня – и в мире”?

Это происходит двумя способами, указанными – через примеры – на следующей схеме:



укоренение в принятни



укоренение в отвержении

Вариант “укоренение в принятии” достаточно ясен: очередное переживание значимости творения усиливает моё убеждение, что оно является существенным, близким и значимым.

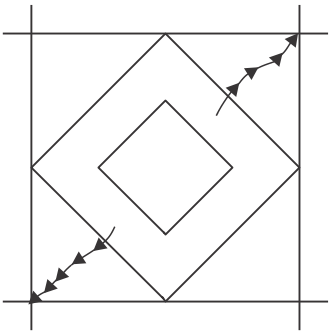
Вариант “укоренения в отвержении” выглядит парадоксальным, действительно, многого ли стоит “укоренение” чего-то, что становится всё менее существенным и значимым, всё более чужим?

И всё же здесь присутствует мотив “укоренения”. Дело в том, что “отвергание” требует усилий, нужно знать, какие качества хотелось бы иметь, и какие в данном творении отсутствуют. А факт этого усилия создаёт возможность и даже рождает необходимость значимости иного творения, его укоренения и постоянства.

Вывод из этой неочевидности в конце концов следующий: хорошо, когда существует множественность источников творчества и “не абсолютизирующие” критерии значимости: отвергание определённого свершения даёт иному возможность существования – во мне, в нас.

Теперь уже ясно, как понимать “дление творения”.

Выражая это с помощью созданного нами мира понятий – длиться – это стабильно укорениться. А это означает, что существуют два варианта траектории дления: первый имеет в качестве границы событие сохраняющее, другой – событие предотвращающее.



длиться

Действовать ради дления чего-либо значит таким образом (в нашей онтологии)

– подтверждать, усиливать, обосновывать, … его важность, существенность, близость и значимость;

– отказывать в важности, существенности и значимости чему-то иному, которое – в определённых для меня смыслах – является альтернативным источником творчества, творением, которое я не могу и не хочу принять в качестве своего.

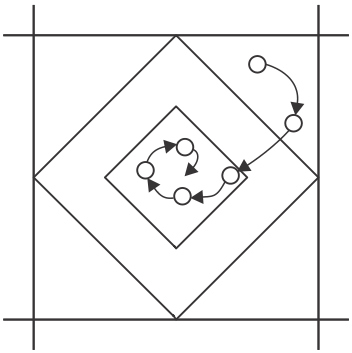
Оказывается, что теория творчества является также теорией борьбы. Борьбы за дление. Даже – за выживание.

5. После такого захватывающего для автора и – надеюсь – интересного для читателя “погружения в бескорыстную радость формирующего существования” вернёмся к нашей задаче и зададим вопрос:

А что мы получили, введя “нечеткое событие”?

Минимум две вещи.

Во-первых то, что мы уже понимаем, – может произойти так, что наше “столкновение” с творением – оставаясь в физической реальности – в нашем эмоциональном переживании затухает. Это произойдёт тогда, когда точка равновесия достигается не вовне полосы размытого события – как раньше – а внутри её:

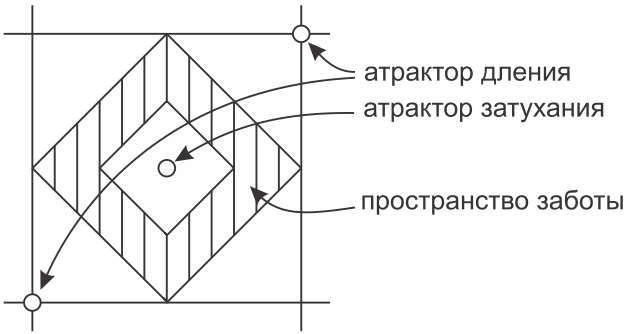


Изображенное состояние – это такая “смерть” творения, которая не является в то же время колыбелью для иного творения. Это самодостаточный “максимум энтропиии” – то, что не является ни принятым, ни отвергнутым, перестаёт существовать, ничего не рождая.

А как обстоят дела с процесами принятия/отвергания творения, которые происходят в пределах полосы, принадлежащей к “нечеткому событию”?

Их судьба неопределена: пространство нечеткости похоже на возвышение с двумя склонами. Один из них направляет процесс к “ничто” или к центру схемы, к точке, в которой творение перестаёт отличаться от действительности, тонет в её фоне и, таким образом, творческое начало мертвеет. Второй склон приводит к состояниям дления творения – как в принятии его, так и в его отвергании, или, что также возможно – в стабильной переменности, в капризно-колебательном “люблю-ненавижу” или “принимаю-отвергаю”.

Заметим: то, что находится в пространстве размытости, требует особенной заботы. Его судьба не определена, шансы на достижение желаемых точек равновесия – аттракторов дления – такие же, как и шансы на равновесие в аттракторе затухания. Затухания творения, исчезновения творческого усилия.



Заметим, что идея размытости, соотнесённая с проблемой признания/непризнания важности, существенности, близости и значимости творения, выражается – с точки зрения субъекта, который сталкивается с ним – в идее неопределённости: что будет, что случится, не очень хорошо известно.

Л. Н. Терентьева[1]

РЕЛЯЦИОННАЯ И АТРИБУТИВНАЯ СТРУКТУРА В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ МЫШЛЕНИИ

Памяти А. Уёмова посвящаю

«Может, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, который всё больше и больше укрепляется, появление системной методологии является крупнейшим событием всей методологии науки XX века. Его можно сравнить с такими феноменами, как возникновение индуктивной методологии, связанной с именами Ф. Бэкона и Дж.С. Милля, и появление науки логики в Древнем мире».

А. Уёмов

Понятия реляционной и атрибутивной структур введены А. И. Уёмовым в параметрической общей теории систем[2]. Обе структуры находятся в особой связи между собой, представляют собой некую парность, которая проявляется в двойственном системном моделировании. В качестве категориальной базы для создания двойственного системного моделирования А. Уёмов использует, разработанные им, категории вещи, свойства и отношения. Для построения параметрической общей теории систем А. Уёмов использует не только категории вещи, свойства и отношения (рассматривая их как синтаксические), но

---

[1] Терентьева Л.Н. – доктор филос. наук, профессор кафедры философии Одесского национального университета (ОНУ) им. Мечникова; одна из первых аспиранток А. И. Уёмова, а затем и его супруга.

[2] *Уёмов А .И.* Системный подход и общая теория систем. М.:Мысль.– С. 129.

и вводит семантические категории: определённое, неопределенное и произвольное[1].

Двойственное системное моделирование базируется на взаимоопределимости и соотнесённости категорий вещь, свойство и отношение. А. Уёмов вводит определения категорий вещь, свойство и отношение как взаимоопределения всех трех категорий: 1. Вещь – отношение свойств; 2. Свойство – отношение вещей; 3. Отношение – свойство вещей. Автор пишет: «В этих определениях нетрудно заметить *две пары двойственных понятий.* Одна пара – это «свойство» – «отношение». Совершая двойственное преобразование относительно этой пары, мы из второго определения получаем третье, и наоборот. Понятие вещи при этом остается без изменения. Другую пару образуют «свойство» – «вещь». Заменяя понятие «вещь» понятием «свойство» и наоборот, мы преобразуем первое определение во второе и второе в первое. Понятие «отношение при этом не подвергается изменению»[2].

Атрибутивная структура находится там, где некоторая совокупность вещей объединяется в некоторую *целостность по свойствам.* Например, летящая стая птиц. Птицы свободно могут меняться местами в стае во время полета. Реляционная структура находится там, где некоторая совокупность объединяется в некоторую *целостность по отношениям*. Например, те же птицы по сигналу или без него летят в красивом согласованном полете, где есть определенный их порядок в стае.

Введение двойственного системного моделирования базируется на двойственном определении «свойства» и «отношения». А. Уёмов подчеркивает: «Поэтому «естественно ожидать», что эта двойственность сохранится во

---

[1] *Уёмов А. И.*. Системные аспекты философского знания. – Одесса: «Негоциант», 2000.– С.23–36.

[2] *Уёмов А. И.* Вещи, свойства и отношения.– М.: АН СССР, 1963. – С. 172.

всех положениях, опирающихся на эти определения»[1]. Таким положением и является двойственное системное моделирование, где в отношении двойственной взаимосвязи находятся обе структуры – атрибутивная и реляционная.

Двойственное системное моделирование в категориях «вещи», «свойства» и «отношение» формально, еще без использования языка тернарного описания (ЯТО) выражалось так:

$$(m)Syst =_{df} [R(*m)])P \quad (1)$$

$$(m)Syst =_{df} R([(m\ *)P]) \quad (2)$$

Здесь *(m)S* означает, что некоторая вещь (*m*) обладает свойством «быть системой» –по определению, если на этой вещи (*m*) реализуется отношение *R,* что формально представлено как [*R(*m*)], т. е. как некоторая *реляционная структура.* Звездочка * означает направление реализации отношения *R* к субстрату системы. Определение системы (1) включает *реляционную структуру* [*R*(**m*)], обладающую свойством *P* – *атрибутивным* концептом системы. Определение системы (2) включает *атрибутивную структуру* [(*m***)P*], на которой реализуется *R* – *реляционный* концепт системы.

В формальном обозначении А. Уёмов вводит позиционный принцип. Вещь, обозначенная *m,* всегда помещается в круглых скобках (*m*). Свойство, обозначенное *P,* помещается справа от круглых скобок, отношение *R* помещается слева. Определения системы (1) и (2) построены на соотношении системных дескрипторов без учета их качеств, выраженных в категориях «определенное» – *t* , «неопределенное» – *a* и «произвольное» – *A*. В категориях «определенное» – *t* , «неопределенное» – *a* и «произвольное» – *A* фиксируется семантика категорий вещи, свойства и отношения как синтаксических. Поэтому

[1] *Уёмов А. И*. Вещи, свойства и отношения.– С. 172.

формальное представление двойственного системного моделирования в категориях «вещи», «свойства» и «отношения» назовем синтаксическим.

Семантическое же формальное представление двойственного системного моделирования – с использованием формализмов ЯТО – имеет вид:

$$(\imath A)Syst =_{df} ([a(*\imath A)])t \quad (1a)$$

$$(\imath A)Syst =_{df} t[(\imath A*)a]) \quad (2a)$$

(1a). Это семантическое определение с атрибутивным концептом читается так: «Любой объект ($\imath A$) является системой, т. е. обладает свойством «быть системой», если в этом объекте реализуется какое-то отношение $a(*\imath A)$, обладающее определенным свойством t».[1] Здесь отношение $a(*\imath A)$ – *реляционная структура, t – атрибутивный концепт, $\imath A$ – субстрат системы*.

(2a). Семантическое определение системы с реляционным концептом читается так: «Любой объект ($\imath A$) обладает свойством «быть системой», если в этом объекте реализуется какое-то свойство $a(*\imath A)$, обладающее определенным отношением t».[2]

В категориальном инструментарии двойственного системного моделирования можно провести новую оценку ряда философских и научных идей, начиная с античных времен. Проявлялись ли в истории развития философского и научного знания атрибутивная и реляционная структуры как характерная черта двойственного системного моделирования?

Будем рассматривать атрибутивную и реляционную структуру как некие организованные целостности, возникающие в философском и научном мышлении. Более

---

[1] *Уёмов А., Сараева И., Цофнас А.*. Общая теория систем для гуманитариев.– Warszawa: Wydawnictwo Uniwersitas Rediviva, 2001.– С. 37.

[2] Там же, С. 42.

того, сторонников атрибутивной структуры назовём *атрибутивистами*, а сторонников реляционной структуры назовём *реляционистами*. Это не означает, что среди философов и ученых отсутствуют те, кто оценивает механизм познавательного процесса с двух, соотнесённых между собой, позиций.

Аристотель был философом, ученым, создавшим «доказательную науку» – аналитику. Он представляет категорический силлогизм двояким образом: как связь его терминов и как связь суждений – посылок и заключения. В категориях атрибутивной и реляционной структуры силлогизм как связь терминов представляет реляционную структуру, а силлогизм как связь суждений посылок и заключения – как атрибутивную структуру. Обе структуры *соотнесены* между собой: «"Одно целиком содержится в другом" означает то же, что "другое сказывается обо всем первом"»[1]. Выражение «означает то же» можно понять как двойственное представление одного и того же объекта, в данном случае, таким объектом является силлогизм. «Одно целиком содержится в другом» – это признак объемных отношений терминов силлогизма, т. е. реляционная структура, «другое сказывается обо всем первом» – признак атрибутивной структуры, которое соотнесено с выражением – «одно целиком содержится в другом». Аристотель при создании науки о доказательстве впервые использует двойственное видение силлогистического вывода[2].

В становлении философского мышления или, по Аристотелю, «первой мудрости», проявились сторонники как реляционной, так и атрибутивной структуры. В становлении научного мышления или, по Аристотелю,

---

[1] *Аристотель*. Первая аналитика.– 24b 25-27.

[2] *См.*: *Терентьева Л. Н.*. Силлогизм как связь терминов и как связь посылок: двойственное системное моделирование // Параметрическая общая теория систем и её применения. Сб. трудов, посвящённый 80-летию проф. А. И. Уёмова.– Одесса.: Астропринт, 2008. – С. 107–122.

«второй мудрости», также проявились сторонники как реляционной, так и атрибутивной структуры.

К сторонникам реляционной структуры бытия можно отнести учение **Пифагора** и его последователей, которые, «занявшись математикой, первые развили её и, овладев ею, стали считать её начала началами всего существующего»[1], полагая, «что всё небо есть гармония и число».[2] «Двоица», которую находим в двойственном системном моделировании, была рождена в школе Пифагора. Он, на наш взгляд, заложил парадигму «двоицы» в научном и философском мышлении. Правда, Пифагор именовал её как «неопределенную двоицу», порожденную неким числовым началом, которое как первоначальная причина, соединяясь с веществом, порождает, «неопределенную двоицу».[3] Аристотель пишет о пифагорейцах: «Утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое».[4] Аристотель подчеркивает значение «двоицы» у пифагорейцев: «…Большинство свойств, с которыми сталкиваются люди, образуют пары».[5]

Основа мира, по Пифагору, есть онтологически понимаемые числа. Числовая гармония, созвучная музыкальной, лежит в основе бытия. Числа как отношения правят миром, иначе говоря, основой бытия являются отношения. Аристотель пишет: «…Пифагорейцы, занявшись математикой, первые развили её и, овладев ею, стали считать её начала началами всего существующего. (…) В числах пифагорейцы усматривали много сходного с тем,

---

[1] *Аристотель*. Метафизика. – 985b 22-25.

[2] Там же, 986a 1.

[3] *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.– М.: Мысль»,1979.– С. 338.– С. 338.

[4] *Аристотель*.– Метафизика.– 986a 22-26.

[5] Там же, 986a 31-32.

что существует и возникает, – больше, чем в огне, земле и воде… Они видели, что свойства и соотношения, присущие гармонии, выразимы в числах…, они предположили, что элементы чисел суть элементы всего существующего и что все небо есть гармония и число».[1]

Отношения могут быть как материальными, так и идеальными, например, военные – это материальные отношения, а идеологические, политические – идеальные. Если отношения лежат в основе бытия, то, что это, как не *реляционная структура бытия?* Другой вопрос – это понимание этих отношений, их ментальная составляющая, их реализация на субстрате, каким могут быть человеческие головы.

Остановимся на математических отношениях, включая геометрические.

Платон – пифагореец или сторонник реляционной структуры бытия. Об этом говорит и тест, который нужно усвоить реляционисту для вхождения в его Академию: «Негеометр да не войдет!». Иначе говоря: «Не знающий математики, не входи!». Аристотель замечает: «…Появилось учение Платона, во многом примыкающее к пифагорейцам, но имеющее свои особенности...».[2]

Системная модель А. Уёмова, где фиксируется три системных определителя: концепт, структура и субстрат системы[3], созвучна построению бытия у Платона. Платон выделяет три слоя бытия: первое – это сущее, идеи (эйдосы) – как вечные и неизменные прообразы природных вещей. Это также бытие общего, выражаемое в родах и видах для изменяемых, чувственно воспринимаемых предметов, категориальный статус эйдосов. Наконец, – это смыслы или *концепты*, категориальный

---

[1] *Аристотель*.– Метафизика.– 986а 22-26.

[2] Там же, 987а 30.

[3] *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем.– М.: Мысль. 1978.– С. 126.

статус чувственно воспринимаемых предметов. Бытие *эйдосов* – вечных *концептов*, т. е. вневременных умопостигаемых прообразов для чувственно воспринимаемых вещей, отлично от бытия чувственного как конечного, временного. Чувственно воспринимаемые вещи имеют зависимое бытие как «причастность» к бытию эйдосов. Аристотель замечает: «Однако «причастность» – это лишь новое имя: пифагорейцы утверждают, что вещи существуют через подражание числам, а Платон, < изменив имя >, – что через причастность. Но что такое причастность или подражание эйдосам, исследовать это они предоставили другим»[1].

Платон выделяет вид структуры бытия как *реляционист*, поскольку вводит отношения или числа, которые репрезентируют *реляционную* структуру системной модели в двойственном системном моделировании. «Платон утверждал, что помимо чувственно воспринимаемого и эйдосов существует как нечто промежуточное математические предметы, отличающиеся от чувственно воспринимаемых тем, что они вечны и неподвижны, а от эйдосов тем, что имеется много одинаковых таких предметов, в то время как каждый эйдос сам по себе только один».[2] Но эйдос «треугольника» только один, его можно обозначить как *концепт* системы, т. е. фиксируемый смысл, в котором фиксируется «тип понимания системы», а вот видов треугольников из промежуточного бытия и структурирующих бытие, «имеется много» [3].

Платон наполняет мироздание музыкой, гармонией, геометрической и числовой гармонией, Это – *атрибутивный концепт* мироздания, который Платон отводит высшему благу, высшему уму, полагая, что «невозможно ныне и невозможно было издревле, чтобы тот, кто есть

---

[1] *Аристотель*.– Метафизика.– 987b 10–14.

[2] Там же, 987b 15.

[3] См: *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем, С 126.

высшее благо, произвел нечто, что не было бы прекраснейшим». Этот атрибутивный концепт реализуется на реляционной структуре: мир структурируется из двух «прекраснейших» треугольников, симметричных – равносторонних и равнобедренных. Их соединение и разделение порождает весь мир, подобно числам Пифагора. Однако и числа, и треугольники – это некие отношения, из которых создан объемный мир. Что это как не *реляционная структура бытия?* Однако в концепции мироздания Платона находится и третий дескриптор системной модели – субстрат, который представляет собой весь чувственно воспринимаемый текучий мир бытия природных вещей. Платон верен пифагорейскому пониманию мироустройства: отношения, т. е. реляционная структура, правят миром. Войти в эту структуру можно лишь так, как предупреждал тест Платона: «Не геометр да не войдет!».

Но у сторонника атрибутивной структуры также найдется и гармония, и упрощение, и стремление к упорядоченности, но уже атрибутивными средствами. Никаких чисел, никакой математики в основе бытия – только симметрия и красота!

Демокрит был ученым-энциклопедистом, философом, предложившим идею атомов – неких неделимых сущностей, из которых составлено бытие. Демокрит вводит и второе начало – пустоту, в которой бытие отсутствует. Таким образом, как и у пифагорейцев с их бытием и небытием, у него видна «двоица». Это бытие неделимых, находящихся в вечном (механическом) движении, соударении, перегруппировке, и бытие пустоты (т. е. небытие), которое необходимо для движения неделимых.

Демокритовская структура бытия – *атрибутивная*. Атомы – не числа, не отношения, а некий вид неделимого далее бытия, разделенного пустотой. Атомы как неделимые сущности обладают атрибутами вечного движения, соединяясь в некие совокупности, вновь рассыпаются. Гейзенберг позже заметит, что в устройстве бытия, по

Демокриту, нет чисел, нет треугольников, а есть неделимые сущности, обладающие свойством «иметь пространственную форму»: круглые, крючковатые, продолговатые и т. д. Аристотель пишет: «Левкипп и Демокрит утверждают, что отличия [атомов] суть причины всего остального. А этих отличий они указывают три: очертания, порядок и положение. Ибо сущее, говорят они, различается лишь «строем», «соприкосновением» и «поворотом»; из них «строй», – это очертания, «соприкосновение» – порядок, «поворот» – положение».[1] Выделение этих атрибутов неделимых – «строй», «соприкосновение», «поворот» – означает, что Демокрит не является последователем учения Пифагора о числовом устройстве бытия. Движение невидимых неделимых может казаться хаотичным, т.е. беспричинным, случайным, но Демокрит отвергает случайность, которая есть только форма нашего незнания. Что все это означает, как не представления об *атрибутивной структуре бытия?*

Н. Коперник – тоже сторонник *атрибутивной* структуры. Основной труд Коперника – «О вращениях небесных сфер» (1543), в нем возрождается предположение античного мыслителя Аристарха Самосского о гелиоцентризме. Рассуждения Коперника – это исследование свойств двух систем мироздания – геоцентрической и гелиоцентрической, и их сопоставление по системному параметру простоты-сложности. Н. Коперник подвергает критике птолемеевскую геоцентрическую систему мира, поскольку она слишком сложна, и введенные Птолемеем циклы и эпициклы для объяснения сложного движения планет не отвечают красоте и совершенству ее строения.

Коперник при построении гелиоцентрической системы мыслит отчетливо системно: для начала фиксируется *концепт* системы мироздания – это наблюдаемая красота-симметрия и совершенство неба. Описать эту

[1] *Аристотель*.– Метафизика.– 985b 12-16.

красоту и «вычислить небо» можно более простым способом: уменьшить количество циклов и найти более простые их сочетания. Создание гелиоцентрической системы восстанавливает гармонию и красоту: совершенное равномерное движение по совершенным круговым орбитам. Идея неподвижности Земли, которой следовали и Аристотель, и Птолемей, отбрасывается, а тем самым формируется новая парадигма: Земля-то не находится в покое! У Коперника были и предшественники, он упоминает тех же пифагорейцев, которые предполагали, что Земля движется не прямолинейно, а вращается вокруг своего центра – подобно колесу. Непосредственно наблюдаемых фактов движения Земли не было, видимо вращалось только небо. Новая парадигма или новый концепт позволяет сформировать и новую гносеологическую установку: видимое не обязательно есть истина, но оно заключает в себе то, где можно обнаружить истину.

Концепт совершенства Коперник переносит и на шарообразную форму мироздания, поскольку и Солнце, и Луна, и звезды имеют эту совершенную форму и движение по кругу, которое можно непосредственно наблюдать. Но он вводит в свою систему новое положение Солнца: оно в центре всех круговых орбит. И это все устроено по законам красоты и симметрии.

Коперник с большим уважением относится к Платону, часто цитирует его. Идея о «совершеннейшем» и «прекраснейшем» мироздании в форме шара Платона принята Коперником и реализуется в эстетическом свойстве истины. О. Мороз писал: «Однако эстетический аргумент о совершенстве, о геометрической безупречности шара стоит у Коперника на первом месте».[1] Это – *реляционный концепт* системной модели, как принимаемого идеала «совершенного» симметричного движения по кругу и вращения вокруг оси, который реализуется на

[1] *Мороз О.*. Прекрасна ли истина?– М.: Знание, 1989.– С. 34

атрибутивной структуре гелиоцентрической системы мироздания, введенной Коперником.

Коперник долго не публиковал свою работу, следуя пифагорейскому правилу умолчания, которых от разглашения их идей удерживала «боязнь презрения» или «крик беотийцев». «До Коперника дошли слова, сказанные о нем Лютером: “Этот дурак хочет перевернуть все искусство астрономии”. Но опасно было не мнение Лютера, а то, что он ссылается на Священное писание, которому учение Коперника явно противоречило».[1]

Таким образом, Н. Коперник – сторонник *атрибутивной структуры*. Его реляционный концепт – идея шарообразности мироздания, форма орбит – совершенный круг. Все это вкупе – отвечают меркам не числа, а идеалу совершенного свойства.

А вот **И. Кеплер** – сторонник *реляционной структуры* в понимании движения планет в гелиоцентрической системе. Как и Коперник, он исходит из идей Платона о симметрии, динамической гармонии мироустройства. Оба астронома признают значение пифагорейского «числа» в динамике «блуждающих», т. е. планет. Оба совершают переворот во взглядах на место Солнца, Земли и остальных планет в нашей планетарной центрированной системе. Оба оставляют систему мироздания центрированной, хотя на место неподвижной Земли, находящейся в центре, по Аристотелю и Птолемею, помещает Солнце. У обоих платоновский идеал «совершеннейшего» устройства бытия, в котором центральное место занимают геометрические отношения в виде «прекраснейших» треугольников.

Но у Коперника движение планет происходит только равномерно и только по совершенным круговым орбитам вокруг Солнца. И хотя Коперник отдает дань и «числам», составляет таблицы, по которым «можно вычислять

[1] Там же, С. 32.

положение планет на небе»[1], законов движения планет вокруг Солнца он не открывает. Именно Кеплеру принадлежит открытие трех законов движения планет вокруг Солнца: 1) каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце; 2) каждая планета движется в плоскости, проходящей через центр Солнца, причем площадь сектора орбиты, описанная радиусом-вектором планеты, изменяется пропорционально времени; 3) квадраты времен обращения планет вокруг Солнца соотносятся как кубы их средних расстояний от Солнца.

Открытие законов Кеплера – это триумф математики, результат «непостижимой эффективности математики» и принятие реляционной структуры бытия. Каким бы ни был симметричным и совершенным мир Н. Коперника (шарообразная форма Вселенной, равномерное движение планет по совершенной круговой орбите), этот эстетический идеал не был реализован Природой – она реализовала другой вариант красоты и симметрии, именно он был обнаружен математиком И. Кеплером.

[1] Там же.

Л. Н. Сумарокова

КАТЕГОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА: КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вместо введения

Статус ученого в обществе, мера его таланта и реальный вклад в развитие науки могут соотноситься между собой по-разному, иногда самым причудливым образом; это соотношение характеризует и личность ученого, и общество, в котором он живет и работает. Реальный вклад А. И. Уемова в развитие логики и философии прояснит будущее. Мне бы хотелось лишь отметить, что студенты и аспиранты, которые когда-либо у него учились, всегда знали, что он «не такой, как все» и немножко «не от мира сего». Сначала он удивил нас своей непохожестью на большинство преподавателей «общественных» кафедр: был демократичен, не ладил с партийным руководством. Увлекался логикой и кибернетикой, когда это было уже не запрещено, но и не совсем разрешено. Написал книгу о философских категориях, которых не было в учебниках по философии. В логике занимался теорией выводов по аналогии – на материале современного естествознания, – хотя в мире тогда господствовала априорная дедуктивная модель логического вывода, да и логики в целом. Будучи автором оригинального (параметрического) варианта общей теории систем, принятого научным сообществом и ставшего в определенной мере популярным, уходит в другую сферу исследований – пытается создать новый вариант неклассической логики, новый логический язык – язык тернарного описания (ЯТО), в результате чего окончательно утрачивает понимание со стороны многих известных логиков. Один из них сказал: «При всем моем уважении, … но не понимаю». Имея огромное количество работ, каждая из которых могла бы открыть научное

направление, и еще большее количество нестандартных идей, он не стал классическим академиком, напротив, лишился кафедры и был почти на 20 лет «выдавлен» из университета в самый продуктивный период своей научной и преподавательской деятельности. А между тем запас времени, жизненных сил у любого человека не безграничен, даже у «неуёмного» Уёмова.

С темы, близкой к теме предлагаемой ниже статьи, началось мое приобщение к логике: доклад «Служебные слова и понятия» обсуждался на заседании студенческого кружка («логишника», как мы его называли) в Иванове, а затем проблема частей речи мною затрагивалась в кандидатской диссертации, уже в Одессе. Много лет спустя Авенир Иванович упрекнул меня в том, что «забросила логический анализ частей речи». В знак уважения к учителю теперь пытаюсь оправдаться: эта статья о том, как я сегодня вижу указанную проблему.

Об истории изучения категориального базиса естественных языков

Проблема выделения устойчивых категорий естественного языка, характеризующих его целостность и самобытность, имеет длительную историю и различные измерения. Можно выделить, по меньшей мере, три таких измерения, отраженные в современной литературе достаточно отчетливо и сопровождающиеся оживленными дискуссиями.

В первом из них исследование категориального базиса естественных языков может быть обозначено как проблема частей речи. При ее обсуждении довольно рано наметились два конкурирующих подхода. В одном в качестве критерия выделения частей речи выступали семантические признаки, а в другом – структурные (морфологические и синтаксические). Сторонников первого подхода условно назовем менталистами, а сторонников второго – формалистами. К числу «менталистов» можно отнести В. Гумбольдта,

Э. Кассирера и тех лингвистов, последователей платонизма, которые считают, что энергия духа – духа народа, абсолютного духа, божественного духа, Единого идеального – проявляется, структурируется, воплощается в процессе говорения в словах и предложениях языка.[1] Р. Павиленис считал, что континуальное сознание коммуникантов (концептуальные системы) – основа любого структурирования языка, всегда предполагающего дискретность[2]. «Формалистами» можно назвать в отечественной традиции Ф. Ф. Фортунатова, а в мировой – структуралистов, особенно представителей американской школы структурализма. Здесь единицы языка выделяются исключительно по формальным признакам в процессе разбиения текста на фонологически и морфологически маркированные единицы. Л. Блумфилд в начале своего творческого пути принимал установку на формальное описание языка в «физических» терминах, что потом стало импульсом развития той части дескриптивной лингвистики, которая широко использовала математическое моделирование языка, в том числе опирающееся на вероятностные методы[3].

Многие лингвисты пытались избежать крайностей «ментализма» и «формализма», опираясь и на грамматические, и на смысловые критерии одновременно; однако «объединительные» подходы нередко оказывались уязвимыми для критики из-за значительной доли эклектичности.

Второе измерение обсуждаемой проблемы наметилось после появления теории речевых актов. Центр внимания исследователей переместился на изучение намерений, целей, установок коммуникантов, то есть на прагматику

---

[1] *Бардина Н. В.* Языковая гармонизация сознания. – Одесса: Астропринт, 1997.

[2] *Павиленис Р. Й.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

[3] Основные направления структурализма.– М.: Наука, 1964. – Сс. 178, 182.

речи. Однако прагматика нередко понималась при этом как надъязыковая, внешняя по отношению к языку сфера. Отсюда появилось противопоставление системности языка и прагматичности его функционирования и, соответственно, логико-семантических и прагматических методов исследования языка[1]. Однако в лингвистике это противопоставление было преодолено за счет осознания трехмерности пространства языка, единства синтаксиса, семантики и прагматики как его необходимых измерений. В методологии лингвистики стали постепенно (не всегда) разделять прагматику коммуникации и прагматику языка как ее особый уровень. Типы речевых актов классифицировались как типы *способов употребления* единиц языка. Соответственно, проблема категорий языка трансформируется в проблему различения регулярно встречающихся и формально закрепленных в языке способов употребления единиц языка. При этом формализация рассматривается не только со стороны участия в ней морфологических и синтаксических средств, но и со стороны наиболее гибких, подвижных ресурсов языка, например, ударения, интонации в их различных модусах.

Разнообразные классификации речевых актов и способов употребления слова в коммуникации, в конце концов, были обобщены в дифференциации констативов (дескриптивов), регулятивов (в том числе нормативов) и экспрессивов (выражающих внутреннее состояние коммуникантов). Эти три категории единиц языка различаются не только функционально, но и генетически – по типу формализации, результатом которой они являются.

Традиционные классификации частей речи соотносились преимущественно с констативами – с представлением картины мира в сознании коммуникантов. В этом случае использовался тот вид формализации знания,

---

[1] *Демина Л. А.* Трансформации парадигмы смысла в аналитической философии. Монография. – М.: Изд. МГОУ, 2006.– С. 128.

результатом которого выступали *формы-образы* – способы представления некоторой предметной области через фиксацию немногих выбранных опорных признаков. Классификация разрядов слов по семантическим категориям «вещь», «свойство», «отношение», «свойство свойства» и т.д. является релевантной преимущественно для дескриптивов.

Результаты *формализации действий*, поведения в широком смысле – *форма-правило или форма-действие* – являются организующим центром генезиса регулятивов.

Формы-образы и формы-правила тесно взаимосвязаны друг с другом и с экспрессивами, что отражено в многочисленных функциональных концепциях анализа языковых единиц и конструкций из них. При этом отражательная функция языка явно подчинена коммуникативной и встраивается в нее в качестве обязательного компонента. На ведущей роли коммуникативной функции языка настаивал еще Р. Якобсон, который считал, что ударение и интонация в общении выполняют, кроме разграничительной и выделительной функций, еще и экспрессивную функцию. Слово – это не только носитель информации о мире, о поведении человека или о структуре языка, но и выразитель эмоционального состояния человека, выразитель его переживаний, чувств, общего ценностного отношения к миру, к ситуациям, к коммуникантам. Без этого не может быть адекватно понято «таинство мысли, воплощенной в звуковой материи», не могут быть раскрыты «тайны языкового символа, Логоса».[1]

В традиционных классификациях частей речи экспрессивы отражены в констатации существования особого разряда слов – междометий. А между тем экспрессивы – это большой класс и других единиц языка с преобладающим чувственно-эмоциональным значением, где исходные семантическое и синтаксическое значения

[1] *Якобсон Р.* Избранные работы.– М.: Прогресс, 1985.– Сс. 31,44.

зачастую «преодолены», «перекрыты» экспрессивным значением, которое в коммуникации может становиться не только главным, но и единственным значением. Данная категория языковых единиц настолько подвижна, что не может быть зафиксирована, скажем, с помощью какого-либо одного лексического или грамматического признака. Она может быть изучена только как проявление коммуникативной функции языка в целом.

Третье, набирающее все большую популярность, *измерение* проблемы категориального базиса естественных языков связано с широким употреблением понятий «константы языка», «концепты культуры»[1]. Оно нацелено на изучение способов вхождения языковых смыслов в общее смысловое пространство культуры. При всей неопределенности понимания термина «концепт культуры» современными учеными, общая тенденция, обозначенная Ю. С. Степановым, представляется весьма перспективной: концепты культуры органически соединяют в себе и знание о мире, и связь с деятельностью, и чувственно-эмоциональное отношение коммуникантов. Концепты не только понимаются, влияют, но и переживаются, принимаются как *опорные смыслы* мироощущения, мировосприятия, миропонимания, поведения и, в конечном счете, – *жизни, бытия* человека. Категориальный базис языка становится здесь совокупностью опорных смыслов, многослойных, устойчивых и динамичных одновременно, «ответственных» и за внутреннюю связность языкового сознания, и за функционирования языка в культуре общества в качестве одного из активных, созидающих компонентов смыслового поля этой культуры. «Концепт – это как бы сгусток

[1] *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е.– М.: Академический проект, 2004.; *Его же*. Концепты. Тонкая пленка цивилизации.– М.: Языки славянских культур, 2007.

культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»[1].

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, по-видимому, может приобрести свой новый глубокий смысл, если она не ограничится рассмотрением структурирования мира в разных языках, а будет охватывать все трехмерное пространство языка как целого, включая уровень концептов языка, ставших концептами культуры.

Как видим, перечисленные выше три подхода к выделению (обнаружению) категориального базиса естественных языков касаются разных проекций функционирования языка. До сих пор они изучались независимо друг от друга, относились к разным методологическим направлениям («парадигмам»).

Проблема методологического единства при изучении категорий языка

Возможно ли соотнесение упомянутых выше парадигм и объединение их в одной модели языка, которая позволяла бы увидеть внутреннюю связь столь разных аспектов? Мне представляется, что возможно. Такой оптимизм основан на идее соединения принципов системности и коммуникативности как базовых принципов построения модели языка и, вслед за этим, модели его категориального каркаса.

Среди известных методологических инструментов, релевантных поставленной цели, отмечу концепцию общей теории систем, разработанную А. И. Уемовым[2]. Некоторые идеи А. И. Уемова стали определяющими при построении

---

[1] *Степанов Ю. С.* Константы: – С.43.

[2] *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем.– М.: Мысль, 1978.

контуров коммуникативной системной модели естественного языка.[1] К их числу относятся:

– определение понятия системы, которое предполагает: а) наличие трех иерархически связанных уровней в любой системной модели объекта (концепт, структура, субстрат); б) обязательность процедуры выбора, фиксации одного из возможных вариантов на каждом из этих уровней; в) разграничение двух двойственных определений системы[2];

– понятие системного синтеза и его вариантов;

– понятие «свертывания» отношения как «квазиснижения числа мест», введенное А. И. Уемовым в 1964 г.[3], позволившее различать в модели языка ее эксплицитную и имплицитную части.

Выделим основные пункты понимания коммуникативной системной модели языка, в рамках которой можно объяснить процесс формирования категорий языка.

Модель языка как системы с необходимостью предполагает синтез двух подсистем: подсистемы говорящего (адресанта) S_1 и подсистемы слушающего (адресата) S_2. Выбор концепта при системном представлении как языка в целом, так и каждой из его подсистем происходит на уровне языковой прагматики, в зависимости от целей и вида коммуникации, от намерений и установок коммуникантов. Выбор (установление) структуры (типа текста, составляющих его конструкций) системы целиком зависит от ранее фиксированного концепта – то есть от выбранного системообразующего свойства (функции, цели) или систе-

---

[1] *Сумарокова Л. Н.* Системность языка: ее аспекты и уровни. // Параметрическая общая теория систем и ее применения. Сб. трудов, посвящ. 80-летию проф. А.И. Уемова.– Одесса: Астропринт, 2008.– С.89-106.

[2] *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем.– С. 120-121.

[3] *Уемов А. И.* Проблема эквивалентности логических структур. // Формальная логика и методология науки. М.: Наука, 1964.– С. 59.

мообразующего отношения (заданного порядка, фиксированного вида связи). Как видим, термин «концепт» понимается в теории систем в более узком, логико-методологическом смысле, в отличие от трактовки Ю. С. Степанова.

В силу линейного характера речи язык в каждый отдельный момент времени с необходимостью реализует лишь одну из двух своих подсистем – либо систему говорящего (адресанта) S_1, либо подсистему слушающего (адресата) S_2. Между ними существует отношение дополнительности; отношение дополнительности существует и между двумя механизмами формирования категориального базиса языка.

В *подсистеме* S_1, понимаемой как «переход от смысла к тексту», системообразующим свойством (концептом в понимании Уёмова) является замысел, цель, идея – своего рода «зародыш» смысла будущего текста, который детерминирует выбор типа и структуры последнего. Структурой подсистемы являются синтаксические связи, удовлетворяющие замыслу, – начиная с выбора типа текста (дескриптивный, нарративный, дискурсивный), стиля, интонации и кончая выбором синтаксических и морфологических средств. Субстрат подсистемы – результат подбора слов, реализующих структуру. Цепочка: концепт (замысел, идея) → структура (тип текста, его синтаксис) → субстрат (окончательный подбор слов, других элементов текста) – в сравнении с формулой «смысл → текст» – имеет то преимущество, что не навязывает образ готового смысла, который «перетекает» в некоторый текст. Семантика текста создается вместе с текстом. То, что мы называем замыслом-идеей текста, является концептом будущей системы в том смысле, что с него начинается процесс возникновения текста, что он детерминирует выбор соответствующих языковых средств. Важно отметить, что концепт будущего текста всегда включает в себя, кроме рационального, эмоциональный аспект прагматического уровня комму-

никации, находящий затем свое языковое выражение. Таким образом, следует различать более широкое понятие прагматики коммуникации и более узкое понятие прагматики языка. Внешняя детерминированность языка всем бытием человека не исключает относительной самостоятельности, самобытности каждого естественного языка в способах осуществления, выражения, конструирования смыслов, то есть на уровне прагматики.

Концепт системы S_1 в самом тексте эксплицитно не задан, он проявляется через подбор языковых средств для своей реализации. Например, концепт будущей системы поэтического текста в S_1 может представлять собой установку на выражение внутреннего состояния автора. По структуре и элементам текста такой концепт может быть реконструирован читателем.

Научная коммуникация в качестве концепта текста-системы имплицитно предполагает установку на сообщение информации, на интеллектуальную деятельность, что также отражено в тексте.

Имплицитное существование некоторых системообразующих смыслов в прагматике языка Ю. С. Степанов образно описывает так: «Концепты могут «парить» *над* вещами и словами»; они могут быть либо «рамочными понятиями, либо понятиями «с плотным ядром»[1]. Отметим, что здесь два разных смысла термина «концепт» – теоретико-системный и лингво-культурологический – по сути, совпадают.

Подсистему адресата S_2 лингвисты называют переходом «от текста к смыслу». Начинается этот переход с фиксации *расчлененности* текста на части, элементы и, одновременно с этим, установления *связности* свойств этих элементов. Те свойства, которые оказались коррелятами разных видов связности (синтаксической, семантической, прагматической) как внутренней, так и внешней,

[1] *Степанов Ю. С.* Концепты: – С. 43.

являются «претендентами» на роль определителей субстрата текста-системы. Окончательное установление субстрата происходит только тогда, когда реконструируется, выбирается из некоторых возможных вариантов концепт текста как системы, придающий целостность данному тексту, то есть его главная функция и стоящая за ней идея-цель, идея-замысел.

Получаем модель подсистемы S_2, которую можно представить цепочкой: концепт (отношения расчлененности и связности между элементами, частями текста) → структура (свойства элементов, обнаруживающиеся как результат связности) → субстрат (все элементы текста, включая реконструированные цели, функции, «идеи»). Подсистема S_2 является двойственной по отношению к системе S_1: в S_1 концепт атрибутивный, структура релятивная, а в S_2 концепт релятивный, структура – атрибутивная.

Существуют разные взгляды на подсистему S_2 как подсистему понимания текста. Одни авторы ограничивают этот процесс рамками автономии текста, ориентируются исключительно на его внутренние связи. Другие, напротив, видят зависимость понимания от внетекстовых и внеязыковых факторов. Однако, как представляется, наступает время, когда тезис о языке как автономном действующем субъекте коммуникации (один из лейтмотивов постмодернизма) должен уступить место тезису о человеке как субъекте коммуникации. В этом плане представляет интерес позиция известного лингвиста Ю. Н. Караулова, который считает необходимым условием понимания не только знание тезауруса текста, но и соответствующий «тезаурус личности» – образ мира, систему знаний адресата; этим ученым вводится понятие «языковой

личности».[1] Как кажется на первый взгляд, понимание детерминировано здесь внеязыковыми факторами. Однако внетекстовое – не обязательно внеязыковое: тезаурус личности, конечно, – элемент языка, но он личностно окрашен. Языковая личность – личность, но проявленная в способах употребления языка.

За текстами следует увидеть имплицитно существующую часть языка, связывающую его с человеком, с процессами практического использования языковых средств, – то есть прагматику языка. Прагматика языка объединяет подсистемы S_1 и S_2, а не разделяет. В частности, вопрос о языковой личности может касаться каждого коммуниканта – он важен и при продуцировании смысла, а не только при его понимании.

Подсистема S_1 является базовой, «комфортной» для «менталистов», а подсистема S_2 столь же удобна для «формалистов». Соответственно, вполне объяснимыми становятся истоки разных концепций анализа категориального базиса естественных языков: у них разные системы отсчета. Ориентируясь на S_1, «менталисты» фиксируют фундаментальную роль концепта-смысла; выбирая за отправную систему отсчета S_2, «формалисты» оправданно видят главную роль концепта-структуры при выделении категорий языка. У менталистов эксплицитно в процессе выделения единиц языка присутствовали смысловые критерии, а имплицитно – формальные. У формалистов, напротив, структурные признаки принимались эксплицитно, а смысловые – имплицитно, в свернутом виде. И те, и другие внесли свой вклад в исследование фундаментальных единиц языка. Задача состоит в том, чтобы объединить полученные ими результаты в модели языка как целого.

---

[1] *Караулов Ю.Н.* Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах. // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988.– С.108-116.

Автономия подсистем S_1 и S_2 опровергается самим фактом взаимопонимания говорящего и слушающего в процессе общения. Монологизм участников коммуникации преодолевается благодаря единству языка, благодаря наличию общего жизненного и смыслового пространства культуры, а также благодаря единству сущности самого человека.

Коммуникативная системная модель языка предполагает осуществление *синтеза подсистем S_1 и S_2*. А. И. Уемов выделяет разные логические формы синтеза. Реистический синтез у него – это мысленное объединение объектов-операндов в один объект (результат операции). Атрибутивный синтез предполагает объединение двух вещей таким образом, что одна из них становится свойством другой. Реляционный же синтез – это когда одна вещь (реляционный компонент реляционного синтеза) устанавливается в качестве отношения в другой вещи (реистический компонент реляционного синтеза)[1]. Атрибутивный синтез, по-видимому, имеет место тогда, когда известные общие смыслы приписываются как свойства некоторым формальным структурам, выявленным в данном языке. Выбираются в качестве категорий языка только те его единицы и структуры, которые могут быть носителями этих заранее известных общих смыслов. Такая позиция была близка А. М. Пешковскому, В. В. Виноградову и многим другим лингвистам.

Реляционный синтез предполагает, что устойчиво существующие языковые конструкции (структуры) организуют и, тем самым, делают возможными смыслы, понимаемые коммуникантами. В этом случае категории языка – это объективно установленные языковые формы, порождающие коммуникативные смыслы. Подобный подход

---

[1] *Уемов А.И.* Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития. // Системный анализ и научное знание.– М.: Наука, 1978.– С. 106-113.

защищали некоторые последователи Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Овсянико-Куликовский и многие другие.

Однако в более общем понимании категории языка – это не только смыслы, выраженные формально, и не только формы, наделенные смыслом. И те, и другие должны быть *релевантны целям* субъектов речевой коммуникации, они должны быть *принятыми* носителями данного языка, пройдя длительную практическую проверку на эффективность, *узнаваемыми* в процессах общения, как бы изменчивы и вариативны они ни были. Эти релевантность, принятость (легитимность), узнаваемость категорий определимы только на уровне языковой прагматики как подсистемы прагматики коммуникации.

Категории языка – это не результат разбиения множества слов на подмножества на каком-то одном уровне. Категориальный базис языка – это совокупность таких элементов, которые необходимы для реализации основных функций языка как целого на всех его уровнях: семантики, синтаксиса и прагматики, и которые представляют, формализуют и знание о мире, и поведение, деятельность людей, и внутреннее состояние, намерения, установки самих людей как субъектов и познания, и практической деятельности, и общения в самом широком его понимании. Прагматический уровень языка как системы является при этом генетически первичным и логически системообразующим – это уровень концептов, задающих критерии выбора способов употребления и понимания всех остальных языковых средств.

Об иерархии смыслов единиц языка

Выше мы фиксировали те аспекты категоризации единиц языка, которые проявились в подсистемах адресанта S_1 и адресата S_2, в отношениях между S_1 и S_2, где важным был порядок процессов смыслообразования и смыслопонимания, порядок синтеза результатов процессов в коммуникации. Это своего рода горизонтальное измере-

ние функционирования смыслов в системе речевой деятельности. Но можно говорить и о вертикали, фиксирующей другой важный аспект образования и функционирования категорий языка, который отражает степень общности, полноты, сложности, детализации, точности значений слов. Все перечисленные характеристики значений – линейные свойства, которые, в свою очередь, отражают степень свертывания отношений в постоянно происходящем коммуникативном синтезе смыслов. Каждая ситуация общения предполагает явное присутствие одних элементов семиозиса и неявное, имплицитное присутствие других. При этом происходит свертывание структуры семиозиса: имплицитные элементы не элиминируются полностью, они сохраняются в языковом сознании коммуникантов и при необходимости могут быть эксплицированы[1]. Здесь речь идет о градации видов определенности значений слов.

В качестве иллюстрации рассмотрим некоторую иерархию значений слов в естественных языках и терминов в языках науки.

Традиционное сопоставление значения слова с понятием выглядит сегодня недостаточным, поскольку не раскрывает всего реального диапазона смыслового разнообразия слов-терминов. Стремление к постоянству и единообразию в употреблении каждого слова и, в особенности, научного термина на наших глазах преобразуется в тенденцию к более четкой дифференциации возникающих в коммуникации вариантов смысла. Изменчивость смыслов слова определяется: многообразием «жанров» и целей коммуникации; многообразием контекстов коммуникации и «жизненных миров» ее участников – степенью их единства или конфликтности; уровнем и масштабом

---

[1] *Сумарокова Л.Н.* О соотношении простоты и системности в лингвистических теориях // Системный анализ и научное знание.– М.: Наука, 1978– С.198-199.

детализации, точности рассмотрения, абстрагирования в пределах данного вида коммуникации.

Означает ли этот ряд зависимостей неизбежную «размытость» и субъективность значений слов? Думается, что нет. Стремление к определенности и понятности терминологии для всех участников дискурса остается обязательным. Однако определенность и понятность нельзя отождествлять с неизменностью. Определенность в существенном не исключает изменчивости проявлений сущности; сама эта изменчивость может быть – в известной мере – понятной и ожидаемой, предсказуемой, структурированной, если она рассматривается в системе смыслов данного языка.

Рассмотрим некоторую иерархию значений слова, отражающую систему способов его употребления в коммуникации, и тем самым – градацию определенности в зависимости от смены концептов прагматического уровня коммуникации.

Многие исследователи признают, что существует несколько более простых, чем понятие, форм мысли, выражаемых словом, в том числе и научным термином. К ним в логике относят имя и предикатор. А. Соломоник выделяет также «повседневное» («тривиальное») понятие, которое, с точки зрения автора, отличается от научного понятия и занимает свое место на «лестнице значений», где каждой ступени соответствуют свои «правила игры».[1] В качестве ступеней такой «лестницы значений» выделим имя, предикатор, «повседневное» понятие, понятие, категорию, концепт и идею.

Для имени характерно использование предметного значения и функции именования как главных и явно заданных в данной коммуникативной ситуации. Смысловое значение дано в «свернутом виде». Термин со значе-

[1] *Соломоник А.* Философия знаковых систем и язык. Изд.3-е.– М., 2011.– Сс.324, 336-337.

нием имени эксплицируется либо простым перечнем предметов, о которых идет речь, либо предъявлением «образца», «представителя» данной предметной области. Именем является и предметная переменная в языках логики, и местоимение, существительное в естественном языке.

Слово выступает как предикатор, если главным, явно заданным в данной коммуникативной ситуации является смысловое значение (отличительный признак), по которому с определенной степенью вероятности можно найти, узнать некоторый класс предметов. Типичные предикаторы естественных языков – прилагательные и наречия.

«Повседневное» понятие имеет и предметное, и смысловое значения, но при этом признаки, образующие смысловое значение, не обязательно являются существенными, они должны быть легко узнаваемыми, «удобными» для коммуникантов. Фактически это нередко – языковое (словарное) значение слова.

Собственно понятие как форма мысли предполагает выделение общих, существенных признаков, необходимых и достаточных для построения или обнаружения некоторого класса предметов. С помощью операции определения понятия производятся подведение единичного под класс, идентификация и отождествление предметов и классов – с использованием разных видов абстракции свойств или отношений.

Категория – особый вид понятия, которое имеет большую степень общности и значимости в некоторой системе знания и которое обладает дополнительной функцией – связывать, объединять другие понятия данной области знания.

Концепт имеет все признаки категории, но приобретает дополнительную функцию – обеспечивать вхождение данной области знания и практической деятельности в более широкий универсум, в конечном счете – в универсум культуры; концепты разных сфер знаний и деятельности участвуют в формировании универсального смыслового

поля культуры и его опорных точек – концептов культуры, которые приобретают явно выраженное аксиологическое наполнение. По Ю. С. Степанову, концепты культуры не только понимаются, но и переживаются коммуникантами – носителями данной культуры; они способствуют целостности, единству самосознания общества.

Идея – такая единица смысла, закрепленная в слове-термине, которая неявно содержит возможную программу развертывания явно присутствующего в ней предикатора, понятия, категории или концепта до более сложного смысла (до теории, образа ситуации, метода, алгоритма действий и т.п.).

Первый ключевой тезис, опирающийся на приведенный перечень смыслов, состоит в том, что существует принципиальная возможность, чтобы один и тот же термин в разных коммуникативных ситуациях мог быть носителем всех этих смыслов, если этот термин в своем развитии прошел все ступени формирования значения – от именования до идей. Это касается многих терминов в гуманитарных науках (например, «ответственность», «свобода», «человечность», «право», «лидер», «элита общества», «гражданин», «личность», «народ», «власть», «порядок» и т. д.).

Второй тезис, принятие которого обусловлено современным пониманием функционирования смыслов: каждый из приведенных выше видов смысла научного термина должен быть принят сообществом ученых в качестве результата определенного коммуникативного опыта; он должен быть принятым на «форумах рациональности» результатом синтеза творческих процессов смыслотворчества и смыслопонимания, осуществляемых коммуникантами.

Подводя общий итог, отметим, что категориальный базис естественных языков может быть выделен только при условиях: а) признания коммуникативного равновесия двух дополнительных подсистем S_1 и S_2, понимания их равной ценности для процессов категоризации; б) учета

системообразующей роли языковой прагматики при установлении состава и смысла категорий, и, в частности, признания дескриптивной, регулятивной и экспрессивной функций как оснований для выделения категорий; в) учета таких языковых констант, которые способствуют увеличению иерархической (вертикальной и горизонтальной) связности смыслового поля данного языка и его вхождению в смысловое пространство культуры.

С. М. Повторева

ОНТОЛОГІЯ СТРУКТУРНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ: ДИСКУРС КЛАСИЧНИЙ І НЕКЛАСИЧНИЙ

Авеніру Івановичу Уйомову –
Вчителю, Людині, Мудрецю –
присвячується

Починаючи філософське дослідження онтологічних засад структурного дослідження, ми виходимо з позиції, яку виразно окреслив основоположник системних досліджень в Україні, автор загальної параметричної теорії систем, засновник філософської школи Авенір Іванович Уйомов, а саме, що «філософія виступає в якості методології науки», а «методологія науки є важливою складовою частиною філософії»[1]. У зв'язку з цим філософські розвідки стосовно будь-якої методології, зокрема структурної, мають містити, в першу чергу, розгляд її онтологічних засад. Філософські дослідження структурної методології проводилися в ряді робіт зарубіжних і вітчизняних дослідників[2]. Проте в цих працях основну увагу звертали більшою мірою на гносеологічні, аксіологічні, культурологічні та інші аспекти структурних досліджень. Під впливом поширення системних і структурних методів значний розвиток і конкретизацію отримали нові напрями

---

[1] *Уемов А.И.* Системные аспекты философского знания. – Одесса: «Негоциант», 2000.– Сс. 10, 11.

[2] *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008; *Йосипенко О.* Структури в науках і наука про структури Філософська думка. – 2007.– № 4*; Повторева С. М.* Структурний підхід – структуралізм – пост структуралізм (еволюція методології та її поширення у гуманітарних студіях.– Львів: Вид-во Нац. ун-ту „Львівська політехніка", 2010; *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения.– М.,1963; *Хайдеггер М.* Бытие и время.– Харьков: „Фолио", 2003, та ін..

у філософії (структуралізм, постструктуралізм, постмодернізм). Отже *метою* цієї статті є з'ясування онтологічних характеристик структурного дослідження, оскільки вони дозволяють поглибити наші уявлення про буття людини і суспільства.

Онтологічним аспектом будь-якої загальнонаукової методології будемо вважати те спільне, що властиве якісно різнорідним ділянкам її використання і що відображається у її фундаментальному понятті. У системному підході – це об'єктивно існуюча системність, у функціональному – функціональність. У структурному мисленні відповідно це структурність, що становить зміст поняття „структура". З метою з'ясувати онтологічні засади методології структуралізму і постструктуралізму проведемо аналіз визначень її базової категорії „структура".

Поняття «структура» більшість дослідників пов'язують з категорією «відношення». Прикладом може служити досить типове тлумачення (в одному з нещодавно опублікованих енциклопедичних видань) категорії «структура» як сукупності «інваріантних відношень у динаміці різноманітних систем»[1]. Найбільш адекватним змістові структурної методології визначенням поняття структури в онтологічному аспекті є, на нашу думку, те, що міститься в роботах А. І. Уйомова. Слід відзначити, що категорія структури посідає одне з чільних місць в його параметричній загальній теорії систем. «Поняття „структура", – відзначає вчений, – у вузькому значенні цього слова може бути ототожнене з поняттям системотвірного відношення. У широкому розумінні під структурою іноді розуміється вся сукупність відношень між елементами, а не лише

[1] *Горных А. А.* Структурализм // История философии. Энциклопедия.– Минск, 2002. – С. 1024

системотвірні. Одна й та ж структура може бути в систем, різних за субстратом»[1].

Докладні розвідки щодо змісту поняття „структура" містяться у працях представників структуралізму, зокрема у К.Леві-Строса: «Структура – це всього лише впорядкованість, що відповідає двом вимогам: це система, що тримається внутрішнім зв'язком, і ця пов'язаність, недоступна спостерігачу ізольованої системи, виявляється при вивченні її трансформацій, завдяки яким у різних на перший погляд системах відкриваються подібні риси»[2].

У наведених визначеннях наявна певна схожість: структурою називають систему, що створюється зв'язками, відношеннями; структура може бути віднайдена у процесі порівняння різних об'єктів між собою. Отже, принаймні ці дві характеристики можна вважати атрибутивними для розуміння онтологічного аспекту даного поняття.

Важливою проблемою в онтологічному розумінні є також питання про організуючий принцип структури. Цей напрям розроблено у працях ряду представників постструктуралізму (Ж. Дерріди, У. Еко, Ж. Дельоза та ін.). Вони з'ясовують особливості класичного дискурсу щодо даної категорії. Ідея структури, здавна властива європейському філософському і науковому дискурсу, на думку Ж.Дерріди, була спрощенням, зведенням до мінімуму через те, що структуру наділяли центром, співвідносили з точкою присутності, з певним початком. Не заперечуючи, що структура являє собою відношення між певними елементами, мислитель акцентує увагу на функції центру в класичному уявленні; центр не тільки орієнтує, врівноважує та організовує структуру, але й обмежує діалектичний взаємозв'язок між елементами структури – гру

---

[1] *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем.– М.: Мысль, 1978. – С. 19

[2] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию.– СПб.: Symposium, 2006.– С.75.

структури. Іншими словами, центр будь-якої структури, орієнтуючи та організуючи цілісність системи, дозволяє гру елементів лише всередині тотальної форми.

Класичне тлумачення змісту і функцій структури передбачає, що організуючий центр всередині певної завершеної форми утримує її, не дозволяє елементам системи виходити за її межі. Ж. Дерріда вказує на суперечність такого розуміння центру структури. «Центр, єдиний за визначенням, відзначає він, конституює в структурі те, що керуючи структурою, уникає структурності. Ось чому класичному уявленню про структуру властиво, що про центр можна сказати, що він парадоксально розташований і *в* структурі, і *поза* структурою... Центр не є центром...»[1].

З такої позиції Дерріда тлумачить смисл ряду традиційних філософських понять, які він ототожнює між собою (розуміє як центр структури) в історико-філософському перебігу – центр структури розглядається водночас як початок і кінець, *arche* і *телос*. Рух наук і побудова есхатології релігійних систем, загалом вся історія концепту структури до певного моменту повинна бути осмислена, вважає філософ, як низка заміщень одних іншими, подібними за властивостями від центру до центру. Така редукція структурності структури завжди прагне мислити останню сутність, виходячи з того, що вона перебуває поза грою. На думку Ж. Дерріди, класичне розуміння структури ґрунтується на визначенні буття як наявності у всіх значеннях цього слова.

Переворот у розумінні смислу поняття структури стався, як вважає Дерріда, як розпад, розрив тоді, коли структурність структури почала осмислюватися в усіх значеннях цього слова, тобто коли поняття структури було піддано лінгвістичному аналізу, здійсненому і поширеному

---

[1] *Дерида Ж.* Письмо та відмінність / Пер. з фр. В.Шовкун. – К.: Основи, 2004.– С. 564.

в структуралізмі[1]. Відтоді виникає і розвивається концепція децентрованої структури (структурності без центру). Почали думати, що центру не існує, що центр не може мислитися у формі присутнього-сущого, що він не має свого природного місця, що він – не постійне місце, а функція, таке собі не-місце, в якому програються до нескінченності взаємозаміни знаків. «Саме тоді настає мить, – відзначає Ж.Дерріда, – коли мова заполоняє універсальне проблематичне поле; саме тоді настає мить, коли за відсутності центру або початку, усе стає дискурсом... – тобто системою, в якій центральне, первісне або трансцендентальне означуване ніколи не є абсолютно присутнім поза системою відмінностей. Відсутність трансцендентального означуваного розширює до нескінченності поле та гру сигніфікації»[2]. Тобто структура ототожнюється з грою відмінностей.

В європейському філософському дискурсі ідея децентрованої структури була підготовлена рядом доктрин: ніцшеанською критикою метафізики; концепціями буття, інтерпретації та знаку без присутньої істинності; фрейдистською критикою присутності (суб'єкта, ідентичності собі); деструкції метафізики, онтотеології, визначення буття як наявності М. Хайдеггера. На думку Ж. Дерріди, всі ці концепції є дискурсами деструкції[3]. Ця ідея, втілена у дослідженнях перших представників структуралізму, виявилася досить плідною, мала значні наслідки для філософії, політики, науки, західної культури загалом. Ж. Дерріда підкреслює, що децентрування як принцип організації структурності було наслідком всього попереднього розвитку європейської філософії, науки і суспільної практики. Руйнування класичних концепцій центру

---

[1] *Там же*.– С. 565-566.

[2] *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию.– М.: Прогресс, 1977.– С. 566.

[3] *Дерида Ж*. Письмо та відмінність.– С. 567.

структури співпадає з акцентуванням критичного (деструктивного) мислення і переглядом традиційних цінностей у дискурсі європейської метафізики і духовної культури загалом.

У творчості іншого представника постструктуралізму У. Еко ставиться питання про об'єктивність структур. Він міркує про те, як ми отримуємо структури. Наприклад, можна уявити людське тіло істотно спростивши, схематично (скелет) і, отже виділити структуру, спільну для різних індивідів. Ця структура відображає об'єктивно існуючу реальність, але збіднену, залежну від певної точки зору. Вивчаючи систему кровообігу, обирають інший варіант структури. Отже, структура не існує об'єктивно, це – «модель, побудована за допомогою певних спрощень, які дозволяють розглядати явище з однієї-єдиної точки зору»[1].

У. Еко розрізняє онтологічну і методологічну точку зору на структуру і відповідно онтологічний і методологічний структуралізм. Першу позицію він оцінює критично. «Переходячи від спрощення до спрощення, структураліст марить про те, – пише він, – щоб кінець кінцем йому відкрився Код Кодів, певний Пра-код, який дозволив би виявити приховані ритми (елементарні структури), що керують будь-якою поведінкою, як культурною, так і біологічною. Цей код повинен би був відтворювати будову людського розуму, яка виявиться схожою з механізмом органічних процесів»[2]. В даному уривку піддається критичному аналізу концепція К. Леві-Строса, який вважав, що знайшов такий код. Цей код, утворений за аналогією з принципом роботи комп'ютера і лінгвістичними моделями „бінарних опозицій", оперує двома елементами, опозиціями, наприклад: сире-варене, чоловіче-жіноче, природа-культура. У. Еко перебуває на позиції виправданості лише методологічного структуралізму, згідно з яким

[1] Эко У. Отсутствующая структура.– С. 80.

[2] Там же, С.82.

структура являє собою «спосіб дії, розробленої мною з тим, щоб мати можливість іменувати подібно різні речі»[1]. Врешті решт мислитель приходить до концепції відсутності першоструктури і будь-якого структурованого центру.

Загалом для більшості представників постструктуралізму характерне прагнення заперечувати об'єктивність структур і тих відношень, які створюють структури. В цьому пункті ми можемо відзначити розходження в онтологічних засадах структуралізму і постструктуралізму.

Для А. И. Уйомова та представників його школи характерне визнання об'єктивності структур, що відповідає класичному дискурсу і є певним розвитком класичних позицій щодо структур. А. Ю. Цофнас, полемізуючи з У. Еко, наголошує, що теза про відсутню структуру не додає досліднику впевненості у своєму дослідженні, веде в Нікуди, що «кінцева ціль системного дослідження – розуміння саме даного об'єкта з деякою структурою з метою визначення специфічно системних характеристик і підведення під загальносистемні закономірності»[2]. У роботах Л. М. Терентьєвої використовується поняття реляційної структури, яке тлумачиться як реляційно єдине в контексті силогістики Арістотеля. Реляційно єдине, якщо слідувати Арістотелю, адекватне категорії «співвідношення», категорії ж є не довільними побудовами, а атрибутами, об'єктивно властивими буттю[3].

А. І. Уйомов і його послідовники об'єктивність структур обґрунтовують також тією обставиною, що реальними, універсальними і об'єктивно існуючими є відно-

---

[1] Там же, С.81.

[2] *Цофнас А. Ю.* Присутствующая структура.– Философские науки.– 2000. – № 4. – С 152.

[3] *Терентьева Л. Н.* Силлогизм как связь терминов и как связь посылок: двойственное системное моделирование // Параметрическая общая теория систем и её применение: Сб.трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова. – Одесса: Астропринт, 2008. – С. 114.

шення, що ці структури утворюють. Одним з конструктивних способів визначення поняття відношення є розгляд його в системі філософських категорій «річ-властивість-відношення». Найбільш ґрунтовно діалектичні взаємозв'язки між цими категоріями розглянуто в працях А. І. Уйомова[1]. Поняття „відношення" може бути визначене як річ. Водночас не слід вважати, що будь-які відношення можуть бути визначені через будь-які речі (в такому випадку отримуємо коло у визначенні), а так, що «речі визначаються одними відношеннями, а ці відношення можна визначити через інші речі. Для того, щоб це було можливо, необхідно і достатньо, щоб одні й ті ж відношення існували в різних речах»[2]. В такий же спосіб відношення може виступати і як властивість. Проте, вважає Уйомов, положення «відношення є властивістю речей» потребує уточнення, оскільки «не кожна властивість речей безпосередньо є відношенням»[3]. Так, «властивість не змінює речі, а ось відношення – змінює», тому коректніше щодо специфіки категорії відношення у контексті цієї системи категорій сказати так: «відношення, встановлене у речах, утворює нову річ»[4]. Наприклад, якщо ви когось ненавидите чи любите, це перетворює, іноді докорінно, вашу поведінку, психіку, світогляд тощо. Кожна з категорій «річ-властивість-відношення» може бути представлена як особливий випадок іншої з цих двох категорій, проте в певному контексті відношення, як і решта зазначених категорій, «постають лише в одній функції, тобто або як річ або як

---

[1] Окрім названих, див: *Уемов А. И.* Системные аспекты философского знания.– Одесса: «Негоциант», 2000. *Уемов А. И.* Метафизика.– Одесса: Астропринт, 2010.14. *Уйомов А., Сараєва І., Цофнас А.* Загальна теорія систем для гуманітаріїв. – Wydawnictwo Universitas Rediviva. – 2001, та ін.

[2] *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения.– М.,1963.– С.52-53.

[3] *Уемов А. И.* Системные аспекты философского знания.– С. 35.

[4] *Уйомов А., Сараєва І., Цофнас А.* Загальна теорія систем для гуманітаріїв.– С. 35.

властивість, або як відношення»[1]. Це, зокрема, відображено в математичній логіці, де категорії властивості і відношення розрізняються кількісно: властивість – одномісний предикат, а відношення – двомісні, тримісні, чотиримісні і т. ін. предикати.

В історичному розвитку філософії неодноразово ставилася під сумнів об'єктивність властивостей і відношень, значно більшою мірою, ніж речей, що породжувало різні теоретико-пізнавальні концепції. Найпоширенішою була редукція всіх категорій до категорії «річ» (реїзм), частенько спостерігається також редукція до категорії властивості (атрибутивізм)[2]. Так, однією з головних в англійському емпіризмі є положення про первинні і вторинні якості, причому об'єктивний онтологічний статус визнавався лише за першими (Дж. Локк) або заперечувався взагалі (Дж. Берклі). В роботах А. І. Уйомова підкреслюється, що, хоч «історія людського пізнання знає багато спроб обґрунтувати первинність чи переважаючу реальність або речей (реїзм), або властивостей (атрибутивізм), або відношень (реляціонізм), або якоїсь пари з цієї трійки категорій», проте їх об'єктивний статус є однаковим. Тому найкраще «відмовитися від пошуків первинного, обіцяючи замість цього ряд переваг», адже «речі, властивості і відношення не відрізняються одне від одного абсолютно, а лише за функціями, які вони виконують відносно одне одного»[3]. У зв'язку з поширенням структуралізму проблема об'єктивності відношень постала в сучасному контексті у напрямі дослідження характеру цієї об'єктивності, що добре демонструють наші природні мови, в яких повсякчас іменники перетворюються на прикметники чи дієслова саме за функціональними ознаками.

---

[1] Там же, С 36.

[2] *Уемов А. И.* Метафизика.– С.23.

[3] *Уйомов А., Сараєва І., Цофнас А.* Загальна теорія систем для гуманітаріїв.– С. 23.

Через систему понять «річ-властивість-відношення» виявляється специфіка онтологічних засад відношень і тим самим онтології структурного підходу у порівнянні з іншими загальнонауковими підходами, зокрема, системним і структурним. Центральним в системному розумінні об'єкта є поняття «річ як річ», а в структурному – «відношення як річ». Ці поняття доволі різні. Проте навіть не стільки цим обумовлена якісна своєрідність системного і структурного уявлень, що мають єдину категоріальну основу (тріаду).

Структурний підхід на відміну від системного виражає не просто відношення між речами. Для нього характерним є *виділення субординаційних і координаційних відношень між відношеннями*. Різниця між системним і структурним підходами виявляється також і при порівнянні базових понять цих підходів (системи і структури). Система – це «множина об'єктів, на якій реалізується певне відношення із фіксованими властивостями. Подвійним для нього буде визначення системи як множини об'єктів, які мають заздалегідь визначені властивості із фіксованими між ними відношеннями»[1]. Структура – це окрема сторона системного представлення об'єкта поряд з субстратом і концептом.. Виявляється, що структурний підхід – один з компонентів системного.

Структурний підхід щільно пов’язаний з рядом принципів і категорій традиційної філософської діалектики, які постають як його онтологічні засади. Найпершими серед них є принципи всезагального взаємозв'язку, системності, розвитку, категорії «форма і зміст», «протиріччя». Структурний підхід дозволяє уточнити їх суть і виступає як проміжний засіб їх зв’язку із конкретними напрямами наукових досліджень. Так, принцип взаємозв’язку у понятійному апараті структурного підходу виявляється через поняття «структурне відношення», «синхронія»; принцип

[1] *Уемов А. И.* Системные аспекты философского знания.– С. 117.

системності обґрунтовує цілісність структурності, ієрархічність структури.

Принцип розвитку відображено в поняттях, що характеризують структурний напрям досліджень: «діахронія», «генезис». Прагнення пом'якшити опозицію понять «синхронія-діахронія» у лінгвістиці та деяких інших гуманітарних науках дозволяє частково включити в конкретне наукове дослідження принципи взаємозв'язку і розвитку, взяті у єдності. В свою чергу, дискусія з приводу проблеми «синхронія-діахронія» примушує звертатися до філософських досліджень, вдосконалювати категоріальний апарат філософії, робити його більш гнучким. Слід вказати на певну обмеженість структурної методології, що виявляється при аналізі її властивостей в системі філософських категорій. Так, принцип взаємозв'язку діє в даному випадку лише як взаємозв'язок між певними компонентами системи (наприклад, відношення протилежності між опозиціями), причому цей взаємозв'язок представлено лише як протистояння протилежностей.

Важливим для розуміння структурної методології є принцип розвитку. Деякі представники структуралізму (К. Леві-Строс, М. Фуко та ін.) взагалі дистанціювалися від цього принципу в своїх дослідженнях, вивчали переважно синхронічні відношення. В інших напрямах структуралізму намагалися поєднати синхронію і діахронію в органічному зв'язку із генезисом. В цьому випадку, як свідчать дослідження представників генетичного структуралізму (Ж. Піаже та його школи), принцип розвитку повніше включено у структурне дослідження. Проте і в такому вигляді структурний підхід не вичерпує змісту філософського принципу розвитку. Діалектичний принцип розвитку передбачає як необхідний момент переходу даної системи у нову якість. В структурній методології знаходять певне відображення ті зміни об'єкта, що не порушують системи, стосуються саме цілісності системи, її функціонування. Наприклад, здійснюючи структурний

аналіз розповідних текстів, Р. Барт підкреслює, що в межах цього аналізу «мистецтво реалізує принцип системності в чистому вигляді» і що у художньо-літературному тексті «нічого, крім функцій, … бути не може»[1]. Більшість представників постструктуралізму (Ж. Дельоз, Ю. Крістева та ін.) відкидають концепцію Гегеля щодо розв'язання суперечностей і утворення нового внаслідок боротьби протилежностей. В дискурсивному полі, де господарює мова, немає нічого подібного до онтології процесу, яку розробив у своїх працях німецький філософ. «Втручання семіотичного ритму в сигніфікативну систему мови, – зазначає Ю. Крістева, – ніколи не буде Гегелевим переходом і насправді ніколи не станеться в теперішньому»[2].

Найбільш ефективним застосування структурного підходу виявляється у випадку дослідження не просто системи відношень певної предметної галузі, а виділення в цій системі основного структуроутвірного відношення. Які ж відношення обумовлюють дану структуру? Засновник структурної лінгвістики Ф. де Соссюр особливу увагу звертав на різницю, яка створює, на його погляд, «відмінну властивість, значущість і одиницю», тобто на протиставлення. «Кожен із членів граматичного протиставлення, писав він, ... сам утворений цілим рядом взаємодіючих протиставлень всередині системи; взяті окремо (вони – С.П.) нічого не означають; отже вся справа у протиставленнях»[3].

К. Леві-Строс, родоначальник структуралізму основою формування предмету нової науки етнології, фундатором якої він став, вважав протиріччя між

---

[1] *Барт Р.* Нулевая степень письма / Р.Барт . – М.: Академический Проект, 2008. – С. 363.

[2] *Крістева Ю*. Полілог /пер з фр. П. Таращук. – К.: Юніверс, 2004– С. 322.

[3] *Соссюр Ф. де*. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 154.

природою і культурою, яке розв'язується в процесі утворення нових ланок, перехідних соціально-природних, «окультурених» структур. Ж. Дерріда відштовхувався у своїй концепції тексту від розуміння його як гри суперечностей. Загалом існування тексту, на його думку, можливе лише через суперечливий зв'язок тексту із буттям. Буття в нього є означником і позначеним. І хоч між ними існує розрив, він може бути подоланий. Проте оскільки цей розрив існує, буття є тим, що воно говорить. Два голоси існують в одному, за висловлюванням ховається жест. Завжди присутня різниця, завжди є дистанція. Такий підхід, заснований на тлумаченні тексту і буття як суперечливої єдності, виявився дуже продуктивним для цілого ряду гуманітарних наук. Проте абсолютизація ролі тексту, розуміння повноти буття лише як її виразу через текст є обмеженням буття.

Можна звернутися і до інших варіантів тлумачення різниць (суперечностей) у структуралізмі. І так само буде з'ясовано, що структуротвірне відношення у межах предметної галузі характеризує протиріччя предмету теоретичної і практичної діяльності. Однак кожного разу буде виявлено обмеженість структурної методології. В межах поняття «система» фіксуються рядопокладені протилежності, які у своїй взаємодії забезпечують цілісність системи, але не розв'язуються, не ведуть до зміни якості (як в онтології Гегеля). Момент перетворення одних структур на інші не фіксується.

Підводячи підсумки викладеного, можна зробити такі *висновки*.

1. Фундаментальною онтологічною категорією структурного дослідження є категорія „структура", визначення якої з урахуванням специфіки тієї чи іншої предметної галузі конституює структурне дослідження у межах цієї галузі; основними для виділення ознак при визначенні категорії «структура» є поняття «відношення», «система», «функція».

2. Розгляд онтологічних особливостей структурної методології в системі філософських принципів і категорій свідчить, що вона універсальна, може бути застосована у будь-якій предметній галузі, але водночас обмежена, оскільки її дія ефективна лише у певному зрізі предмету дослідження, вимагає синтезу з іншими засобами пізнавальної і практичної діяльності.

3. У постструктуралізмі, який, використовуючи категоріальну систему структуралізму, позиціонує себе як філософський напрям, сама по собі категорія Буття є предметом значної уваги, проблемою способу буття структури. Компаративний аналіз онтологічних особливостей структуралізму і постструктуралізму засвідчує, що структуралізм ґрунтується на традиційній для класичної європейської філософії онтології присутності, ствердженні наявності універсальної структури структур – Структури Духа, а постструктуралізм виходить з позиції онтології відсутності, заперечення першоструктури і визнає легітимність і продуктивність структуралізму лише у методологічному і науково-практичному розумінні.

4. Для А. И. Уйомова та представників його школи характерна позиція визнання об’єктивності структур. Вони вважають відношення, що ці структури утворюють, реальними, універсальними і об’єктивно існуючими.

О. В Наконечна

ДОСВІД ЗАСТОСУВАННЯ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ У МИСТЕЦТВОЗНАВЧОМУ ДОСЛІДЖЕННІ

Традиційними методами вивчення мистецтва, зокрема театрального, є історико-генетичний, структурно-функціональний, порівняльно-історичний, описовий та інші. Проте, як зазначає відомий український мистецтвознавець Н. Корнієнко, «театр більше не підпорядковується старому інструментарію, несучасній методології»[1]. Отже, потрібні нові, сучасні методи дослідження явищ театрального процесу. Предметом дослідження автора є сценічна образність в контексті театральної культури. Існування образу як об'єкту, якому властиві певні елементи (компоненти) і структура (зв'язок між цими елементами), дає підставу розглядати сценічний образ як систему.

Системний підхід достатньо давно і широко використовувався для дослідження різноманітних природних і суспільних явищ, проте М. Каган в своєму дослідженні «Системний підхід і гуманітарне знання»[2] довів, що цей підхід має реальну евристичну цінність не лише в зазначених науках, але й приносить нові знання в ході дослідження соціокультурних систем, духовного життя людини, а також художньої реальності. Він визначив цей метод як універсальний для дослідження майже будь-якого явища людської реальності, тобто тих її проявів, які є підсистемами більш широких систем.

---

[1] *Корнієнко Н.* Український театр у переддень третього тисячоліття. Пошук.– К.: Факт, 2000. – С. 13.

[2] *Каган М.* Системный подход и гуманитарное знание: Избр. статьи. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.– 384 с.

Отже, як бачимо, системний підхід не тільки може, а й має бути застосований для дослідження явищ культурного процесу, зокрема процесу театрального. Адже існує такий погляд на осередок гуманітарного знання взагалі, хоча він представлений в роботах невеликої кількості дослідників, переважно в рамках естетики. Ще менша кількість згадує такий підхід у відношенні до театрального мистецтва. Хоча, якщо розібратися по суті, то деякі методи системного підходу в дослідженні мистецтва вже використовуються, так чи інакше застосовуються дослідниками, проте його принципи і вимоги майже не визначені.

Між тим, системний підхід, за допомогою якого досліджуються взаємодії і функції різних компонентів і структур в межах окремих об'єктів і самих об'єктів в межах більш широких систем, є одним з найсучасніших методів вивчення складних і багаторівневих об'єктів, до яких належить і сценічний образ. Теорією таких систем займається синергетика – наука про організацію систем. Сам термін „синергетика" був запропонований німецьким фізиком, професором Штутгартського університету Г. Хакеном і в перекладі з давньогрецької означає «дія разом»[1]. Термін цей використовувався для міждисциплінарної науки, що розглядала особливості будови і поведінки фізичних, біологічних, соціальних і т. п. систем і позначав кооперативність процесів, в результаті якого посилюється вплив однієї системи на іншу. Як стверджує Г. Шефер, «синергетика – оптимістична спроба описати, пояснити, розпізнати, а можливо, і передбачити поведінку систем, що саморозвиваються, взагалі і живих систем зокрема. Синергетика перетинає традиційні межі колишніх

[1] *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах.– М.: Мир, 1985.– 419с.

наукових дисциплін і будує нову метанауку складних систем»[1].

Українські вчені І. С. Добронравов і С. П. Ситько, займаючись цією проблемою, обґрунтували гіпотезу про те, що синергетика є загальнонауковою дослідницькою програмою, адже сутність теорії самоорганізації передбачає самодовільний перехід від менш упорядкованого стану до більш упорядкованого в усіх галузях дійсності, а відтак і в театральній справі[2]. Н. Корнієнко в статті „Дещо про синергетику" прямо пропонує використовувати її для театральних досліджень: «Театр як прояв художньої культури належить до „живих", відкритих систем, які працюють на засадах самоорганізації, здійснюючи перетворення в напрямку упорядкування довколишнього соціокультурного середовища»[3]. Тому синергетику можна вважати водночас і самостійною наукою, і міждисциплінарним підходом, який здатний забезпечити вирішення багатьох суперечностей на сучасному етапі розвитку культури, тому вона «має увійти у гуманітарний простір та працювати як... методологічний принцип...нового наукового знання»[4].

Спираючись на дослідження М. Кагана, Т. В. Новаченко, Г. Хакена, а також І. Іоффе «Синтетична історія мистецтва»[5], Дж. Кайпса «Структура в мистецтві і науці» („Structure in art and in science")[6], та А. Уйомова, І. Сараєвої

---

[1] Там же, С 98.

[2] *Новаченко Т.* О синергетике образования // Виховання і культура. – 2004. – № 3. – С. 3-5.

[3] *Корнієнко Н.* Український театр…, С. 18.

[4] Там же, С. 19

[5] *Иоффе И.* Синтетическая история искусства. – М.: Искусство, 1956.

[6] *Kipes G.* Structure in art and in science / Ed. by G.Kipes.– New York, 1965.

та А. Цофнаса «Загальна теорія систем для гуманітаріїв»[1], спробуємо застосувати загальну та параметричну теорію систем для дослідження сценічної образності в театральній культурі..

За визначенням А. Уйомова, взагалі «будь-який об'єкт є системою, якщо в цьому об'єкті реалізується якесь відношення, що володіє певною властивістю (і навпаки, якщо в ньому реалізуються якісь властивості, що перебувають в заданому відношенні)»[2] – це прояв принципу універсальності. А це значить, що будь-який об'єкт, а відтак і сценічний образ, можна розглядати як систему, якій властивий атрибутивний концепт (тобто властивість, в нашому випадку це саме образність як нова якість системи), реляційна структура (тобто відношення між елементами системи – у нас це буде цілісність, органічне злиття) та субстрат (елементи, на яких реалізується структура – ми в їх якості розглядатимемо ядро образу, його матеріал – зовнішню і внутрішню характерність – та носія цього матеріалу – людину-актора).

Спробуємо розглянути художній образ (далі вводимо позначення – система ХО) за допомогою параметричної теорії систем А. Уйомова – тобто визначимо, якими атрибутивними параметрами характеризується ця система.

1. Розчленованість – система вважається розчленованою, якщо складається більше ніж з одного елементу, і нерозчленованою, якщо в її складі лише 1 елемент. Система ХО належить до розчленованих, оскільки в її субстраті, як ми вже визначали, більше, ніж один елемент.

2. Завершеність – до субстрату завершеної системи не можна додавати нові елементи без руйнування цієї системи. До субстрату системи ХО нових елементів додати

---

[1] *Уемов А., Сараева И., Цофнас А*. Общая теория систем для гуманитариев. / Под ред. А. Уемова – Warszawa: Wydawnictvo Uniwersitas Redviva, 2001.– 396 с.

[2] Там же, С. 37.

не можна (які б нові погляди на роль, технічні пристосування тощо не мали місце, все одно вони будуть реалізовуватися людиною-актором на певному матеріалі – зовнішній і внутрішній характерності – та поєднуватися на ядрі образу, інших елементів бути не може), отже, вона належить до завершених систем.

3. Іманентність – задане відношення охоплює елементи тільки даної системи або також речі, які виходять за рамки даної системи. Художній образ в театральній культурі залежить не лише від елементів системи ХО, на нього впливають і елементи інших систем, як-от: партнери, декорації, бутафорія, освітлення тощо. Отже, за цим параметром система ХО належить до неїманентних.

4. Мінімальність – з мінімальної системи не можна видалити жодного елементу без того, щоб не зруйнувати її. З немінімальними системами такий процес можливий. Система ХО за цим параметром належить до немінімальних систем, оскільки з неї можна видаляти деякі (але не будь-які!) елементи, і вона залишиться системою. Так, наприклад, К. С. Станіславський, розповідаючи про створення учнем образу Критикана, зазначив, що можна «жити роллю без кінця, в усіх без винятку положеннях...без гриму і костюму»[1]. Отже, такий елемент, як зовнішня характерність, можна видалити, і система ХО не буде ушкоджена, звичайно, якщо в наявності інші елементи.

5. Центрованість – центрованими вважаються системи, які мають своєрідний центр (атрактор) в своїй структурі або назовні. У не центрованих системах відношення можуть бути задані без центру. На жаль, на сцені ми часто спостерігаємо такі створіння (образами ми не можемо їх називати), в яких відсутній такий аттрактор – ядро образу. І система вже втрачає свій концепт – сценічну

[1] *Станиславский К. С.* Работа актера над собой // Собр. соч. в 8-ми томах.– Т.3. – М.: Искусство.–1955. – С. 422.

образність, а отже, і припиняє бути системою. Тому ми відносимо систему ХО до центрованих.

6. Ланцюговість – якщо в субстраті кожний елемент поєднаний лише з двома сусідніми, ми вважатимемо систему ланцюговою. Проте в системі ХО елементи поєднані один з одним злито, отже, ця система відноситься до не ланцюгових.

7. Опосередкованість – системоутворююче відношення може реалізуватися безпосередньо, а може бути опосередкованим, як це відбувається в системі ХО – адже художній образ в театральній культурі образ є „посередником" між автором, режисером, актором та глядачами. Таким чином, за цим параметром система ХО є опосередкованою.

8. Детермінованість – коли жоден елемент не передбачає існування інших елементів, система вважається не детермінованою. Якщо ж деяких елементів достатньо для визначення інших елементів, як в системі ХО, коли, наприклад, вірно знайдена внутрішня характерність визначає характерність зовнішню, або навпаки, система вважається детермінованою.

9. Стаціонарність – цей параметр характеризує здатність субстрату системи змінюватися при незмінному концепті. Якщо це неможливо без руйнування системи, вона вважається нестаціонарною. В субстрат системи ХО можна вносити зміни (інший актор, інша характерність, можливе навіть інше ядро образу), і вона залишиться системою, отже, вважатимемо її стаціонарною.

10. Стабільність – цей параметр, на відміну від попереднього, характеризує можливість змін не субстрату, а структури. Якщо можна змінити відношення, в яких перебувають елементи системи, і при цьому не зруйнувати її, вона вважатиметься стабільною. Але в структурі системи ХО не можна змінювати відношення цілісності, органічного злиття ядра образу, зовнішньої і внутрішньої його характерності в тілі актора, без цього сценічний образ

не утвориться. Таким чином, систему ХО за цим параметром віднесемо до нестабільних.

11. Надійність – характеризує стійкість субстрату системи. Цілком надійною вважатиметься система, яка збереже свій концепт при руйнуванні будь-якої кількості елементів, крім одного. Не цілком надійними вважаються системи, в яких певна кількість зруйнованих елементів ліквідує саму систему. Саме до них належить і система ХО з двох причин: по-перше, очевидно, що, якщо образ позбавити, наприклад, внутрішньої характерності, він уже не буде образом, або, якщо він правильно створений, але не опредметнений в тілі актора, система ХО ліквідується. По-друге, як ми зазначали вище, система ХО є центрованою. А існує системна *закономірність*, що всі центровані системи є не цілком надійними – і справді, якщо видалити ядро образу, всі інші елементи вже будуть нездатні утворити систему ХО.

12. Регенеративність – характеризує здатність системи до відновлення – за субстратом та за структурою. Відновлення може відбуватися за допомогою інших систем (зовнішньо-регенеративні системи), або система робить це сама по собі (авто-регенеративні). Система ХО належить до авто-регенеративних – якщо образ чомусь не створюється, актор може запобігти цьому, застосувавши акторську майстерність (для цього існують спеціальні методи, які розглядає система К. С. Станіславського). Але слід пам'ятати ще одну системну *закономірність* – якщо система здатна до авто-регенеративності, вона в більшості випадків зменшує або втрачає цю здатність, якщо її відновлювати зовнішнім способом. От чому актору краще покладатися лише на себе в процесі створення образу, а режисер не має давати йому готові рішення проблем, що виникають на шляху до образності.

13. Варіативність – система є варіативною, якщо вона припускає зміну свого стану. Проте система ХО не припускає зміни системоутворюючих відношень – худож-

ній образ в театральній культурі завжди має бути тільки образом, а не іншим утворенням, яку б думку, цінність він не декларував. Отже, система ХО є неваріативною.

14. Однорідність – система вважається гомогенною, якщо містить однорідні елементи. Якщо ж елементи неоднорідні, як в системі ХО, система є гетерогенною.

15. Сила (форсівність) – якщо речі, коли вони входять до складу системи, не змінюються, це слабка система. Якщо ж вони змінюються, система вважається сильною. В системі ХО це видно особливо яскраво: наприклад, елемент внутрішньої характерності – злість – може бути зовсім не притаманна особистості актора, але він змінюється, перебуваючи в системі ХО. Отже, вона належить до сильних систем.

16. Автономність – цей параметр визначає, чи притаманні окремим елементам системи основні її властивості. Якщо так, це буде автономна система. Якщо окремі елементи не володіють властивостями системи, вона належить до неавтономних. Тут виникає складність у визначенні статусу Системи ХО за цим параметром. На перший погляд здається, що система ХО є автономною: якщо, наприклад, людина змінила тільки зовнішню характерність (переодяглася) або внутрішню (чомусь озлобилася), вона вже несе інший образ, і люди в таких випадках кажуть «Ти на себе не схожий». Якщо змінити носія матеріалу (актора), або ядро образу (інший погляд на роль), образ вже буде іншим. Але справа в тому, що в першому випадку змінюється не сценічний образ, а життєвий, тобто, розглядається інший концепт системи, а значить, і інша система взагалі. А в другому прикладі він хоч і змінюється, але ж залишається образом (див. параметр варіативності). Таким чином, ми віднесемо систему ХО до неавтономних на тій підставі, що художній образ у театральній культурі утвориться лише за поєднанням усіх елементів, а окремо вони властивостями всієї системи не володіють.

17. Унікальність – цей параметр є зворотнім до попереднього і визначає, на яких елементах може реалізуватися системоутворююче відношення: тільки на одних і тих самих елементах, чи це можливо і на різних субстратах. У системі ХО це відношення має реалізовуватися виключно на заданих елементах, тільки тоді утвориться образ. Якщо перенести це відношення – органічне злиття – на будь-який інший субстрат, це вже не буде стосуватися сценічної образності. Таким чином, система ХО належить до унікальних.

18. Впливовість (назва моя – О. Н.) – цей параметр відносить систему до одного з трьох типів – індукційного, інерційного або ресурсного за впливом, який набуття певної властивості одними елементами спричиняє на інші. Якщо набуття цієї властивості одними елементами сприяє набуттю її іншими елементами, матимемо справу з індукційною системою. Якщо це ніяк не впливає на інші елементи – система інерційна, а якщо перешкоджає набуттю – ресурсна. Відомо, що вірно знайдений елемент образу «тягне» за собою і інші, «маленька правда народжує велику віру»[1], і навпаки, один невірно знайдений елемент спричиняє негативний вплив на образ взагалі. Отже, за цим параметром система ХО належить до індукційних.

19. Ще однією важливою властивістю систем є цілісність – залежність між взаємопов'язанням її елементів і підсистем. Система є когерентною, цілісною, якщо будь-яка її частина, змінюючись, викличе зміни в іншій частині, як система ХО. Тип її цілісності ми можемо визначити як концептуально-структурний, адже саме ці частини системи ХО є найбільш незмінюваними, на відміну від субстрату, як ми вже доводили це вище.

Ми розглянули атрибутивні параметри системи ХО. Якщо ж треба буде розглянути співвідношення цієї

[1] *Станиславский К. С.* Работа актера над собой, С. 191.

системи з іншими системами, у справу вступлять реляційні системні параметри – тобто параметри, у будь-якому з яких знаходяться будь-які системи. Наприклад, якщо розглядатимемо системи різних художніх образів, вони знаходитимуться у відношенні ізоморфізму, тобто, співпадатимуть за структурою – кожний образ є органічним злиттям вищенаведеного субстрату. А якщо ж розглядати систему особистості актора й образа, вони не будуть ізоморфними, тобто структура їх буде різна.

Отже, як бачимо, сценічний образ у театральній культурі задовольняє всім вимогам для визнання його складною системою, що самоорганізується і складається з взаємообумовлених і взаємодіючих між собою і з іншими системами підсистем. Визначивши параметри системи художнього образу, маємо підстави констатувати про можливість застосування для її дослідження засобів загальної теорії систем та теорії інформації.

В. А. Филипповский

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ОТ ДИСТАНЦИРОВАННОГО УЧЕНИКА

Прежде всего, должен сказать, что любезное предложение Людмилы Николаевны Терентьевой написать воспоминания о том, как Авенир Иванович руководил мной в переписке по электронной почте, явилось для меня большой неожиданностью. Я без сомнений принял это предложение, поскольку это является делом чести и долгом перед Авениром Ивановичем.

Как только я начал писать эти воспоминания, я встретился с одной сложностью. Она заключается в том, что мне пришлось посмотреть на всю нашу переписку заново, новым взглядом, поскольку за прошедшее с тех пор время я успел сильно измениться. Я буду стараться говорить о нашем общении наиболее приближенно к текстам наших писем, чтобы воспроизвести – насколько это возможно – объективную ситуацию нашего общения.

Как я уже сам сейчас понимаю, в переписке с Авениром Ивановичем в те годы я позволял себе где-то проявить излишнюю навязчивость, где-то – дотошность, где-то – невнимательность к человеку уже достаточно солидного возраста. Но, возможно, именно благодаря этой настойчивости и дерзости я смог получить некоторые ответы, которые, наверняка, остались бы недоступными для меня в обратном случае. Об этих вопросах и ответах я хотел бы поведать в настоящем мемуаре.

Наша переписка началась в январе 2008 г., когда я, будучи студентом заключительного пятого курса философского факультета Самарского муниципального университета Наяновой, завершил написание своей выпускной квалификационной работы на тему «Теоретико-познавательное значение формализмов общей теории систем»

и решил обратиться к Авениру Ивановичу за рецензией на свою работу. Мне хотелось конструктивной критики своих результатов и идей, хотелось настоящего диалога с мастером своего дела, с настоящим учёным. В ответе на одно из его первых писем я писал Авениру Ивановичу: «Скажу сразу, именно критические замечания более всего меня волновали. Я полагаю, на планете нет человека, более разбирающегося в той теме, которой я посвятил работу».

Всё началось с того, что я обратился через официальный сайт Одесского национального университета им. И. И. Мечникова к философскому факультету, и деканат факультета мне сообщил адрес электронной почты Л. Н. Терентьевой, супруги Авенира Ивановича, посредством которого происходила вся наша дальнейшая переписка с.

В момент написания своей дипломной работы (в настоящее время общая оценка остаётся прежней) я был под сильным впечатлением от грандиозной попытки построения общенаучной методологии в рамках системного подхода и очень заинтересовался проектами построения общей теории систем (ОТС). При даже самом скромном знакомстве с различными версиями общесистемных исследований легко обнаружить, что в разных работах по ОТС используются различные формальные логико-математические аппараты, причём заимствованные из других областей знания, например: аппарат статистической термодинамики (Л. фон Берталанфи), теория множеств (М. Месарович), аппарат абстрактной алгебры (У. Р. Эшби), язык логики предикатов (В. Н. Костюк и др.), аппарат теории вероятностей (М. Тода, Э. Шуфорд). Немногие видели в этом ошибку, но именно в работах А.И.Уёмова я неоднократно встречал замечание о том, что «успехов в области формализации ОТС следует ожидать тогда, когда формализация приобретёт внутренний характер (по отношению к самой теории), что будет иметь место в том случае, когда она будет основана на понятийном аппарате ОТС. Это означает, что логико-

математический аппарат, адекватный потребностям ОТС, нужно не искать среди существующих формализмов, а создавать его специально для выполнения тех задач, которые перед ним могут быть поставлены».[1] Авенир Иванович стал первым и, насколько мне известно, остаётся пока единственным, кто не только осознал важность создания собственного аппарата ОТС, но также предпринял самую решительную попытку осуществить его построение: именно он создал собственное, адекватное потребностям ОТС, исчисление – язык тернарного описания (ЯТО).

Я был очень заинтересован в развитии методологии системного подхода, поэтому обнаружение специального формального аппарата системных исследований, основанного на системной парадигме, было для меня важным событием. Вся дипломная работа была посвящена исследованию ЯТО. Но для того чтобы как-то расширить поле исследований, я добавил к ЯТО исчисление связей А. А. Зиновьева. Это случилось после того, как я встретил однажды важное замечание В. Н. Садовского о том, что решать задачу построения логических исчислений, способных в обобщённом виде охарактеризовать строение знаний об объектах, представляющих собой системы, «нельзя путём простого использования имеющихся в настоящее время исчислений математической логики. Это становится очевидным, – писал Садовский, – в связи с тем, что, как показал А. А. Зиновьев, знания о связях невозможно представить как функции истинности классического исчисления высказываний. Тем более это нельзя сделать для знаний о системах. Эту задачу Зиновьев решает построением исчисления о связях».[2] Несмотря на

---

[1] *Уёмов А. И.* Л. Фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке.– М., 2004.– С.44.

[2] *Садовский В. Н.* К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы // Проблемы методологии и логики наук.– Томск, 1962.– С.80.

то, что сам Зиновьев никогда не разрабатывал системный подход, не предложил какого-то собственного авторского варианта общей теории систем и не рассматривал исчисление связей в качестве формализма, способного стать аппаратом общей теории систем, мне показалось интересным само замечание Садовского, и я обратился также к анализу исчисления связей. Я выбрал три исчисления в качестве предмета анализа и сравнения своего исследования: ЯТО, исчисление связей и исчисление предикатов.

Когда я выслал свою дипломную работу Авениру Ивановичу, он прочитал работу достаточно быстро и ответил мне кратко: «Дорогой Виталий! Прочитал Вашу дипломную работу. Был буквально поражён той обстоятельностью, с которой Вы рассматриваете проблемы общей теории систем и её формального аппарата. Такую работу давно нужно было бы написать». В этом ответе Авенир Иванович также сделал мне три важных замечания: 1) в своей работе я учитываю только одно определение понятия «система», атрибутивное, но есть ему двойственное, реляционное; 2) в индуктивном определении формул ЯТО я привожу правило построения, согласно которому знаки определённых вещей могут быть снабжены числовыми индексами: t, $t_1, \ldots, t_n$. На это Авенир Иванович заметил: «Но в ЯТО нет чисел. Значит, это формула не ЯТО!»; 3) вслед за Л. Л. Леоненко, я характеризую ЯТО как неуклюжий язык.[1] На это Авенир Иванович мне предложил определить логически эту

[1] Слово "awkwardness" часто переводится как "неуклюжесть", но одно из его значений – "громоздкость". В статье, которую автор здесь имеет в виду (*Leonenko L.* The Language of Ternary Description and Its Founder // Modern Logic, 2001, Vol. 8, No.3-4, p.31-52), это слово встречается в одном предложении, которое по-русски звучит так: «К числу недостатков [ЯТО] следует отнести значительную громоздкость всех имеющихся формулировок языка». – *Примеч. составителя Л. Леоненко*.

характеристику: «Что такое «неуклюжесть»? Как эту характеристику можно осмыслить в логических терминах?».

Позже Авенир Иванович выслал мне подробную рецензию, объёмом без малого три страницы, в которой высоко оценил мои труды: «Дипломная работа студента Филипповского поражает как шириной охвата материала, так и глубиной его проработки. Работа такого типа на современном этапе развития общей теории систем совершенно необходима». Из рецензии становится хорошо видно, что Авенир Иванович подробно ознакомился со всеми разделами работы. В рецензии были указаны несколько замечаний. Первое касалось неточностей в обозначениях различного типа импликаций, которых в ЯТО различаются четыре вида. Второе замечание дублировало замечание о «неуклюжести» ЯТО из предыдущего письма. Кроме того, Авенир Иванович высказал сожаление о том, что мной использовались лишь самые старые его работы, а работы, вышедшие в последние годы в США и Бразилии, не были приняты в расчёт. Авенир Иванович советовал мне доработать своё исследование и защитить его в качестве кандидатской диссертации: «Оценивая работу студента В. А. Филипповского в целом, следует сказать, что она намного превосходит как по своему объёму, так и по содержанию, уровень студенческих дипломных работ. Это скорее уровень диссертации. Можно посоветовать автору защитить её именно в качестве диссертации».

Сразу после успешной защиты дипломной работы мне стало интересно, чем же сейчас занимается одесская школа системного движения, и я написал Авениру Ивановичу: «Хочу Вас спросить вот о чём. Возможно ли знакомиться с Вашей текущей научной деятельностью в качестве участника системного движения из каких-нибудь других источников, кроме как сайта Одесского национального университета им. И. И. Мечникова? Проводятся ли сегодня конференции по проблемам системного движения в Украине? Меня это интересует

в связи с желанием потенциально принять в них участие». На это Авенир Иванович ответил: «Я буду очень рад, если Вы присоединитесь к нашему обществу».

Наше общение перешло на иной уровень, я старался вникнуть в те идеи, которые развивал Авенир Иванович, читал его книги, статьи и лекции и всякий раз удивлялся тому ясному мышлению, которым обладал Авенир Иванович. Поздравляя Авенира Ивановича с 80-летием, я написал: «Я бы пожелал и себе, и многим другим такого же ясного и вместе с тем простого образа мысли. Действительно, к этому стоит стремиться!».

В этот плодотворный период нашего общения Авенир Иванович прислал мне большое количество материалов по параметрической общей теории систем и ЯТО. Каждая книга, статья содержала авторские подписи, что было особенно ценно для меня. В особенности меня тронула запись на форзаце книги «Общая теория систем для гуманитариев», которая гласит: «Новому члену общества по развитию параметрической общей теории систем Виталию Филипповскому с наилучшими пожеланиями от трёх авторов». Кроме указанной книги, Авенир Иванович прислал мне свою книгу «Системные аспекты философского знания», а также три статьи, опубликованные американском журнале Международного общества по общей теории систем.

Именно в этот период мы обменивались наиболее объёмными и содержательными письмами, в которых можно найти мои вопросы к Авениру Ивановичу и его ответы на них. Первое такое письмо последовало вслед за защитой и касалось трёх указанных мной выше замечаний, которые Авенир Иванович высказал мне в ответном письме на работу. Самым существенным замечанием являлось второе замечание, и поэтому Авенир Иванович начал отвечать прежде на него. В своей дипломной работе я записывал формулы ЯТО так, что знаки определённых вещей снабжались числовыми индексами: t, $t_1, \ldots$, t_n.

Авенир Иванович дал мне следующее разъяснение того, почему это неверно для ЯТО: «Как быть, если нам нужно учесть существование двух или нескольких определенных предметов? Запись t, t_1, t_3 в этом случае не годится. В ЯТО нет ни чисел, ни множеств. И это не прихоть, а стремление построить формальный аппарат, коренным образом отличающийся от логики предикатов. В таком аппарате нет тех трудностей, которые связаны с теоремой Гёделя о неполноте формализованной арифметики. Если нет чисел, то нет и арифметики, а значит, теорема Гёделя здесь неприменима. Выразить же разные определённые предметы без помощи чисел вполне возможно. Например, пусть у нас два разных определённых предмета, один из которых отличен от другого. В ЯТО это выражается как t, t'. Далее, пусть второй объект – подобъект первого. В таком случае имеем t, $\overset{\cup}{t}$. Если третий объект – подобъект второго, то получим: t, $\overset{\cup}{t}$. Если же третий объект будет надобъектом второго, получим: t, $\overset{\cup}{t}$, $\overset{\Delta}{\overset{\cup}{t}}$.

Здесь гораздо больше информации, чем предполагается в списке: t_1, t_2, t_3.

Кстати, наличие t_1, t_2, t_3 вовсе не означает, что все эти объекты разные. Для того чтобы удостоверится в этом, нужны дополнительные сведения: t_1 не равно t_2; t_3 не равно t_2; t_3 не равно t_1. И что же более неуклюже? Здесь в ЯТО или в обычной арифметике?»

Хочу обратить особое внимание на то, что в этом письме Авенир Иванович напрямую указал на то, что ЯТО стоилось им как язык, принципиально отличающийся от логики предикатов. Второе замечание является ещё более значимым и касается того, что в ЯТО нет чисел, а, значит, нет арифметики, и, следовательно, теоремы Гёделя и весь пафос ограничительных результатов для него являются неактуальными. Отмечу, что тогда я не обратил на это замечание никакого внимания. Однако уже несколько

месяцев спустя я всерьёз занялся исследованием соответствующего раздела метаматематики, начался период, который у меня занял более 3 лет непрерывных исследований проблем обоснования математики.

В том же письме Авенир Иванович указал мне на важное различие между открытым и замкнутым тождествами, которое проводится в ЯТО: «Выражения с йота-операторами представляют собой некий *набор* выражений, каждое из которых может быть определено с помощью *замкнутой формулы*. Отсюда тождество, определяемое таким образом, получило название *замкнутого тождества.* Кроме замкнутого, в ЯТО существует еще *открытое тождество,* которое может быть определено с помощью открытой формулы, выражающей некоторое *суждение.* Для его обозначения используется большая буква английского алфавита J (джей) – это тот предмет, который *отождествляется* с другим. Тот объект, *с которым* производится *отождествление*, обозначается той же буквой – джей, только маленькой и набранной курсивом – *j*. В целом открытое тождество выражается формулой *ja*. Оно называется также *открытым тождеством*». И чуть дальше: «Понять различие открытого и замкнутого тождества поможет аналогия с алгебраическим соотношением $a+b=b+a$. Объекты *a* на первом и четвертом, объекты *b* на втором и третьем находятся в отношении замкнутого тождества, равенство (=) выражает открытое тождество»[1].

Два других замечания Авенир Иванович обговорил коротко, указав в отношении первого, что «наличие двойственного определения понятия системы очень существенно. Без него определение системы было бы несоразмерно». В отношении третьего Авенир Иванович

[1] Добавлю от себя, что на эти различные типы отношения тождества логики часто обращали внимание, достаточно вспомнить абстракцию отождествления, принимаемой в конструктивной логике А. А. Маркова наряду с обычным отношением эквивалентности.

написал: «Что касается третьего замечания, то ссылка на статью Леоненко Л. Л. неправомерна. Вы отвечаете за весь текст. Иначе это будет не целостная статья, а эклектика. Если Вы с кем-то согласны, это надо обосновывать. Если Вы с кем-то не согласны, опять-таки это надо обосновывать. Так что я жду обоснования «неуклюжести» ЯТО».

Надо сказать, что как только я получил первое ответное письмо Авенира Ивановича о моей работе, в котором он предложил мне логически уточнить характеристику ЯТО как «неуклюжего» языка, я сразу же принял решение убрать это из своей работы. Ведь никакого обоснования у меня не было, кроме своего небольшого опыта работы с ЯТО. Как только Авенир Иванович узнал от меня, что я устранил из своей работы характеристику ЯТО как «неуклюжего» языка и напечатал диплом без неё, Авенир Иванович ответил: «Спасибо за снятие «неуклюжести»». Эта «неуклюжесть» поставила меня в действительно неуклюжее положение перед Авениром Ивановичем, поскольку я представил ему для чтения материал, который не был мной самим верифицирован и апробирован. Но именно с этой целью я стал писать Авениру Ивановичу лично.

Когда я получил заказной посылкой книги и статьи, меня переполняло чувство восхищения и огромной силы желание работать, изучать, исследовать, учиться, понимать. Я написал Авениру Ивановичу: «Я остаюсь перед Вами в неоценимом долгу. Мне очень отрадно, что – не побоюсь этих слов – такая величина, как Вы, лично осуществляете корреспонденцию со мной. Кто, где я? И Кто Вы? Хотя бы по разнице возрастов. Многие, кому я рассказываю о Вас здесь, в Самаре, и о нашем обмене мнениями, а теперь и печатной информацией, попросту не склонны мне доверять. Я и сам, повторюсь, не ждал такого домашнего приёма. Мне очень приятно. Честно».

Второе объёмное письмо было написано мной уже по прочтении книги «Системные аспекты философского

знания». У меня родилось несколько соображений и вопросов, на которые я хотел получить ответы для уточнения позиции Авенира Ивановича. Это письмо оказалось поворотным в нашей переписке с Авениром Ивановичем, поскольку я высказал в нём свои сомнения и даже некоторую критику на развиваемые им идеи. Дам несколько обширных выдержек из самого письма, чтобы было понятно, о чём я спрашивал и в чём сомневался.

Первое замечание касалось позиционного различения свойств и отношений в ЯТО: «Первое, над чем я задумался – это принцип позиционного различения свойств и отношений. У меня возник к Вам один вопрос. Предикат соотносительного высказывания (именную часть грамматической группы сказуемого) Вы всякий раз склонны трактовать как свойство, но никогда как имя собственное. В высказывании «Футбол – это игра» слово игра обозначает свойство. То же самое – в высказывании «То белое есть Сократ».

Для меня встал следующий вопрос: каким образом формализм ЯТО отражает разницу имён собственных и имён общих (понятий)? […]

Мне видится, что рассмотрение в ЯТО предиката соотносительного высказывания только как свойства суть ограничение (может быть, неявное), аналогичное тому, которое положил явным образом в своих построениях Ст. Лесневский.

Положим, пусть $a \varepsilon b$ – соотносительное высказывание со связкой «есть» (ε). Как a, так и b – имена и могут представлять собой любой из трёх видов имён (n^0, n^1 и n^n)

Пусть “+” обозначает допущение, а “–” обозначает недопущение видов имён данного термина (a, b)

Тогда получается следующий набор моделей (всего $2^6 = 64$):

	a			*b*			Соответствия:
	n^0	n^1	n^n	n^0	n^1	n^n	
1	+	+	+	+	+	+	
2	+	+	+	+	+	–	
…	…						
k	?	?	?	+	–	+	ЯТО
...	…						
k+*n*	–	+	–	?	?	?	Языки Лесневского
…	…						
63	–	–	–	–	–	+	
64	–	–	–	–	–	–	

Из этой иллюстрации видно, что Ваша позиция в определённом смысле дважды двойственна по отношению к позиции Лесневского. С одной стороны, Вы накладываете неявные ограничения на экстенсионалы имён вида *b* в высказываниях соотносительного характера $a \varepsilon b$, тогда как Лесневский – имён вида *a* . А с другой – эти ограничения двойственны друг по отношению к другу. (Хотя я не могу с уверенностью говорить в отношении допущения пустых имён n^0 в ЯТО – этот вопрос для меня пока остаётся открытым. Соответственно, в подстолбце n^0 столбца *b* в *k*-той строке знак "+" поставлен мной предположительно.)

В своё время Бертран Рассел, отмечая, что надо различать отношение включения элемента в класс ($\in$), отношение «быть подклассом» ($\subseteq$) и отношение тождества (=), объявил «позором человеческой мысли», что эти вещи не различаются (цитирую по В. А. Смирнову).

Однако, как мне видится, стоит различать четыре вида отношений:

Четыре вида отношений:		Их типы:
=	1) предикация (экземплификация, отношение включения элемента в класс $\in$)	$n^1 \varepsilon n^n$
	2) равенство (=)	$n^1 \varepsilon n^1$
$\subset$	3) строгое включение множества в множество ($\subseteq$ & $\neq$)	$n^1 \varepsilon n^n$
	4) тождество множеств ($\subseteq$, $\supset\subset$, $\equiv$)	$n^n \varepsilon n^n$

Я не встречал в Ваших работах указания на второй тип отношений.

Существенным является ответ на вопрос: допускается ли в исчислении имена пустых множеств, или, иначе, пустые имена? Каков ответ на этот вопрос в случае ЯТО?»

Второе замечание касалось принципа взаимопереходности вещей, свойств и отношений, оно носило критический характер: «Второе продолжает первое. В текстах Ваших статей имеется определённая критика аппарата логики предикатов. В частности, насколько я могу судить, Вы говорите о слабой выразительности логики предикатов, и связано это с тем, что она не видит фундаментальности различия между свойствами и отношениями, сводя их к чисто количественным различиям между одноместными предикатами – свойствами и многоместными – отношениями. Вы указываете на то, что однако одноместным, например, является всякое рефлексивное отношение, например, «Нарцисс был влюблён в себя» или «Маяковский застрелился». Пример двухместного свойства – «Ромео и Джульетта были жителями Вероны».

Мне показалась обманчивой представленная выше точка зрения, и я постарался провести анализ приведённых примеров, которые должны быть исключениями из правила идентификации свойств и отношений по количеству аргументов предиката. Попробую представить этот анализ.

I. Всякое рефлексивное отношение является одноместным, например,

(1) «Нарцисс был влюблён в себя».

Рефлексивное отношение символически записывается как Rxx, xRx или $R(xx)$. Эти записи равнозначны. Каждая запись имеет по две переменные *x*, так что двухместное отношение не представляется здесь одноместным. В естественном языке не принято выражаться таким образом:

(2) «Нарцисс был влюблён в Нарцисса».

Между тем, именно последнее предложение обладает структурой высказывания с двухаргументным отношением «– был влюблён в –», где на аргументных местах (обозначенных чёрточками) стоят имена объектов предметной области, над которой задано данное отношение (в данном случае на обоих аргументных местах стоит одно и то же имя «Нарцисс»). Однако, как уже было сказано, выражаться таким способом в естественном языке не принято. Предложение (1) также обладает структурой высказывания с двухаргументным отношением «– был влюблён в –», но на втором аргументном месте этого отношения стоит не имя объекта предметной области, а имя функции. Мы встретились здесь со следующим явлением. В естественном языке используются дополнительные схемы оптимизации неэффективных способов выражений, подобных (2). Для примера можно рассмотреть, как работает любая функция, устанавливающая отношения типа «предковости», например, функция «отец». Она может быть использована для оптимизации предложения «Саша позвал Дмитрия Сергеевича» в случае, если Дмитрий Сергеевич – отец Саши. В результате имеем предложение «Саша позвал своего отца». Притяжательное местоимение «своего» в результирующем предложении указывает на то, что функция “отец” применяется к субъекту предложения, а не к какому-либо другому имени. Таким образом, введение оптимизирующих речь схем сокращения (с помощью, например, функций) является естественным явлением.

В случае примера (1) используется функция самопредставления, для которой область определения совпадает с областью значений, а функциональная зависимость определяется как $f(x)=x$. Пусть отношение «– был влюблён в –» будет обозначено xRx. Пусть f будет обозначать функцию самопредставления. Тогда можно следующим образом представить формы предложений (1) и (2): форма (2) – xRx, форма (1) – $xRf(x)$. В силу

равенства $f(x)=x$ обе эти формы (и, следовательно, предложения) идентичны.

Можно склоняться анализировать (1) на субъект «Нарцисс» и на одноаргументный предикат «– был влюблён в себя». Нельзя утверждать, что такой анализ предложения (1) неверен. Более того, Готлобом Фреге утверждалась возможность различных анализов одного и того же высказывания, например: «Катон умертвил Катона». В этом высказывании можно усмотреть три различные функции с одним и тем же аргументом «Катон»: функция «умертвить Катона», функция «быть умертвлённым Катоном» и (двухаргументная) функция «умертвить самого себя». Фреге призывает руководствоваться таким правилом при выборе аргументных мест: «Если знак, который рассматривался как незаменяемый в некоторых или во всех вхождениях в функцию, считать допускающим замену, то в результате получается функция, имеющая, кроме прежних, ещё один аргумент. Таким образом возникают функции от 2-х и более аргументов». Некоторые склонны расценивать эти «возможности» как неопределённость разложения высказывания по синтаксическим категориям. Для меня, однако, очевидно, что анализ высказывания по синтаксическим категориям может быть эффективно стандартизирован, что означает: каждому высказыванию может быть сопоставлена единственная стандартная форма разложения. Другие формы разложения являются вырожденными формами стандартной. Стандартной формой должна считаться та, которая получается в результате применения двух правил.

1) Вышеупомянутое фрегевское правило выбора аргументных мест высказывания. Применяя это правило, в какой-то момент может быть сделано неправильное заключение о возможной заменимости какого-либо знака в составе высказывания и принято решение о выделении ещё одного аргумента. Второе правило ограничивает этот произвол и делает невозможным продолжение применения

первого правила. Это второе правило распадается в свою очередь на два.

2a) Осуществить замену знака, в отношении которого сделано предположение о его возможной заменимости некоторым другим знаком, и, если получившееся выражение будет осмысленным, то вновь применить первое правило.

Или:

2b) Если после осуществлённой замены получившееся выражение будет бессмысленным, то отменить выделение данного знака в качестве аргументного места. И, если не имеется более знаков, в отношении которых может быть сделано предположение об их возможной заменимости, то завершить построение стандартной формы высказывания.

Если принимать во внимание только стандартные формы анализа высказываний, то для меня является очевидным, что в их отношении имеет место регулярное различение свойств и отношений по числу аргументов предиката.

II. Существуют двухместные свойства, например,

(3) «Ромео и Джульетта были жителями Вероны».

Высказывание, стандартная форма которого есть одноместный предикат, фиксирует знание о свойстве, присущем аргументу данного предиката. С объёмной точки зрения в логике это равносильно тому, что в высказывании фиксируется принадлежность аргумента множеству всех элементов, которые обладают свойством, выраженным данным предикатом.

Анализ высказывания (3) как двухместного свойства и двух аргументов этого свойства, предполагаемый в выше обозначенной точке зрения, не является стандартным. Однако, рассмотрим вырожденный вариант анализа и способ интерпретации формы данного высказывания как двухместного свойства.

Очевидно, что высказывание (3) является сокращением для сложного высказывания:

(4) «Ромео был жителем Вероны, и
Джульетта была жительницей Вероны».

Конъюнкция (4) двух элементарных высказываний, в каждом из которых фиксируется одно и то же свойство «являться жителем (цей) Вероны» для двух разных субъектов «Ромео» и «Джульетты», преобразуется в одно элементарное высказывание (3), в котором фиксируется это свойство для конъюнкции двух субъектов «Ромео» и «Джульетты». Таким образом, имеет место изменение статуса конъюнкции из положения пропозициональной связки в положение имяобразующего функтора. В этом заключается ещё одна схема оптимизации неэффективных способов выражений, применяемая в естественном языке.

Стандартная форма каждого члена конъюнкции (4) есть одноместный предикат. Соответственно, свойством «являться жителем (цей) Вероны» обладают каждый из двух субъектов «Ромео» и «Джульетта» по отдельности, но этот факт утверждается в особой сокращённой форме (3) так, что это наводит на мысль анализировать (3) как двухаргументное свойство.

Примеры, которые должны были быть исключениями из правила идентификации свойств и отношений по количеству аргументов предиката и свидетельствовать о неадекватности лишь синтаксического различения свойств и отношений, как мне кажется, несостоятельны и заключают в себе результаты оптимизации неэффективных способов выражений на естественных языках. Развёрнутые, или приведённые в начальное (неоптимизированное) состояние, эти выражения укладываются в правило, которое должно было быть опровергнуто».

Таким образом, я высказался с большим недоверием в отношении принципа взаимопереходности вещей, свойств и отношений, на что Авенир Иванович ответил:

«Дорогой Виталий! Получил Ваше письмо, написанное по поводу моих «Системных аспектов философского знания».

1. Я думаю, что Ваши трудности связаны с тем, что Вы воспитывались в духе пифагореизма и никак не можете отказаться от него. Для пифагорейца главное – число. В основе всех различий лежат числовые различия и главнейшее из них – разница между единицей и двойкой. Отсюда – определение Фреге: имя собственное – любое, указывающее в точности на один денотат. Следовательно, именем собственным будет выражение: «самый старый человек на Земле», хотя мы не знаем, и никогда не будем знать, его имени. А вот выражение «пара старейших людей на Земле» – имя общее (понятие) – другая категория! И вот эту чушь вдалбливают людям, изучающим математическую логику. ЯТО же категорически несовместим с пифагореизмом! Отвечаю на ваш вопрос, каким образом формализм ЯТО отражает разницу между именами собственными и общими (понятиями)? – А никак! Формализм не может включать в себя всё то, что есть в обыденном языке. В противном случае он стал бы просто дублем обыденного языка. Зачем же его дублировать?! ЯТО принципиально ограничивается только тем, что выражается различием между категориями: вещь, свойство, отношение и определённое, неопределённое, произвольное. Это ограничение достаточно широкое и легко может быть реализовано – в отличие от деления имён на пустые, единичные и общие. К какому классу относится имя «безгрешный человек, достойный попасть в рай?».

(*Вставка о внутренних отношениях*. Родовидовые отношения Аристотель считал внутренними. Но они могут быть и внешними. Представьте себе, что студентов отличников собрали в аудитории №4. Там есть ещё и другие люди. Значит, отличники – вид людей, собранных в аудитории №4. И это явно внешнее отношение! Отличников можно выгнать из ауд. №4. Что касается *предпосылоч-*

ного отношения, то оно аналогично родовидовым и может быть как внутренним, так и, в отдельных случаях, внешним).

(*1-е, конец*). Отношения типа равенства вполне допустимы в ЯТО, так же, как и пустые имена. Но, именно, допускаются, а не предполагаются заранее. Иными словами – не нужно заранее знать, что данный класс – пустой. Чтобы написать формулу ЯТО, не требуется заранее знать, существуют ли безгрешные люди и т.д.

2. Вы критикуете признание рефлексивных отношений одноместными, указывая на форму записи: Rxx, xRx или $R(xx)$. Но эти формы являются следствием теории, а не здравого смысла. Если сказано, что не должно быть одноместных отношений, то мы должны уметь изобразить это на бумаге. И делаем это, разрезая одного человека – Нарцисса на два. Но почему только на два? Мы могли бы использовать и четыре икса: $xxRxx$, считая влюблённость в себя четырёхместным отношением. Далее, можно приравнять это отношение к восьмиместному, etc. Вот куда заводит пифагореизм! Если же отказаться от пифагореизма, то всё упрощается. Сколько объектов в данном отношении? – Один. Обозначим его *x*. Ему и припишем одноместный предикат – быть влюблённым в себя. И всё! Вы сами ссылаетесь на Фреге, который говорил, что нельзя утверждать, что такой анализ неверен.

Теперь о двухместных свойствах. Сделаем такой эксперимент. Спросим профанов в логике – о скольких вещах идёт речь в высказывании: «Ромео и Джульетта были жителями Вероны». И получите в ответ – скорее в смысле ЯТО, чем в духе логики предикатов».

После этих писем Авенир Иванович прислал мне том работ по ЯТО, посвящённый его 80-летнему юбилею[1],

[1] Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб. трудов, посвящённый 80-летию проф. А. И. Уёмова / Под ред. А. Ю. Цофнаса.– Одесса: Астропринт, 2008.

и наше общение прервалось практически на целый год, за который мы обменялись несколькими поздравлениями с праздниками, но ничего содержательного не обсуждали. В это время я всерьёз взялся за теоремы Гёделя, подготовил большую статью на эту тему и собирался её опубликовать в Вестнике Санкт-Петербургского университета, для чего мне нужна была внешняя рецензия доктора философских наук, о чём я попросил Авенира Ивановича. Но моя просьба оказалась очень некстати, и я получил от Авенира Ивановича уважительный отказ:

«Дорогой Виталий! Получил Ваше письмо с просьбой о рецензии на Вашу работу о теореме Гёделя. К большому сожалению, не могу удовлетворить Вашу просьбу. Теоремой Гёделя я никогда не занимался. Чтобы вникнуть в неё, потребуется много времени. Если бы я даже занимался только этим, то и тогда срок до 15 мая был бы явно недостаточным. Но я не могу сейчас всё бросить и заниматься только Гёделем. Мне 81 год, и я хочу успеть закончить свои дела – написать два тома – по ЯТО и по параметрической общей теории систем. А Вы можете легко найти внешнего рецензента среди специалистов по теореме Гёделя – они перечислены в той библиографии, которая есть в Вашей статье».

Особенно замечание о возрасте и о целях, которые стояли перед Авениром Ивановичем на тот момент, дали мне понять, что я со своими просьбами оказался слишком навязчив, мне стало неудобно, и я посчитал необходимым извиниться перед Авениром Ивановичем:

«Я хотел поделиться с Вами полученными выводами проведённого исследования. Вы – логик, причём логик с неклассическим подходом к предмету исследования, новатор, что для меня очень значимо. Настоящий учёный, как мне видится, должен сделать, насколько это в его силах, максимальное улучшение системы знаний относительно той предметной области, которой он занимается. Вы многое сделали в логике, методологии науки,

системном подходе. Вклады в последние две области знания я использовал при чтении лекций по «Гносеологии и проблемам научного метода». Во многом я стал придерживаться того скрупулёзного и в значительной части основанного на обращении к здравому смыслу способу рассмотрения предмета исследования, пример которого я нахожу в ваших статьях и книгах. Я преисполнен чувством уважения к Вам и именно поэтому я хочу, чтобы Вы смотрели на мои работы, подсказывали мне что-то, указывали на мои ошибки. Может быть, многие мои обращения к Вам носят (носили) беспрецедентный характер и не имеют (не имели) под собой должного этического основания. Я приношу Вам мои извинения, тысячу извинений. Я вовсе не хотел быть навязчивым». После этого мы обменялись любезностями, и наше общение практически прекратилось, за исключением уже позднего момента, когда я вновь обратился к Авениру Ивановичу с просьбой о рецензии на свою диссертацию, в которой я вернулся к исследованию и анализу ЯТО и других формальных языков. Но в тот момент Авенир Иванович был уже болен и не смог ответить.

Участие и значение Авенира Ивановича в моей жизни на этапе моего становления и роста было колоссальным. Это видно непосредственно по моим письмам, которые я писал ему лично. Данная оценка и в настоящий момент остаётся таковой. Меня впечатляли лишь очень немногие авторы, чьи работы отличаются ясностью и основательностью. Работы Авенира Ивановича, его стиль мышления, результаты его аналитической работы – это образец ясного и строгого мышления, который воодушевляет и привлекает своей стройностью и отчётливостью. Я несколько раз порывался поехать в Одессу с тем, чтобы пообщаться с Авениром Ивановичем лично, но так и не удалось. Мне очень жаль, что наша встреча так и не состоялась.

Напоследок хочу обратить внимание на особый стиль общения по переписке, который был характерен для

Авенира Ивановича. Его можно охарактеризовать одним словом: «сердечный». В многочисленных письмах Авенир Иванович оставлял подписи, подобные этой: «С сердечным приветом, Ваш А. И. Уёмов». Наше общение носило характер возвышенного интеллигентного диалога, диалога учителя и ученика, я считаю себя в некоторой степени учеником Авенира Ивановича.

Вторя подписи в одном из своих писем, ещё раз говорю Вам, Авенир Иванович, слова моей признательности и величайшего уважения.

Ваш дистанцированный ученик, *Виталий*.

Л. Л. Леоненко

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ АНАЛОГИЙ А. И. УЁМОВА

В 2004 году автор обсуждал с А. И. Уёмовым первоначальный вариант статьи "Аналогия и абдукция" (опубликованной впоследствии в "Философской думке")[1]. Авенир Иванович написал несколько "мини-рецензий" к статье. Ряд его замечаний я учел в публикации, некоторые не принял, а были и такие, по которым к однозначному мнению я тогда так и не пришел. Эти последние и обсуждаются здесь. Хочется ознакомить читателя с (не отраженными в публикациях) взглядами А. И. Уёмова на ряд важных проблем, касающихся теории выводов по аналогии, и сопоставить их с обсуждением этих проблем в некоторых публикациях последнего времени. Рукописи А. И. Уёмова у меня сохранились, и ниже я приведу обширные выдержки из них.

"**Борьба за приоритет**".

Первая рукопись имеет особое название: "Борьба за приоритет". Вот ее текст (он приводится курсивом) с некоторыми сокращениями и моими краткими примечаниями (они заключены в "уголки" вида <…>):

Автор <статьи "Аналогия и абдукция", т. е. Л. Леоненко> *пишет: «В 70-х годах типы аналогий, реально используемые в научной практике, были проанализированы А. Уёмовым». На следующей странице он примечает: «...анализ, выполненный А. Уёмовым* ***в работах*** [*Уемов*, 1970[2]; 1971[1]], ***сохраняет свою значимость***» <выделено

---

[1] *Леоненко Л. Л.* Аналогія і абдукція // Філософська думка. – 2008. – № 3.– С. 14–30.

[2] *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования. – М.: Наука, 1970. – 264 с.

А. И. Уёмовым.>. *Это наталкивает читателя на мысль о том, что до 70-х годов А. Уёмов не работал над аналогиями, во всяком случае, не анализировал их типы, а если и работал, то его работы своей значимости не сохранили.*

Я был бы благодарен автору за предотвращение столь неверного понимания и за разъяснение реальной ситуации. А. Уёмов начал анализировать типы аналогий, реально используемых в научной практике, не в 70-х годах, а на 20 лет раньше, когда он работал над кандидатской диссертацией «Аналогия в современной технике». В ней было показано, что аналогии, используемые в технике, – это совсем не тот тип умозаключений, который под именем "выводы по аналогии" анализируется в формальной логике. Канд. диссертация защищена в 1952 г. С трудом (проф. Георгиев Ф.И. в выступлении сказал: «диссертация не имеет теоретического характера, так как мало цитат из классиков марксизма»; проф. Попов П.С.: «в диссертации – космополитизм, так как мало ссылок на русских логиков и много на западных»). Но помогли технари, давшие блестящий отзыв. Далее – до 70-х гг. была защищена (1964 г.) докторская диссертация по аналогии (1000 стр.). Оппоненты – П. В. Копнин, В. Ф. Асмус, А. А. Зиновьев. И <до 70-х гг. было> *опубликовано 14 работ*.

Вопрос: какое принципиальное значение имеет указание на эти работы? Ответ – такое же, какое вообще имеют проблемы приоритета. Не случайно из-за этой проблемы так много усилий тратили Ньютон и Лейбниц. И дело здесь не только в личном приоритете. Кто первый – Англия или Германия? Ответ на этот вопрос небезразличен для англичан и немцев. Кто первый? В нашем случае, при отставании в СССР логической мысли, этот

---

[1] *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования. – М.: Мысль, 1971.– 311 с.

вопрос даже более важен, чем предыдущий. А Вы даете возможность каждому, кто опубликовал статью со схожими идеями, скажем, в 60-х годах, претендовать на приоритет. И я не стыжусь того, что мне это обидно.

Это одна сторона вопроса. О другой мы уже говорили <в личной беседе>. *Дело в том, что монографии 70-го и 71-го гг. не имели целью собрать все сделанное по аналогии ранее. Я наивно полагал, что все напечатанное будет прочитываться и перечитываться, так что оно не исчезнет из памяти будущих поколений. Поэтому нет необходимости в перепечатке. Отчасти в те времена это действительно было так, поскольку издавалось тогда страшно мало. Даже профессора зачастую не имели ни одной публикации.*

Я заменял иногда перепечатку отсылкой к ранее опубликованным работам. Не имея этих работ, трудно полностью понять монографию 71 года.

К этим словам Авенира Ивановича мало что можно добавить. В то время среди ученых бывшего СССР А. И. Уёмов остается наиболее авторитетным автором в области исследования аналогий, но, к сожалению, его работы по теории аналогии почти неизвестны на Западе. Если западные логики все же были знакомы с некоторыми (далеко не основными) его статьями (см., например, ссылки в работах[1,2,3]), то исследователи в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта, по-видимому, ничего о них не знали. "Железный занавес"

---

[1] *Niiniluoto I.* Analogy and inductive logic // Erkenntnis. – 1981. – v. 16.– P. 1–34.

[2] *Melis E., Veloso M.* Analogy in Problem Solving // Handbook of Practical Reasoning: Computational and Theoretical Aspects.– Oxford Univ. Press. – 1998.– P. 1–73.

[3] *Valencia E.* Outils de topologie algebrique pour la gestion de l'heterogeneite semantique entre agents dialogiques. Manuscrit de these pour l'obtention du grade de docteur.– Paris: Universite Paris-XI, 2001.– 231 p.

препятствовал переводам. Специалисты-когнитологи, например, считают этапной работой в области аналогии статью Дедре Гентнер[1], предложенные в которой правила повышения правомерности аналогий типа quasi-изоморфизма во многом пересекаются с правилами, предложенными А. И. Уемовым. Проблемы приоритета заслуживают отдельного исследования, в том числе потому, что аналогия сейчас стала "модной" темой в зарубежной философии, логике и computer science. И во многих работах авторитетных зарубежных авторов (назову здесь лишь имена М. Хесс[2], Д. Хофштадтера[3], Дж. Совы[4], П. Барты[5]) некоторые, – хотя далеко не все, – результаты А. И. Уёмова были "переоткрыты".

Аналогия – вывод на основании сходства. Так ли?

Вот выдержки из другой "мини-рецензии" Авенира Ивановича:

Автор <Л. Леоненко> *считает, что «Обычно под “аналогией” подразумевают произвольный вывод, в котором некоторая информация об объекте a переносится на другой объект b на основании некоторого “сходства” или “подобия” между a и b».*

Это действительно так, но это означает, что аналогия до сих пор отождествляется с одним своим частным случаем, проанализированным еще Аристотелем

---

[1] *Gentner D.* Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science. – 1983. – v.7.– P. 155–170.

[2] *Hesse M.* Models and Analogies in Science – London: Sheed & Ward, 1963.– 150 p.

[3] *Hofstadter D.* The Copycat Project: An experiment in Nondeterminism and Creative Analogies // A.I. Memo 755 – Cambridge, MA: MIT, 1984.– P.1–47.

[4] *Sowa J.F., Majumdar A.K.* Analogical Reasoning // Conceptual Structures for Knowledge Creation and Communication, LNAI 2746.– Springer-Verlag, 2003.– P. 16–36.

[5] *Bartha P.* By Parallel Reasoning: The Construction and Evaluation of Analogical Arguments.– NY: Oxford Univ. Press, 2010.– XIV+356 p.

и названным им парадейгмой. Сходство нельзя выразить иначе, чем через утверждение о наличии общих свойств у предметов a и b. Если Л. Леоненко с этим не согласен, то советуем ему выразить сходство иначе. Но мы бы не советовали автору выражать сходство через наличие общих отношений, как это он делает ниже[1]*. Несмотря на то, что свойство и отношение, вообще говоря, разные вещи, наличие общих отношений будет означать ео ipso наличие общих свойств. Пусть, например, в объекте a имеет место отношение "в два раза больше", и такое же отношение имеет место в объекте b. Таким образом, мы можем сказать, что оба объекта характеризует свойство "в два раза больше". Заменяя свойство отношением, мы не выходим за рамки парадейгмы, поскольку общее отношение означает общее свойство.*

Иное дело, когда отношение выражает не нечто общее, имеющее место в предметах a и b, а сопоставляет оба предмета друг с другом. Например: "a в два раза меньше, чем b". Тогда мы действительно выходим за рамки парадейгмы и, тем самым, за рамки сходства между a и b. Сходство заменяется сопоставлением.

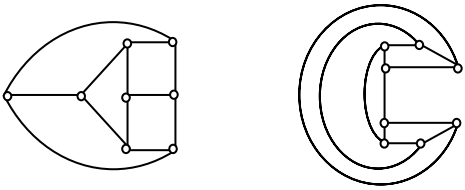
Интересно отметить, что автор приводит замечательный пример, наглядно противоречащий его утверждению, что всякая аналогия основана на сходстве. Он берет[2] *два графа, совершенно несходные друг с другом, и, тем не менее, взаимно аналогичные. Эта аналогия основана на том, что отношение между вершинами первого графа* ***такое же****, как и у второго. Ну а если бы они не были одинаковыми, и мы имели бы лишь* ***соответствие*** <выделено А. И. Уёмовым> *вершин и ребер, аналогии бы не было? Отвечая положительно на этот вопрос, автор чрезмерно сузил бы понятие аналогии.*

---

[1] См.: *Леоненко Л. Л.* Аналогія і абдукція, с. 17.

[2] См.: *Леоненко Л. Л.* Аналогія і абдукція, с. 16.

Я воспроизведу здесь этот пример (он заимствован мной из книги[1]):



Возможно, что автор стал сомневаться в истинности выдвигаемого им положения, поэтому и перешел на командный тон: «… я думаю, что если в некотором выводе можно обойтись без сравнения упоминаемых в нем объектов, то есть без апелляции к их какого-либо вида сходству или несходству, такой вывод не следует называть аналогией»[2]*. В приведенной цитате автор отходит от защиты «обычной» точки зрения, согласно которой вывод по аналогии всегда делается на основе некоторого «сходства» или «подобия» между a и b. Вместо «сходства» появляется расширение этого понятия – «сходство или несходство». Но, если любые два предмета либо сходны между собой, либо несходны, то это как раз и означает, что основанием аналогии может быть любое C* <любое утверждение о некоторой связи модели и прототипа>*, т. е. позиция автора становится неотличимой от точки зрения критикуемого им А. И. Уёмова.*

Отказ от парадейгмы <как единственного вида аналогии> *означает тем самым отказ от сходства как основания вывода по аналогии, замену сходства соответствием.*

Некоторые из приведенных замечаний А.И. Уёмова я постарался учесть в опубликованном варианте моей

---

[1] *Кузнецов О.П., Адельсон-Вельский Г.М.* Дискретная математика для инженера.– 2-е изд. – М.: Энергоатомиздат, 1988.– С.93-94.

[2] См.: *Леоненко Л. Л.* Аналогія і абдукція, с. 18.

статьи. Не цитируя себя, отмечу только, что главные разногласия по данному вопросу с Авениром Ивановичем сохранились. Термин "сходство", на взгляд большинства ученых (от Аристотеля до современности – я их цитирую в статье), вполне употребим в случаях, когда речь идет об общности каких-то *отношений* двух объектов. Конечно, в этих случаях, – А. И. Уёмов прав, – можно трактовать эту общность как наличие одинакового *свойства* данных объектов. Но дело в том, что проверка наличия такого свойства производится иначе, чем в случае парадейгмы, где сравниваются значения одноименных признаков (а "объект" считается "набором значений" таких признаков). Чтобы выявить общность отношений, нужна *иная процедура сравнения объектов* ***Ср***, предполагающая, в том числе, и установление *соответствия* между какими-то элементами данных объектов (либо их соответствия каким-то "внешним" объектам).

С другой стороны, *только* установление соответствия, на которое не накладывается никаких условий, на мой взгляд, может служить основанием лишь для крайне "слабых" аналогий (если вообще годится в качестве такого основания). Каждый из двух графов на приведенном выше рисунке содержит по 8 вершин – то есть возможно 8!=40320 различных одно-однозначных соответствий между их вершинами. Но изоморфизм будет выявлен только при некоторых возможных соответствиях (иными словами, только при некоторых способах нумерации вершин каждого графа числами от 1 до 8 каждая вершина с данным номером будет связана в данном графе с вершинами с тем же набором номеров).

Более простой пример (который, надеюсь, понравился бы Авениру Ивановичу). При Цусиме в русской эскадре было столько же тяжелых кораблей (броненосцев и бронекрейсеров), как у японцев. На этом, однако, "соответствие" эскадр заканчивалось, что и привело к печальному для России итогу сражения.

Я продолжаю думать, что если в некотором выводе можно обойтись без *сравнения* предметов, в нем упоминаемых, – то есть без апелляции к *какому-нибудь* типу их сходства либо несходства, – данный вывод не следует называть аналогией. Иными словами, если связи объектов, на основании которых принимается заключение, вам трудно назвать сходством в каком угодно смысле, те же затруднения вы должны чувствовать и в отношении использования термина "аналогия". Приведу пример. Пусть $a>b$, и $c>d$. Вывод: $a+c>b+d$. Этот вывод основан на соответствиях $a\sim c$ и $b\sim d$ (ведь при иных соответствиях, – $a\sim d$ и $b\sim c$ – он будет неверным). Но можно ли считать данный вывод аналогией?

"**Фундаментальность**"

Авенир Иванович пишет: *Автор* <Л. Леоненко> *утверждает, что в 20 веке "фундаментальных систем вывода по аналогии" построено не было.* <Следует цитата из моей статьи:> *«Изучались некоторые частные виды аналогий, обычно "встраиваемые" в вероятностную модель индуктивного вывода».*[1]

Советуем принять во внимание дилогию А. И. Уёмова, на которую Л. Леоненко часто ссылается.[2] *Эта дилогия претендует на то, чтобы быть именно фундаментальной системой вывода по аналогии. Эта оценка поддерживается всеми тремя официальными оппонентами по докторской диссертации Уёмова А. И., т. е. В. Ф. Асмусом, П. В. Копниным, А. А. Зиновьевым. Нужно либо согласиться с этой оценкой, либо подвергнуть ее критике, показав, что А. Уёмов, подобно остальным логикам, изучает некоторые частные виды аналогий, встраиваемые в вероятностную модель индуктивного вывода.*

---

[1] См.: *Леоненко Л. Л.* Аналогія і абдукція, с. 14.

[2] Имеются в виду книги: *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования; *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования.

Я думаю, что ни один исследователь, причитавший дилогию А.И. Уёмова, не станет оспаривать её фундаментальность в смысле широты охвата конкретных разновидностей аналогий. Более важный аспект фундаментальности этих двух книг заключается в последовательном проведении "курса" на нахождение формальных правил повышения правомерности аналогий различных типов. Именно это, на мой взгляд, до настоящего времени выгодно отличает труды А. И. Уёмова от работ многих других авторов. Правила правомерности аналогий, которые можно найти в современной литературе, зачастую довольно "расплывчаты", и трудно проверяемы для конкретных аналогий.

Я хочу охарактеризовать здесь тот тип "фундаментальности", которого, на мой взгляд, все же недостает этим книгам.

Современные "общие" теории аналогии можно в нулевом приближении разделить на две группы. Теории первой группы предлагают *классификации аналогий по их структурам*, причем обосновывается или предполагается общность этой классификации в том или ином смысле. (Такие классификации иногда возникают как результат анализа разнообразных “частных” аналогий; иногда же – как следствие тех или иных общетеоретических гипотез; в немногих случаях эмпирия и теория соединяются; наконец, довольно часто объединяют уже имеющиеся классификации в одну, не слишком заботясь о логической стройности результата). Каждому типу аналогии в такой классификации отвечает особая процедура ***Ср***. Затем пытаются сформулировать условия, повышающие правомерность вывода для некоторых типов аналогии, и обосновать их теоретически и/или экспериментально.

Теории второй группы исходят из той или иной “*общей теории объектов*”, которая формулирует, в частности, *правила сравнения и установления сходства* объектов. Разновидности сходства естественным образом по-

рождают разновидности процедур сравнения ***Ср***, т. е. классификацию аналогий. Сравнение объектов обычно выполняется через операции над их математическими моделями.

Замечу, что вполне допустимо признание и принятия *разных* “общих” теорий объектов, иногда одним и тем же автором. “Общность” теории объектов понимается не в смысле ее способности дать ответ на любой вопрос, но в возможности получить ответ на *некоторые* вопросы относительно *любых* объектов. Ясно, что отсюда следует и ограниченность множества типов аналогий, допускаемых такой теорией.

Теория, развитая в дилогии А.И. Уёмова, относится к первой группе. Автор анализирует и обобщает многочисленные "частные” аналогии, применявшиеся в различных отраслях знания со времен античности до середины XX века. Эти “частные” аналогии группируются с учетом сходств/различий структур четырех базисных компонент аналогии: модели *a*, прототипа *b*, переносимой с *a* на *b* информации $\Im$, и так называемого “основания вывода”. Таким основанием как раз и выступает процедура сравнения ***Ср***(*a, b*). Структуры аналогий записываются в расширенной символике логики предикатов. Полученный список включает свыше 50-ти типов структурно различных аналогий.

Затем А. И. Уёмов приводит аргументы в пользу того, что все указанные типы аналогий (равно как и возможные другие) могут порождаться общим классификационным принципом отнесения любых предметов к категориям вещей, свойств и отношений. Применяя этот принцип к переносимому признаку, приходим вначале к двум “вершинным” типам аналогии: *аналогии свойств* (переносимый на прототип признак есть свойство модели) и *аналогии отно-*

шений (переносимый признак – отношение в модели).[1] Далее используются дальнейшие подразделения основания вывода, модели, прототипа и переносимого признака, в том числе и *не связанные с трихотомией* «вещь-свойство-отношение». Например, переносимый признак может являться «отношением к *причине*, общей для модели и прототипа»,[2] или же быть точечным/линейным/многомерным свойством,[3] и т. д.

Классификацию Уемова выгодно отличает от других явное указание используемых оснований деления и последовательное применение этих оснований к вычленению тех типов аналогий, которые реально использовались в научной практике. Вместе с тем А. И. Уёмов, как кажется, не настаивает на том, что его классификация является исчерпывающей или окончательной. Ее полезность он усматривает, прежде всего, в возможности сформулировать для некоторых из выделенных типов аналогий условия, существенно повышающие их правомерность.[4] По-видимому, идеалом для автора стало бы такое последовательное уточнение таксонов его классификации, при котором для каждого из них можно было бы указать “эффективные” условия правомерности.

Мне, однако, кажется, что если идти “снизу” – от примеров правомерных аналогий – учет их логических структур может потребовать в каждом отдельном случае все новых дополнений *оснований* классификации Уёмова.

Приведу пример. Рассмотрим так называемую *функционально-структурную* аналогию.[5] Она предполагает, что модель a – это некоторый объект, находящийся в “среде”

---

[1] *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования, с. 234; *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования, с. 74.

[2] *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования, с. 237; *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования, с. 81-83.

[3] *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования, с. 90-93.

[4] См. главы IV и V книги *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования.

[5] *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования, с. 58-59.

E_a, и что прототип b входит в среду E_b. Должно быть известно отношение $R(a, E_a)$ объекта a к своей среде (способ представления этого отношения может быть различным); соответственно задается $R_1(b, E_b)$. В качестве переносимого признака β выступает совокупность отношений, образующих структуру объекта a. Соответствующее правило вывода разрешает "переносить" β на объект b при условии, что $R = R_1$ – то есть если a с E_a и b с E_b связаны "одним и тем же" отношением (при этом, вообще говоря, принципы отождествления отношений не фиксируются).

Поскольку в общем случае неясно, как проверять условие $R = R_1$, аналогия "хромает". Но, как показано А.И. Уёмовым, при уточнении способа представления отношений R и R_1 можно сформулировать условия, делающие перенос β с a на b *достоверным*.[1] А именно, он представляет a как некоторое множество $\{a_i\}$, среду E_a как некоторый объект c, и R традиционным способом – как подмножество декартова произведения $\{a_i\}\times\{c\}$. Соответственно $b = \{b_j\}$, $E_b = d$ и R_1 есть множество пар вида $\{b_j, d\}$. R и R_1 считаются тождественными, если существует такое соответствие между $\{a_i\}$ и $\{b_j\}$, при котором пара $\{a_i, c\} \in R$ тогда и только тогда, когда пара $\{b_j, d\} \in R_1$. Такое представление сводит, конечно, рассматриваемый тип аналогии к *некоторому его частному случаю*, но тем самым специализирует процедуру ***Ср*** до степени, делающей вывод достоверным.

Мы видим, что предложенная выше формулировка правила достоверности для функционально-структурной аналогии привела к принятию определенной *формальной теории* объектов a, E_a, R, b, E_b, R_1 и β. И понятийный базис этой теории существенно выходит за пределы трихотомии «вещь-свойство-отношение». В этом я вижу недостаток "фундаментальности" классификации аналогий, предло-

[1] *Уемов А.И.* Логические основы метода моделирования, с. 191-194.

женной А. И. Уёмовым: для формулировки правил правомерности типов аналогий приходится выходить за пределы понятий, лежащих в основе этой классификации.

Этого, как правило, не происходит, если описание типов аналогий выполняется средствами некоторой "общей теории объектов" – как в системе индуктивной логики Р. Карнапа,[1] где "объекты" суть индивиды, "сходство" которых можно определить на базе введения "расстояния" между *Q*-предикатами. То же справедливо для концепции аналогий В. К. Булитко,[2] где "объект" – это алгебраическая система, а "сходство" объектов оценивается по формальной *сводимости* (того или иного типа) теории одного объекта к теории другого.

Замечу, что в одной из своих более поздних работ[3] сам А.И. Уёмов использует уже подход к аналогии как к выводу в особой “общей теории объектов”. Предполагается, что модель и прототип аналогии представляют собой *системы* (в смысле *параметрической общей теории систем*). “Общность” подхода вытекает из так называемого “принципа универсальности”, согласно которому любые предметы могут быть рассмотрены как системы. Далее модель и прототип сравниваются по особым признакам – системным параметрам. Основные типы аналогий соответственно уточняются; например, подвидом парадейгмы будет вывод, при котором оценивается совпадение атрибутивных системных параметров модели и прототипа.

---

[1] *Carnap R.* A basic system of inductive logic, part 2 // Studies in Inductive Logic and Probability, v.II, ed. by R. Jeffrey.– Berkeley: Univ. of California Press, 1980.– P.7-155; см. также *Niiniluoto I.* Op. cit.

[2] *Булитко В.К.* Моделирование процессов функционирования производственных и экономико-экологических систем.– Киев: Наукова думка, 1986.– 184 с.

[3] *Уемов А.И., Сараева И.Н.* Метод аналогий как основа прогнозирования развития социально-экономических систем. – Одесса: Ин-т проблем рынка и экономико-экологич. исследований АН Украины, 1992. – 98 с.

Этот подход, однако, не означает пересмотра идей, высказанных в предыдущих работах А. И. Уёмова. Авторы упомянутой выше статьи подчеркивают, что системное представление объектов аналогии является необходимым (или желательным) условием в некоторых областях, но не настаивают на всеобщности этого условия.

Важным отличием указанной статьи А. И. Уёмова и И.Н. Сараевой является использование в ней специального языка представления систем – и, соответственно, аналогий. Это язык тернарного описания. Наличие в ЯТО особого исчисления индивидов позволяет формально уточнять связи между типами аналогий и обосновывать/опровергать некоторые условия их правомерности. В результате получается теория аналогий, “общая” в смысле применимости к любым объектам, но “особая” в смысле учета только выразимых в ЯТО характеристик этих объектов. И эта теория “фундаментальна” в том смысле, что не предполагает выхода за пределы понятийного базиса ЯТО в случаях формализации новых типов аналогий.

Таким образом, в 50-70 годы прошлого века А. И. Уёмов был пионером в разработке теории аналогий. Его идеи сохраняют свою значимость. Кроме выделения более 50-ти различных типов аналогий, еще более важным его вкладом явилась формулировка для некоторых из них правил правомерного (в ряде случаев – достоверного) вывода. В последние несколько десятилетий многими авторами были разработаны теории аналогий, обосновывающие наблюдаемые сходства объектов в различных предметных областях, и дающие возможность достоверного (или “почти” достоверного) вывода. Путем построения формализаций, учитывающих различные содержательные аспекты аналогии, были зафиксированы и прояснены многие важные понятия, связанные с этим типом умозаключений. Можно сказать, что многие виды аналогий оформились как разделы (или параграфы) математики. Именно к этому стремился А. И. Уёмов в своих работах.

Е. Ю. Погонченкова

РОЛЬ ОБРАЩЕНИЯ К АНТИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ А. И. УЁМОВА

Авенир Иванович Уёмов известен, прежде всего, как автор параметрической общей теории систем и языка тернарного описания. Область его исследований охватывает логику и методологию, затрагивает философию науки и эпистемологию. Однако обратим внимание на неизменную составляющую его философской деятельности, а именно – обращение к философии античности и, главным образом, греческой античности. Всем, кто знаком с идеями Авенира Ивановича, читал его работы, а возможно, даже присутствовал на его лекциях, тема моего сообщения представится вполне целесообразной, а остальным предоставляется возможность согласиться или оспорить доводы автора.

В соответствии с обозначенной задачей выделим три плана, в которых творчество А. И. Уёмова может быть соотнесено с античной традицией:

1) Философские концепции античности в качестве основания для логических и методологических разработок;

2) Античная философия как область применения системного метода;

3) Античная философия как кладезь анекдотов и живых иллюстраций.

Но сначала позволю себе небольшую историческо-биографическую справку. В 1949 году Авенир Иванович поступает на философский факультет МГУ им. Ломоносова, предварительно проучившись несколько лет в Дальневосточном политехническом институте Владивостока. Изначально стремление к поступлению в МГУ было подкреплено неудовлетворенностью собственно научно-техническими знаниями: «Знания, которые я получал в институте по математике и физике, меня не удовлетворяли», –

признаётся Уёмов в интервью А. Ю. Цофнасу[1]. Интерес к философии у него рождается после прочтения работы Гельвеция «О человеке». Тем не менее, заинтересованность Уёмова в проблемах физики, математики и техники не оставляла его всю жизнь (стоит хотя бы отметить тему кандидатской диссертации Уёмова – «Аналогия в современной технике»), но – неизменно с методологических, философских позиций. Поэтому тенденции неклассической, а за ней и постнеклассической, науки не остаются без внимания в его творчестве. Среди таких тенденций мы обнаруживаем новый взгляд на историю философии, и, в частности, на античность. Ведь, как отметил Б. Г. Кузнецов еще в 1975 году, «наука если и не возвращает слову «физика» аристотелевский смысл, то всё же имеет для этого серьёзные основания».[2] Возвращение к проблеме мира как целого и отсюда её несомненный интерес к философии постулируется в качестве одной из определяющих характеристик науки в XX веке.

Еще одним мотивом пристального внимания к проблемам античной философии стали интересы научного руководителя аспиранта А. И. Уёмова – В. Ф. Асмуса. «Я поступил на философский факультет Московского университета в довольно мрачное время – в 1949 г., – вспоминает В. А. Смирнов, параллельно с Авениром Ивановичем учившийся в МГУ, – в целом преподавание философии <…> было заидеологизировано и примитивизировано. Светлыми пятнами было преподавание логики, психологии и частично истории античной философии»[3]. За логику и историю античной философии как раз и отвечал Валентин Фердинандович.

---

[1] *Цофнас А*. Філософ Авенір Уйомов. Останнє інтерв'ю // Філософська думка. – 2012. – №5. – С. 97.

[2] *Кузнецов Б.Г*. История философии для физиков и математиков. – М.: Наука, 1974. – С. 3.

[3] *Соколов В. В., Гулыга А. В., Смирнов В. А и др.* В. Ф. Асмус – педагог и мыслитель // Вопросы философии.– 1995.– № 1.– С. 48.

А. И. Уёмов как-то написал статью под названием «Я был аспирантом Асмуса». В ней автор называет публичную лекцию профессора Асмуса «Предмет и значение логики» как один из вдохновляющих факторов для поступления на философский факультет (известно, что А. И. поступал сразу на второй курс и сдавал экзамены экстерном). В этой же статье, отмечая скрупулёзность своего учителя, Уёмов пишет: «Прежде чем изложить своё мнение он (В. Ф. Асмус – *Е.П.*) – давал историко-философский очерк проблемы, начиная с античности, которая была его "коньком"»[1]. Трепетное отношение к историко-философскому измерению любой проблемы передалось и его ученику.

Итак, что же из философских концепций античности привлекало внимание А. И. Уёмова? О вышедшей в 1963 г. программной книге «Вещи, свойства, отношения» Цофнас говорит следующее: «Впервые после Аристотеля понятиям вещи, свойства и отношения был возвращен статус философский категорий»[2]. Аристотель здесь упомянут не случайно – ведь именно от его системы категорий отталкивается Авенир Иванович, формулируя свою знаменитую триаду. Подробнее проанализировать философию Аристотеля в качестве основания уёмовского категориального аппарата нам позволяет «Метафизика» – последняя опубликованная при жизни книга Уёмова. В критике взглядов И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля на аристотелевскую метафизику и формальную логику можно усмотреть желание Авенира Ивановича снять исторические напластования с аристотелевской системы категорий. Именно она «всё же оказалась наиболее близкой к современности, поскольку в скрытом виде – implicite содержит основу современной системы – категории вещи, свойства и

---

[1] *Уёмов А. И.* Я был аспирантом Асмуса // Человек, 2000. – №2. – С. 47.

[2] См. настоящий сборник.

отношения».[1] Категории Аристотеля связаны с его онтологией, над которой не властен пресловутый дух времени, а потому они остаются «пригодными для реконструкции».[2] Провести такую реконструкцию Уёмов предлагает с помощью формализации, которая позволяет избежать ухода в историко-филологические дебри – неотступную угрозу для всякого обращения к античному наследию. Кроме того, «существует возможность найти какой-то вариант, какую-то точку зрения, упущенную в содержательном анализе»[3]. Одним из таких вариантов и выступает математически точное сведение десяти категорий Стагирита к триаде «вещь – свойство – отношение». Не только онтологические и логические, но и физические рассуждения Аристотеля получают современное звучание и возвращают науке целостный взгляд на мир.

Согласование той или иной идеи автора с Аристотелем мы наблюдаем на протяжении первых пяти модулей книги. Но после введения в системную методологию аристотелевой мысли, ключевая триада категорий обращается на саму эту мысль, но и не только на неё: с позиций системного подхода усматриваются недочеты в концепциях Платона (атрибутивизм) и Протагора (реляционизм), а Гераклит и Эпикур упоминаются в связи антропологическими и аксиологическими проблемами.

Разумеется, применение системного подхода к анализу античной философии не ограничивается уёмовским учебником по метафизике. Авенир Иванович исходит из наиболее общих категорий, что делает данную методологию универсальной. «Метафизика» используется здесь как самый конкретный пример интересующего нас взаимодействия. «Проблема» – вот основное понятие в определе-

---

[1] *Уёмов А. И.* Метафизика: учебное пособие. – Одесса: Астропринт, 2010. – С. 51.

[2] Там же, С. 53.

[3] Там же, С. 56.

нии точки зрения Уёмова на изложение философии – будь то античная философия или какая-либо другая. Ведущая мысль здесь такова: философские вопросы вечны, благодаря этому определение и разрешение каждого из них является путешествием сквозь века, нахождение себя в любой точке философской истории рядом с теми, кто уже ставил эти вопросы, а возможно, был способен и дать на них хороший ответ. Но будучи вечными, все эти проблемы, тем не менее, когда-то были сформулированы впервые. Когда? Конечно, в античности.

А. И. Уёмов не выпустил учебника по истории философии, хотя читал курс истории античной философии на философском факультете. В этом курсе метод «проблемного» изложения закрепился и перешел по наследству к его ученикам. Например, учебник А. Ю. Цофнаса по философии, выстроен именно по этому принципу. Хотя здесь излагается не история философия, а именно совокупность главных философских вопросов (одна из целей автора – «определить главные философские проблемы, поставленные мыслителями прошлого»[1]), в именном указателе больше всего ссылок мы находим именно на античных мыслителей.

Авенир Иванович видел в античной философии и неиссякаемый источник иллюстративного материала, и это довершает образ Уёмова-«античника». Каждый из студентов философского факультета ОНУ им. Мечникова помнит предисловие учебника по логике[2], в котором автор восхищенно рассказывает о рождении формальной логики в Древней Греции, в демократических Афинах, где поощрялось свободное мышление и развивалось искусство спора. Яркие образы античных философов, ссылки на

---

[1] *Цофнас А. Ю*. Философия. Ч. 1. Онтология.: учебное пособие.– Одесса: Наука и техника, 2009.– С. 7.

[2] *Уёмов А. И.* Основы практической логики с задачами и упражнениями.– Одесса: ОНУ, филос. отд. ИСН, 1997. – 388 с.

события их жизни мы найдем чуть ли не в любой работе Авенира Ивановича, особенно когда эта работа имеет дидактические цели. В книге «Истина и пути её познания», вышедшей в серии «Библиотечка для юношества», анекдоты об элеатах, Демокрите и Аристотеле перемежаются с отрывками из книг Марка Твена и Джонатана Свифта. А рассуждение Гераклита об одновременно «чистейшей и грязнейшей морской воде»[1] – с соображениями автора о лечебных свойствах воды Черного моря. Показательно здесь отношение Уёмова к предмету размышлений – это одна и та же вода здесь – на одесском ли пляже или в Эгейском море почти тридцать столетий назад. Для Уёмова не представляется проблемой неоднозначность интерпретаций и поиск максимально точных аналогов для перевода древнегреческих понятий на русский язык. Анекдотичные истории, как правило, даются без ссылок на какие-либо источники, хотя и подкрепляют собою почти всякую точку зрения по тому или иному вопросу современной науки или метафизики (которая, согласно Уёмову, не может быть ни современной, ни наоборот). Такое обращение с материалом античности можно сравнить с бесчисленными упоминаниями имени, к этому то и дело прибегают его ученики, иллюстрирую свои философские построения.

Античность Уёмова – это не какая-либо особая проблема, а сокровищница, обращаясь к которой мы можем подтвердить одну концепцию и отвергнуть другую, а вместе с тем – это зеркало, в котором мы можем чётче увидеть отражения всего, что нас окружает.

---

[1] *Уёмов А. И.* Истина и пути её познания. – М.: Политиздат, 1975. – 88 с.

УЁМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

А. И. Афанасьев

НАРРАТИВ КАК СИСТЕМА

Литературность порой рассматривается как едва ли не важнейшая черта гуманитарных наук, которые, привычно противопоставляют наукам естественным. В то же время многие сферы гуманитарного знания тяготеют к идеалам и нормам строгой науки. В этой связи возникает вопрос: нельзя ли нарративности придать более строгую форму, а сам нарратив исследовать строгими научными средствами?

Нарратив – повествование, подчиняющееся определенной цели, под которую выстраивается сюжет повествования и отбираются факты и события. Фактически определение нарратива соответствует атрибутивному определению системы в рамках параметрической общей теории систем (ОТС).

Неявное применение системного подхода в нарративах не является случайностью: нарративное понимание достигается именно за счет системных представлений. В этом плане явное системное представление нарратива может оказаться весьма полезным.

Нарратив, скажем, биографический, может быть представлен как система с атрибутивным концептом. Ведь известно определение такой системы, данное А. И. Уёмовым: системой является произвольная вещь (субстрат), на некоторых отношениях (реляционная структура) которой выполняется определенное свойство (атрибутивный концепт). Атрибутивным концептом будет осознаваемая или неосознаваемая – цель жизни некоторой личности. Реляционной структурой – последовательность поступков, т. е. отношения между событиями жизни данного человека,

более или менее закономерное чередование этапов творческой деятельности. Субстратом окажутся отобранные нарративом события жизни данной личности – какие-то свершения или открытия, итог ее работы, например, в виде получения Нобелевской премии.

Именно по атрибутивному концепту строится биография биографом. Соответственно, опускается огромное количество событий и фактов, не подпадающих под данный результат творческого пути, т. е., под атрибутивный концепт, а многие факты интерпретируются именно так, чтобы сюжет нарратива был непротиворечивым. Если построить на основе имеющихся данных иную (ненарративную) систему, она никогда не даст лучшего понимания и объяснения.

Биографический нарратив может быть представлен как система и с реляционным концептом. Это следует из принципа системности, согласно которому все, что можно представить как систему по одному из определений, можно представить и по второму: системой является произвольная вещь (субстрат), некоторые свойства (атрибутивная структура) которой находятся в определенном отношении (реляционный концепт). Тогда нарратив будет выглядеть как ответ на вопрос, *как* надо строить свою жизнь, каким определенным закономерностям следует ее подчинять (реляционный концепт), чтобы некоторый набор характеристик поступков данной личности (структура) выполнялся на таком-то наборе событий этой жизни (субстрат). В этом случае набор характеристик этой личности может оказаться неполным, в этом смысле неопределенным. Читатель может предполагать, что и он сам, человек с иными данными, при известных допущениях, мог бы совершать нечто подобное. Зачастую именно так воспринимает читатель биографию выдающегося ученого. То, что все события жизни ученого просеяны биографом сквозь сито результата, фактически

являющегося неявной нарративной целью повествования, читателем обычно не осмысливается.

Важным системным параметром является целостность. Параметрическая ОТС дает возможность различать виды целостности нарратива (концептуальную, структурную, субстратную или их сочетания), а также измерять различные степени этой целостности, например, как степень связности элементов системы. Если биографический нарратив ученого представлен как система, то, с учетом системных дескрипторов, факты биографии составят субстратную целостность, упорядоченная во времени последовательность событий – структурную целостность, а движение к заранее планируемой цели (например, к Нобелевской премии) – концептуальную целостность.

Необходимо учесть, что в сильных системах, вхождение в их состав существенно меняет вещи, ставшие их элементами. Это обусловливает высокую степень целостности сильных систем и указывает на важность четкого осознания цели. Определение исследуемой биографии как сильной системы с соответствующей степенью целостности поможет уяснить, насколько искажены факты биографии данным концептом и, следовательно, можно предпринять шаги для конструирования более адекватного нарратива. Если удастся представить как систему не только сам нарратив, но и те данные, на основе которых он построен, то можно сопоставить обе целостности, найти более (менее) целостную систему или увеличить (уменьшить) уровень целостности в зависимости от целей исследования.

Представления о целостности нарратива в рамках параметрической ОТС существенны и в ином отношении. Степень целостности соответствует степени понятности, следовательно, можно ставить вопрос о количественном измерении представленного нарративного текста.

Представление нарратива в системном виде дает ему возможность соответствовать стандартам науки. Однако

в системном изложении могут потеряться некоторые черты нарративности, например, то, что называют литературностью, субъективность и произвол исследователя при отборе фактов. Надо принять во внимание, что наука строит максимально простые модели. Отказ от субъективности и произвола ученого были нормой классической науки. Если же в рамках неклассических представлений желательно их учесть, то они могут потребовать иного системного представления, с учетом данных требований.

Представление нарратива как системы в явном виде имеет ряд преимуществ. Во-первых, выявляются сугубо системные характеристики, что позволит оценить степень целостности, сложность, детерминированность и прочие чисто системные параметры. Открываются более широкие возможности для анализа, поскольку видов систем больше, чем видов нарративов, и системные параметры позволяют преодолеть некоторые ограничения, накладываемые нарративом (направленность, интенциональность, темпоральность и др.). Эти возможности расширяются в случае системного представления не только нарратива, но и его оснований. Во-вторых, достигается более рациональная форма представления материала, в частности за счет формализованного языка, например, языка тернарного описания, в отличие от образности и литературности нарратива.

В целом системное представление нарратива соответствует стандартам науки и указывает пути расширения научной сферы гуманитаристики.

С. Г. Воробьев

АВЕНИР УЕМОВ – АВТОР МЕТАФИЗИКИ

А. И. Уемов отстаивал необходимость иной онтологии, альтернативной традиционной, той, которая восходит к Декарту и – очевидно – к Платону. Л. Н. Терентьева рассматривала два вида онтологических предпосылок: структурные и сущностные (последние традиционны для философии Модерна). Иначе говоря, в данном случае речь идет о двух видах онтологии. А. Ю. Цофнас различает онтологию натуральную, структурную и динамическую. Инвариантами для концепций упомянутых авторов являются: во-первых, онтология структурная, использующая категории вещи, свойства и отношения; во-вторых, онтология, соотносящая дух и материю, мышление и протяженность, субъект и объект, Я и не-Я и т.п. Эта последняя, слишком хорошо известная всем, называется по-разному: натуральная, сущностная, субстанциальная. Многими она почитается единственно возможной онтологией.

Тернарный базис структурной онтологии в основе своей имеет десять категорий Аристотеля. И с этим вряд ли станут спорить. Но…. Аристотелем написана работа о первой философии, названная впоследствии «Метафизикой». Может ли Аристотель быть автором «Метафизики»? Вопрос риторический.

Авенир Иванович неоднократно обращался к метафизической проблематике. Достаточно упомянуть его «Лекции о метафизике» и «Метафизику». Очевидно, Уемов является автором «Метафизики» – своей, но, разумеется, очень аристотелевской.

Во времена «исторического материализма» онтологии не было. Гносеология была, а онтологии не было, поскольку она отождествлялась с метафизикой. А та, в свою очередь, будучи синонимом «анти-диалектики», тракто-

вались как безнадежно устаревший способ познавать явления в покое и вне связей, обособленно.

Учебные курсы и книги Авенира Ивановича, посвященные метафизике, восстанавливали ее в своих изначальных правах по преимуществу учения о сущем как таком. Учитывая метафизический аспект онтологии вообще и структурной онтологии в частности, можно с полным основанием утверждать: «Авенир Иванович Уемов – автор метафизики!» Метафизики новой, структурной, в которой умозрение трактует сущее не как всеобщее, субстанцию, а как единичное, «то, что ни о чем не сказывается».

В. В. Готинян-Журавльова

АНАЛІЗ СПОСОБУ СТВОРЕННЯ КЛАСИФІКАЦІЙ В РАМКАХ ПАРАМЕТРИЧНОЇ ЗАГАЛЬНОЇ ТЕОРІЇ СИСТЕМ

Майже кожна сучасна розвинена наука має в своєму арсеналі найбільш використовуваних методів класифікації. Саме класифікація допомагає систематизувати і поглибити отримані знання. Але серед методологів науки існує певна двоїстість в трактуванні терміну «класифікація»: як класифікацію розуміють і вже існуючу класифікацію і створення класифікації, де доцільніше використовувати термін «класифікування».

Існує ретельний логіко-методологічний аналіз способу створення класифікацій, змісту класифікаційних чарунок, логічного аналізу вибору підстави для поділу, тощо. Але двоїстість трактування терміну «класифікація» породжує суперечки щодо того, чим насправді є класифікація – поділом понять або сортуванням речей? А звідси і питання про зміст класифікаційних чарунок. Проаналізуємо це питання в рамках іншого філософського

методу – системного методу в рамках параметричної загальної теорії систем (параметричної ЗТС).

В рамках параметричної ЗТС будь який об'єкт може бути зображено як системну модель, яка базується на трьох системних дескрипторах – концепті, структурі і субстраті. Концепт – задум даної системи. Він відіграє роль деякої умовної системи відліку, яка відома ще до створення системної моделі.

Структура системи являє собою відношення, що виникає між елементами системи, її субстратом. Серед багатьох відношень, що існують між елементами, обирають одне – таке, що відповідає заданому концептові. Субстрат, тобто набір елементів, необхідно обрати таким, щоб на ньому можна було б реалізувати структуру, яка б чітко відповідала заздалегідь обраному концептові. Структура і субстрат залежать від концепту конкретної системи.

Концепт може бути атрибутивним чи реляційним. Атрибутивний концепт – це та сама заздалегідь визначена властивість, якій має відповідати відношення у системі[1]. Невизначене відношення, що задовольняє цій властивості, має назву реляційної структури. Сам об'єкт, на якому реалізується структура – це субстрат системи.

Якщо концепт є певним заздалегідь визначеним відношенням, то це і є реляційний концепт. Дане системоутворююче відношення «має місце не безпосередньо між елементами субстрату, а між властивостями, що характеризують об'єкт дослідження»[2]. Системоутворююче відношення реалізується на наборі «деяких», невизначених властивостей, які утворюють атрибутивну структуру.

---

[1] *Уёмов А. И.* Системные аспекты философского знания.– Одесса: Студия «Негоциант», 2000.

[2] Там само, С. 129.

Субстратом системи «у такому разі буде той об'єкт, якому належить атрибутивна структура»[1].

Поняттю «система» можна дати два визначення. Проаналізуємо одне з визначень: «Будь-який об'єкт є системою за визначенням, якщо на цьому об'єкті реалізується якесь відношення, що відповідає визначеній властивості»[2]. Таке визначення системи має назву визначенням системи з атрибутивним концептом і реляційною структурою.

Інше визначення поняття «система» ми отримуємо завдяки принципу двоїстості: «будь-який об'єкт є системою за визначенням, якщо в цьому об'єкті реалізується деякі властивості, що знаходяться у заздалегідь заданому відношенні»[3]. Це є визначення з реляційним концептом та атрибутивною структурою.

Мною проаналізовано можливість системного зображення класифікації і класифікування. Вже існуюча класифікація може розглядатися як системна модель з атрибутивним концептом і реляційною структурою. Атрибутивним концептом буде «мета її створення, а саме – поглиблення і систематизація знань»[4]. Реляційною структурою є спосіб створення класифікації, а він може бути як дедуктивним, так і індуктивним. Субстратом даної системної моделі будуть поняття (абстрактні ідеальні конструкції), якщо спосіб створення класифікації дедуктивний, або реальні елементи світу, реальні речі, якщо спосіб створення класифікації індуктивний.

---

[1] Там само.

[2] *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978.– С. 37.

[3] *Уёмов А. И.* Системные аспекты…, С. 42.

[4] *Готинян-Журавльова В. В.* Двоїсте визначення поняття «система» і двоїсте значення терміну «класифікація» // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании – 2012». – Вып. 4, Т. 38.– Одесса: КУПРИЕНКО, 2012.– С: 97-101.

Оскільки класифікування – це, перш за все, процес створення класифікації, то «концептом даної системної моделі може бути спосіб створення класифікації – дедуктивний або індуктивний»[1], тобто дана системна модель буде системою з реляційним концептом. Якщо спосіб створення класифікації індуктивний, тобто аналізуються окремі об'єкти, необхідно сформувати набор ознак і виокремити еталонний зразок, який відповідав би всім цим ознакам. Таку саму ключову роль відіграє набор ознак при дедуктивному способі побудови класифікації, оскільки при поділі поняття необхідно дотримуватися певної ознаки – логічної підстави поділу. При будь-якому способі класифікування ключову роль відіграють ознака або декілька ознак, які обираються відповідно способу класифікування. Тобто ця системна модель є моделлю з атрибутивною структурою. Субстратом даної системної моделі будуть поняття при дедуктивному способі створення системної моделі, або реальні об'єкти, речі при індуктивному способі створення системної моделі.

А. С. Демичева

КАЧЕСТВО ВЕЩИ И ЕГО ПРИРОДА В ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ А. И. УЁМОВА

В своей работе «Вещи, свойства, отношения»[2] профессор А. И. Уемов обращается не только к этой тройке понятий, но и вводит категорию качества для их определения и пояснения. Однако приведенные им положения в отношении данной категории, на наш взгляд, требуют более подробных пояснений. Необходимо выяснить, что

[1] Там само, С 100.

[2] *Уемов А.И.* Вещи, свойства, отношения. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 184 с.

же такое качество, каково его соотношение с вещью, свойством и отношением.

Прежде чем перейти к вопросу рассмотрения взаимосвязи трех понятий «вещь», «свойства», «отношение», Уемов решает вопрос, что такое вещь, поскольку это понятие является базовым в данной триаде. Он выделяет два подхода к пониманию вещи: традиционный (вещь – это материальное тело в своих пространственных границах) и качественный (вещь задается не пространственными, а качественными границами). Первый подход, по его мнению, не дает четкого понимания вещи и не соответствует современным научным представлениям (речь идет о 60-х гг. XX в.). Поэтому он останавливается на втором: «Вещь – это система качеств». Качества Уемов понимает как значимые, существенные свойства вещи, с исчезновением которых вещь превращается в другую, перестает существовать. Так как подобных значимых свойств у вещи может быть больше одной, то вещь – это некий набор качеств, а так как она целостна – то это упорядоченный определенным образом набор взаимосвязанных элементов, т. е. система.

И как раз здесь, на наш взгляд, требуется дополнительный анализ того, что такое качество, как оно соотносится с вещью и с другими качествами данной вещи и т. д. Особенно учитывая, что далее в своей работе он убедительно доказывает, что свойство также является вещью.

Итак, качество – это значимое свойство вещи. В таком случае вещь – это система вещей, а это явная тавтология, не дающая никаких ответов. Следовательно, мы должны признать, что либо качество – это не свойство, либо это такое свойство-вещь, которое имеет иную природу по сравнению с данной. Очевидно, что второй вариант ложен. Следовательно, качество – это не свойство. Однако связь между ними должна быть, иначе не возникало бы путаницы с их различением.

Вспомним определение свойства: это то, как вещь проявляет себя вовне. А качество – это граница вещи, ее определенность. Даже при таком поверхностном взгляде ясно, что свойство – это внешнее вещи, а качество – внутреннее. Логично предположить, что свойства определяются качествами (это следует даже из определения вещи самого Уёмова и его утверждения, что свойство – тоже вещь). Следовательно, изменение свойств, которое наблюдается в вещи и приводит к ее уничтожению (которые Уёмов назвал качествами), только отражают внутренние изменения вещи. Это своего рода финальный сигнал вещи, ее «лебединая песня». Но начинаются критические изменения внутри вещи, происходит такое воздействие на нее, что распадается или необратимо изменяется сама система качеств.

Так что же такое качество вещи, учитывая все вышесказанное? По нашему мнению, внутренняя определенность вещи лежит вне ее материальных изменчивых характеристик, т. е. является аспектами сущности, выраженными специфическим образом.

Такой подход к пониманию качеств позволяет ответить на многие вопросы. Например, когда утверждается, что вещь – это система качеств, то какова эта система: иерархична ли, динамична, устойчива? Если принять качество как аспект сущности, становится очевидным диалектическое его положение: с одной стороны, выражения сущности в разных отношениях не могут быть равными, т. к. одни аспекты важнее других, с другой стороны, каждый из них, выражая общее, не может быть несущественным. Именно поэтому критическое изменение *любого* качества ведет к гибели данной вещи, т. е. к утрате ею своей сущности.

Предложенное понимание качества позволяет объяснить изменчивость в неизменной сущности. Качество как аспект не есть сама сущность, и изменения первого не означают изменения последней. Изменение качества

означает, что изменилось то, в аспекте чего оно выражает сущность, т. е. нечто внешнее по отношению к данной вещи. В таком случае требуется объяснить, как изменение внешнего может привести к критическому изменению вещи, для чего необходимо обратиться к понятию отношения. Так как качество – это аспект в отношении чего-то, это значит, что вещь находится с этим чем-то в отношении, а значит, оно оказывает действие на данную вещь (по определению отношения). Оказывая влияние на данную вещь, этот внешний фактор (другая вещь или вещи) сам претерпевает воздействие. Таким образом, он изменяется и вызывает изменения в качествах исходной вещи, что и фиксируется в факте прекращения существования вещи.

Еще одним немаловажным моментом, требующим прояснения, является б*о*льшая или меньшая проявленность качеств. Если внешний фактор оказывает существенное воздействие на данную вещь, то качество в его отношении будет наиболее заметным. Если воздействие незначительно, то и проявленность качества будет небольшой (например, мы не узнаем, что некоторый предмет обладает магнитным полем, пока не внесем в него что-нибудь металлическое).

Также небезынтересно рассмотреть, что представляет собой процесс становления вещи как системы качеств. В процессе становления вещь приобретает одни и утрачивает другие качества, но система ее качеств в целом не разрушается. Понятно, что изменение качеств вызвано наличием или отсутствием специфических факторов, в отношении которых проявляются качества, однако встает вопрос о том, почему одни качества появляются и способствуют «развитию» отношений с внешней средой и, соответственно, самой вещи, а появление других вызывает разрушение системы. Если вещь – воплощение сущности, то оно должно быть максимально полным. Однако изменчивая подвижная материя не может полностью воплотить неизменную, и в этом смысле совершенную,

сущность. Следовательно, процесс становления есть процесс поиска максимального соответствия идеальной и материальной составляющих вещи. А значит, появление новых качеств есть результат не только новых условий существования вещи, не только ее приспособления к среде, но и процесс самораскрытия в максимально возможной степени.

Для наибольшей наглядности данного тезиса можно представить следующую схему: чем в большее число отношений вступает вещь, тем больше знаний о ней можно получить. Конечно, получение информации о вещи еще не означает постижения ее сущности, но всё же позволяет лучше познать и понять вещь, а данный пример является всего лишь моделью самораскрытия ее сущности.

В то же время условия среды, воздействия факторов могут привести к такой ситуации, когда выражение сущности вещи становится невозможным, и система качеств вещи разрушается, формируется новая вещь, чья сущность может быть раскрыта в наличном положении.

Итак, качества вещи, образуя иерархичную и динамичную систему, задают границы вещи, раскрывая ее сущность сообразно наличным условиям. А так как вещами являются также и свойства, и отношения, то качества определяют всякое явление, всякий процесс материального мира, сами не являясь при этом материальными и представляя собой аспекты сущности вещи.

Таким образом, сформулированное профессором А. И. Уемовым понимание вещи при некоторой доработке вполне можно принять за истинное и положить его в основу философской картины мира, где все является вещью и состоит из вещей.

Д. С. Докучаев

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА А. И. Уёмова и И.В. Дмитревской В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Системный подход А. И. Уёмова, адаптированный И. В. Дмитревской[1] для анализа неформализованных систем, применяется в ивановской философской школе достаточно давно. Использование этого подхода было апробировано в этнических, национальных, политических и региональных исследованиях. Автором настоящего доклада указанный подход применялся при изучении феноменов региона, региональной идентичности и регионализма. В настоящем сообщении хотелось бы сделать акцент на возможном использовании системного подхода именно в региональных социо-гуманитарных исследованиях.

Безусловно, предметом таких исследований всегда выступает регион. Теоретизирование в отношении этого предмета исследования должно предполагать следующую установку: регионы всегда выделяются внутри какого-либо пространства, и, значит, всегда являются частью некоего целого. Таким образом, философская интерпретация понятия «регион» может быть сведена к следующей формулировке: *Регион есть часть пространства, являющаяся гомогенной в заданных критериях и отличающаяся по этим критериям от других частей пространства в рамках определенного целого.* Далее рассмотрим «регион» с точки зрения системного подхода А. И. Уемова[2] и И. В. Дмитревской[3].

---

[1] Дмитревская И. В. – доктор филос. наук, профессор, одна из первых учениц А. И. Уёмова, проживает в г. Иванове.

[2] *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем.– М., 1978.

[3] *Дмитревская И. В.* Мировоззрение как система// Сознание и теория мировоззрения: История и современность.– Иваново, 1992.

В работах этих авторов «система» определяется как вещь (или множество вещей), обладающая отношением с заранее фиксированными свойствами. Это определение дополняется двойственным: система есть вещь (или множество вещей), обладающая свойствами с определенным отношением. Любая система имеет три уровня организации – концептуальный (уровень системообразующего свойства) – *P*, структурный (уровень системообразующего отношения) – *R* и субстратный (уровень элементов системы) – *m***.** Соответственно само определение системы, так же как и ее построение, предполагает определенное соотношение между компонентами системного описания, от *P* к *R* и от *R* к *m*1. Таким образом, построение системы всегда начинается с верхнего уровня, то есть концепта и структуры, а лишь потом происходит их реализация на субстрате. Поэтому и сущность системного подхода, в отличие от несистемного, предполагает направление исследования не от элементов к структуре, а, наоборот, от концепта и структуры – к элементам. Специфика системы определяется концептом и структурой, субстрат играет подчиненную роль. Заметим, что система в нашем случае представляет условную модель, матрицу, с помощью которой может быть структурировано внутреннее пространство региона.

Следует понимать, что концептом региона как системы всегда выступает его *отличительность* как части от других подобных частей в рамках определенного пространства, которое принимается за целое. Концепт поддерживает целостность региона как системы. Структура системы определяет ее устройство и основывается на специфических характеристиках региона, которые определяют связи компонентов внутри системы. В содержательном плане интерпретация такой структуры позволяет выделить значимые для функционирования региона компоненты, такие как географический, экономический, исто-

[1] *Дмитревская И. В.* Указ. соч.

рический, политический, социокультурный, лингвокультурный и другие. Субстрат региона играет подчиненную роль. На этом уровне системы реализуется принцип взаимосвязи всех элементов, что в конечном итоге позволяет воспринимать регион как однородную в критериях выделения (отличительности) целостность. Эту матрицу, которая предельно абстрактна и условна, в зависимости от наполнения и уточнений, можно использовать для анализа системы отношений внутри культурно-географических, политико-экономических, историко-демографических, этнических и иных регионов.

Е. М. Иванова

СИНТЕЗ ЦЕННОСТЕЙ

Когда ведется речь о «встрече культур», чаще всего имеют в виду *столкновение* разнородных ценностей, наличие некоторой напряженности, конфликтности в сложившейся ситуации. Наоборот, адаптацию культур связывают с *синтезом* ценностей, результатом которого видится возникшая гармоничная целостность, отсутствие противостояния, как в индивидуальном, так и в массовом сознании. Но в каких случаях возможен синтез ценностей, а в каких нет? В какой ситуации ценностный конфликт имеет шансы на благополучное разрешение?

В методологическом смысле отвечать на эти вопросы естественнее всего, опираясь на общую параметрическую теорию систем (ОПТС). Системный подход позволяет рассматривать ценности как системы и говорить об отдельных *системах ценностей*, а вопрос о «встрече ценностей» обретает смысл синтеза систем.

Под *синтезом* в ОПТС понимается такое соединение систем, в результате которого образуется новая система, отличная от синтезируемых по структуре и элементам (или по одному из этих признаков). Значимым условием для синтеза является то, что системы должны быть взяты

в одном и том же смысле. Здесь появляется возможность построить типологию синтеза двух систем ценностей с различной структурой и элементами. Результаты синтеза этих систем сведутся к следующим возможным вариантам:

(1) $([\iota a(*\iota A)])t$ (4) $([\iota\iota a(*\iota A)])t$ (7) $([\iota\iota\iota a(*\iota A)])t$

(2) $([\iota a(*\iota\iota A)])t$ (5) $([\iota\iota a(*\iota\iota A)])t$ (8) $([\iota\iota\iota a(*\iota\iota A)])t$

(3) $([\iota a(*\iota\iota\iota A)])t$ (6) $([\iota\iota a(*\iota\iota\iota A)])t$ (9) $([\iota\iota\iota a(*\iota\iota\iota A)])t$

Так с помощью формального представления можно отличать разные типы синтеза двух систем ценностей. В случаях (1) и (5) показано, как одна система ценностей может поглотить другую, а случай (9) указывает на возникновение новой системы, отличной от изначальных систем ценностей. В результате синтеза две системы могут преобразоваться таким образом, что либо субстрат, либо структура одной из систем примут структуру или субстрат другой (случаи (2) и (4)). Также можно увидеть варианты, когда в результате синтеза появится система, субстрат или структура которой будут сочетаться со структурой или субстратом другой системы (случаи (3), (6), (7) и (8)).

О. В. Лавренцова

КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Классификация – один из самых распространенных методов упорядочивания знаний. Она находит свое применение практически в каждой сфере человеческой деятельности и является незаменимым инструментом, позволяющим познавать окружающий мир. Р. Декарт писал: «Все вещи можно разбить по определенным классам, класси-

фицировать и благодаря этому познавать»[1]. Существует множество определений «классификации», но наиболее полное, по моему мнению, то, которое дал А. Л. Субботин: «Под классификацией будем понимать состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах. Эта система призвана решать две основные задачи: во-первых, представлять в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде все объекты этой предметной области; во-вторых, содержать как можно больше существенной информации о них. При этом классификация выступает не просто как констатация уже достигнутого знания, но выполняет важную методологическую функцию: осуществляя систематизацию определенной системной области, она вместе с этим задает общее направление ее дальнейшего целенаправленного исследования и может провоцировать создание новых научных дисциплин».[2]

Однако, несмотря на свое широкое применение, применение классификации как метода сталкивается с множеством проблем. Это и проблема построения общей теории классификации, положения которой до сих пор четко не определены. «Построение новых классификаций наталкивается на многочисленные и разнообразные трудности, преодоление которых оказывается невозможным из-за отсутствия необходимых теоретических и методических средств».[3] Это и колебания относительно того какой должна быть настоящая классификация, и т. д.

---

[1] *Ойзерман Т. И.* Философское учение Декарта // Рэне Декарт. Рассуждение о методе с приложениями: диоптрика, метеоры, геометрия. – М.: АН СССР, 1953. – С. 45.

[2] *Субботин А. Л.* Классификация. – М.: РАН, институт философии, 2001. – С. 10.

[3] *Розова С. С.* Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск, 1986. – С. 3.

В числе основных классификационных проблем значится проблема построения естественной классификации: считается, что именно естественная, а не искусственная классификация является подлинной и может соответствовать ее определению. Деление классификации на естественные и искусственные – наиболее часто встречающееся, хотя существуют и другие основания деления: на описательные и сущностные, общие и частные.

Рассмотрим две классификации, одна из которых будет искусственной, а другая естественной, с позиции параметрической ОТС. Для этого сначала представим их в виде системных моделей. Мы вправе это сделать, поскольку основополагающим принципом системно-параметрического метода является принцип универсальности. Он утверждает, что любой объект, независимо от его природы, может быть представлен в качестве системы: «…Системами являются не только материальные вещи, но и мысленные, идеальные»[1].

Другим важным системным принципом является принцип двойственности. Согласно ему существует два двойственных определения системы: 1) «Любой объект является системой по определению, если в этом объекте реализуется какое-то отношение, обладающее определенным свойством»; 2) «Любой объект является системой по определению, если в этом объекте реализуются какие-то свойства, находящиеся в заранее заданном отношении»[2].

Рассмотрим сначала искусственную классификацию как системную модель. Как пишет Субботин, «искусственная классификация – это прежде всего описательно-распознавательная система, представляющая классифицируемую область в удобном для обозрения, запоминания

---

[1] *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. – С. 19.

[2] *Уемов А.И., Сараева И., Цофнас А.Ю.* Общая теория систем для гуманитариев.– Warszawa: Universal rediviva, 2001. – Сс. 37, 42.

и распознавания виде. Распределение объектов по группам здесь осуществляется на основании некоторого минимального числа их постоянных, однако не обязательно существенных для этих объектов свойств». При этом или «в искусственных классификациях имеет место диктат логики. Последняя доминирует над классифицируемым материалом, поскольку здесь создается формально стройная, четко расчлененная система, в которой, однако, не обязательно отражаются естественные соотношения»[1].

Примером искусственной классификации может служить палеонтологическая классификация останков древних растений и животных, которые сложно идентифицировать и которые объединяются в классификации на основания либо места их нахождения, либо принадлежности к той или иной эпохе, но элементы которой никак друг с другом не связаны и сущностных связей между ними нет. Для того чтобы представить эту классификацию в виде системы необходимо сначала обратить внимание на ее системные дескрипторы первого порядка – на концепт системы (системообразующее свойство – по первому из определений), структура системы (отношение, удовлетворяющее системообразующему свойству) и субстрат – объект, на котором реализуется структура. При построении искусственной классификации системообразующим фактором будет не четко выстроенное иерархическое отношение между элементами этой классификации, а просто условное свойство принадлежности элементов к одной местности либо одному историческому периоду. Следовательно, данная классификация будет примером атрибутивной системы, в которой можно выделить атрибутивную структуру и реляционный концепт. «Реляционная структура – это отношение в вещах или отношение между элементами

[1] *Субботин А. Л.* Классификация, С. 34-35.

вещи. Атрибутивная структура – это «набор свойств, сопоставляемых системообразующим отношением».[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что искусственная классификация палеонтологических останков будет принадлежать к классу атрибутивных систем, для которых не важны взаимосвязи между элементами субстрата. Если поменять местами ту или иную находку внутри классификации, это не приведет ни к каким существенным изменениям. То есть, можно утверждать, что искусственные классификации – это атрибутивные классификации.

В качестве еще одного примера искусственной классификации можно привести классификацию Карла Линнея, который, классифицируя животных, отнес к классу червей не только нематод, дождевых червей, кольчатых червей и прочих, но еще и змей, не смотря на то, что они позвоночные и вообще относятся к другим видам живых существ. Но главным при создании этой классификации было свойство иметь определенную форму тела.

Перейдем к естественным классификациям. Согласно определению Субботина, «в естественной классификации исходят из учета всей совокупности свойств классифицируемых объектов, объединяя последние в группы на основании их наибольшего сходства между собой; то есть на основании постоянно присущих им общих свойств, определяющих множество других сходных свойств этих объектов как известных, так и еще не известных, и поэтому являющихся источником максимальной информации о классифицируемых объектах». Соответственно, «в естественных классификациях диктует конкретный материал. Он доминирует над логикой, которая выступает лишь одним из средств, контролирующих его рациональное распределение. Не априорные принципы логики, а апостериорно

---

[1] *Терентьева Л. Н.* Иерархическая упорядоченность: логико-системный аспект // Динамика и развитие иерархических (многоуровневых) систем. – Казань, 2007.– С. 22.

установленные естественные связи определяют здесь организацию классифицируемых объектов, сведение их в систему естественных групп, находящихся между собой в содержательных, а не просто формальных отношениях».[1] Также автор отмечал, что естественная классификация создается в целях выявления полноты существенных свойств и связей, постижения их природы, получения о них максимальной информации.

Примером такой классификации может служить хорошо всем известная классификация химических элементов Д. И. Менделеева. Если представить такую классификацию как систему то у нее будет атрибутивный концепт и ярко выраженная реляционная структура, поскольку именно на соотношении и взаимосвязи всех элементов субстрата и держится эта классификация. То есть можно сделать вывод, что естественные классификации – это реляционные классификации, ибо они выстроены главным образом не системообразующим свойством, а отношениями между элементами субстрата. Еще один пример такой классификации – дарвиновская классификация видов, основанная на принципе эволюции.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что искусственные классификации – это чаще всего атрибутивные классификации, а естественные – это реляционные. Приведенные примеры я представлю в виде таблицы:

Таблица 1

Классификации	
Реляционные (естественные)	Атрибутивные (искусственные)
1. Классификация химических элементов Д.И. Менделеева	1. Классификация палеонтологических останков
2. Классификация видов по Дарвину	2. Классификация видов по К.Линнею

[1] *Субботин А. Л.* Классификация, С. 34-35.

Применение системно-параметрического метода, разработанного А.И. Уемовым и его школой, позволяет выработать основания для будущей теории классификации и выделить ряд критериев, определяющих наиболее эффективную научную классификацию. Особенность моего подхода заключается в том, что один метод (системно-параметрический) я применяю для анализа другого метода (классификации).

Л. Л. Леоненко

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Тезис 0. Начну с цитаты: «наиболее интересными отличительными чертами ЯТО являются: 1) возможность отождествления предикатов различной местности; 2) замена кванторов операторами, действующими на индивиды, а не на пропозициональные формы; 3) включение в язык исчисления индивидов, операции которого позволяют элиминировать некоторые пропозициональные связки (в частности, отрицание)».[1] Я не вижу оснований для пересмотра этого утверждения, но, возможно, уместными будут некоторые дополнения.

Тезис 1. По поводу черты 1 (она, понятно, связана с принципом взаимопереходности вещей, свойств и отношений[2]). Во времена создания ЯТО она выглядела весьма экстравагантной, особенно для логиков и математиков.

---

[1] *Леоненко Л.Л., Уемов А.И., Цофнас А.Ю*. О философской и логической «девиантности» языка тернарного описания (ЯТО) // Философия математики. Актуальные проблемы: Материалы междунар. науч. конф. – М: Изд. Савин С.А., 2007. – С. 114-116; www.philos.msu.ru/fac/dep/scient/confdpt/2007/theses/Leonenko.pdf

[2] *Уемов А.И*. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 184 с.

Сейчас многие видные математики, специалисты искусственного интеллекта (ИИ) и Cognitive Science ее признают. Вот что пишет Дуглас Хофштадтер, имея в виду отношение, выраженное суждением «Афганистан – это Вьетнам для СССР»:

«Интеллект не воздвигает водонепроницаемого барьера "объект–отношение" между "Вьетнам" и "Вьетнам для", и рассуждение плещется взад и вперед между объектами, атрибутами и т. п., что на практике демонстрирует гибкость <fluidity – текучесть> человеческого мышления».[1]

Предлагаются различные формальные методы ослабления жесткого требования постоянства –арности, приписываемой заданному предикатному символу.[2] Эти методы (точнее, известные мне) нельзя, на мой взгляд, назвать "простыми" или "самоочевидными". Возможная причина: они призваны дополнить те методы рассуждений, которые *уже устоялись* в данной предметной области (скажем, в области теории программирования[3]).

Мне неизвестны аналоги подходу А. И. Уёмова, состоящего фактически в отказе от использования понятия –арности (или, если угодно – в отказе от запятой как разделителя аргументов предиката).

Тезис 2. По поводу черты 2. Понятия, родственные «неопределенному объекту», использовались Гильбертом

---

[1] *Hofstadter D.* A review of: "*Holyoak K., Thagard P. Mental Leaps: Analogy in creative thought*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994" // AI Magazine, 16(3), 1995, P. 78; (перевод мой, доступно по ссылке http://courses.media.mit.edu/2004spring/mas966/Hofstadter%201995.pdf).

[2] См., напр.: *Cocchiarella N.* On the logic of nominalized predicates and its philosophical interpretations // Erkenntnis, 1978, Vol. 13, Pp. 339-369; *Chen W., Kifer M., Warren D. S.* HILOG: A Foundation for Higher-Order Logic Programming // Journal of Logic Programming, Vol. 15, No.3, Pp. 187-230, http://www.cs.sunysb.edu/~kifer/TechReports/hilog.pdf

[3] См., напр.: *Нікітченко М.С., Шкільняк С.С.* Математична логіка та теорія алгоритмів. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2008. – 528 с.

и Бернайсом,[1] и современным американским логиком Джоном Совой.[2] Эти авторы стремятся формально оперировать «неопределенными объектами» так, чтобы соответствующие операции допускали сведение к «обычным» операциям с кванторами. Мне неизвестны работы, где вводятся, как в ЯТО, «категории неопределенности» индивидов. Не знаю также работ, где отслеживалась бы аналогия «неопределенных объектов» с артиклями (кроме моей статьи,[3] которая, разумеется, *не* "закрыла" эту проблему).

Тезис 3. По поводу черты 3. Ван Бентем замечает, что классическая логика предикатов (ЛП) признает только одно отношение следования – между пропозициями; тогда как Больцано, например, предлагал изучать те *разные* отношения следования, которые *фактически* используются людьми в рассуждениях.[4]

ЯТО можно трактовать как исчисление, вводящие разные отношения следования, отражаемые *импликациями предметов*. Причем некоторые операции над предметами могут заменять импликации над пропозициями («Неверно, что предмет *a* имеет свойство *b*» заменяется на «Любое свойство предмета *a* отлично от *b*»). Ничего подобного, насколько я знаю, нет в современных "исчислениях индивидов", в них операции над индивидами "отделены" от операций над пропозициями.

---

[1] *Гильберт Д., Бернайс П.* Основания математики. Теория доказательств. – М.: Наука, 1982, с. 30–34.

[2] *Sowa J.F.* Knowledge Representation: Logical, Philosophical, and Computational Foundations. – Brooks Cole Publishing Co., Pacific Grove, CA, 2000. – 594 p.

[3] *Леоненко Л. Л.* Язык тернарного описания и артикли (нефрегевский подход к логическому анализу натурального языка) // Философские науки, № 7, 2004, с. 99–118.

[4] *Ван Бентем Й.* Логика и рассуждение: много ли значат факты? // Вопросы философии.– 2011.– № 12.– С. 63-76.

Можно отметить также существенные различия трактовок отношения «часть-целое» в ЯТО и в современных "исчислениях индивидов".[1]

Ван Бентем замечает также, что *перед* тем, как выполнять вывод любого типа, необходимо выделить посылки, т. е. иметь некую модель ситуации, ее описание посредством тех или иных понятий. К задачам логики, считает он, относится и изучение способов построения подобных моделей. Предлагаются соответствующие исчисления (динамико-эпистемические логики, etc.).[2]

Исчисление индивидов, составляющее часть ЯТО, можно трактовать как инструментарий, позволяющий строить особого вида модели посылок вывода (с особыми типами тождества объектов, "отличниками", "чэпсами", надобъектами и т.п.).[3]

Тезис 4. Я думаю, что ЯТО является логической системой, отображающей *некий особый стиль рассуждения*. Этот стиль может быть эффективным или удобным при решении задач одного типа, и неадекватным для других типов.

Логика предикатов формализует *иной* стиль рассуждений. Фреге, Рассел и Гильберт стремились формализовать стиль, характерный для математики рубежа 19 – 20 веков. Генцен предложил эквивалентную формализацию, но с некоторыми важными отличительными чертами (подобная же альтернатива – семантические таблицы Бета-Хинтикки).

---

[1] *Леоненко Л.Л.* Отношение "часть-целое" и мереологическая импликация в языке тернарного описания // Уч. записки Таврического нац. ун-та им. В.И.Вернадского. Т. 23 (62), № 4, 2010, с. 152 – 157.

[2] *Ван Бентем Й.* Указ. соч.

[3] *Уемов А.И., Сараева И., Цофнас А.* Общая теория систем для гуманитариев. – Warszawa: Wydawnictvo Uniwersitas Redviva, 2001. – 276 с.

К настоящему времени выяснилось, что иногда рассуждения в математике несколько «нарушают границы» стиля, формализуемого ЛП, и в «классическую» ЛП вносятся дополнения – например, понятие «квази-арного» предиката.[1] Но это именно *дополнения*, – прежние понятия используются *наряду* с новыми.

Тезис 5. Но иногда полагают, что стиль рассуждений ЛП “на самом деле” нехарактерен для математической практики.[2] Доказательства, публикуемые в математических журналах, весьма редко являются формальными в смысле Гильберта, и задача их приведения к данному виду практически всегда трактуется как неактуальная. Поэтому предлагаются иные формализации стиля математических рассуждений, исходящие из конкретных *примеров* последних в той или иной области (геометрии, анализе, и.т.п.).

Очевидно, что для исследования особых предметных областей могут применяться особые математические формализмы. Я думаю, что в особых областях можно и *рассуждать* по-разному. Иначе говоря, *логический* формализм, отображающий характерный для данной предметной области стиль рассуждения, также может быть особым. Причем «сходные» (на неформальном уровне) логические понятия и принципы могут получать *разные формализации* при различных стилях рассуждения.

Например, несмотря на то, что принцип "непостоянства –арности" предикатов может приниматься как в теории систем, так и в теоретическом программировании, нет оснований отказываться от присущих каждой из этих дисциплин особых, – и доказавших свою эффективность, –

---

[1] *Нікітченко М.С., Шкільняк С.С.* Цит. робота.

[2] См., напр.: http://plato.stanford.edu/entries/mathematics-nondeductive/; *Bundy, A., Jamnik, M., Fugard, A.* What is a proof? // Philosophical Transactions of The Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences, 363(1835), 2377–2391, http://rsta.royalsocietypublishing.org/content/363/1835/2377.full.pdf+html

приемов рассуждений. Иными словами, "непостоянство – арностей" предикатов может *по-разному* выражаться в исчислениях, применяемых в разных предметных областях.

Тезис 6. Можно ставить вопрос: рассуждает ли *на самом деле* где-то и кто-то в стиле, формализуемом ЯТО. Практика некоторых учеников А. И. Уёмова как будто свидетельствует в пользу положительного ответа.

Можно поставить психологический эксперимент, призванный подтвердить или опровергнуть этот ответ.[1] Там, наверное, можно задавать вопросы вроде: верно ли, что в предложениях «На матче “Динамо”–“Шахтер” фанаты передрались» и «Вчера на игре “Барселона”–“Реал” случилось то же самое» речь действительно идет об одном и том же отношении между фанатами; и т.п.

Тезис 7. Несколько отличен он предыдущего вопрос: *как* на самом деле *применяется* ЯТО. На мой взгляд, можно выделить три типа этого применения.

1) Как инструмент *вывода*. Казалось бы, это должен быть основной тип. Но, насколько мне известно, выводы посредством ЯТО можно найти только у А. И. Уёмова[2] да еще в канд. диссертациях Л. Л. Леоненко и И. Н. Сараевой.

2) Как средство формализации и классификации понятий. Вот это – наиболее многочисленный корпус работ, в которых упоминается ЯТО.

3) Какие-то иные типы, среди которых мне известен только один – использование подформул формулы ЯТО, служащей моделью некоторого предложения или текста,

---

[1] Сравните: *Ван Бентем Й*. Указ. соч.

[2] В рукописях ЯТО и в циклах статей *Uyemov A.I.* The language of ternary description as a deviant logic // Boletim da Sociedade Paranaense de Matematica. – 1995, Vol.15, No.1-2, p.25-35; 1997, Vol.17, No.1-2, p.71-81; 1998, Vol.18, No.1-2, p.173-190; и *Uyemov A.I.* The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Parts I, II, III // Int. J. of General systems, 1999 Vol. 28(4-5), p.351–366; 2002, Vol. 31 (2), p. 131–151; 2003, Vol. 32 (6), p. 583–623.

для выделения «связных» групп слов в этом тексте. В заключение я кратко опишу этот пример использования ЯТО.

Во многих задачах анализа текстов в исследуемом тексте по каким-либо основаниям выделяются особые *группы имен* (например, в русском языке это могут быть группа подлежащего и группа сказуемого в предложении; в алгоритмическом языке – группы, относящиеся к различным операторам программы, etc.). Принимается следующий «*принцип связности» для групп»:* [1]

Имена, образующие группу, обычно соседствуют в тексте; и перестановки имен внутри групп «разрушают» структуру текста в меньшей степени, чем чередование имен, принадлежащих разным группам.

Если именные группы (ИГ) в тексте-модели T_0 выделены, и ставится задача оценить сходство T_0 с текстом-прототипом T_1 (например, в задачах компьютерного тестирования знаний), можно предложить алгоритмы, позволяющие компьютеру эффективно оценивать близость структур текстов как натуральных, так и искусственных языков.

Возникает вопрос: какие основания можно указать для того или иного *предварительного* разделения множества слов текста-модели на группы так, чтобы гипотеза о некоей «естественной» связи слов в каждой группе была приемлемой?

При решении этого вопроса необходим некий механизм формального представления текста как структуры, «составленной» из ИГ. Довольно очевидно, что некоторые формализмы будут «разобщать» группы. Например, моделью предложения

---

[1] Сравните: *Гладкий А.В*. Математические методы изучения естественных языков // Труды МИАН им. В.А.Стеклова. – 1973. – Том 133. – с. 95–108; *Добров Б.В*. и др. Методы и средства автоматизированного проектирования прикладной онтологии // Известия РАН. Теория и системы управления. – 2004. – № 2. – с. 58–68.

Ньютон и Лейбниц изобрели математический анализ

в логике предикатов будет формула:

$$i(N,\Delta)\&i(L,\Delta)\&m(\Delta)$$

где i обозначает отношение «изобрести», N – «Ньютон», L – «Лейбниц», Δ – «анализ», и m – свойство «математический». В этом случае нужны какие-то дополнительные, «внешние» по отношению к формализму средства указания того, что, скажем, N и L должны быть отнесены к одной группе, а N и Δ – к разным.

А вот схема того же предложения в языке тернарного описания с теми же обозначениями i, N, L, Δ и m:

$$i(*\{\{N,L\}\bullet[(\Delta)m]\})$$

Видно, что здесь группы $\{N, L\}$ и $\{\Delta, m\}$ «связные» – их элементы «соседствуют», как и в исходном предложении.

Рассмотрим следующий текст T_0:

Сукупність фіксованої кількості компонент одного типу, елементи якої мають спільне ім'я, а розрізняються та упорядковуються за допомогою індексів

Это – определение понятия «массив» из учебника.[1] Была построена его ЯТО-модель, и на ее основании выделены «связные» ИГ текста T_0. Затем был применен алгоритм оценки *структурного подобия* текстов А1, А2 и А3, содержащих те же слова, тексту T_0. Вот результаты:[2]

---

[1] *Жалдак М. І., Морзе Н. В.* Інформатика-7. Експериментальний навчальний посібник для учнів 7 класу загальноосвітньої школи. – К.: ДіаСофт, 2000. – 208 с.

[2] Подробнее см.: *Леоненко Л. Л.* Язык тернарного описания в оценках связности текстов // Сб. трудов VIII международной конф. "Интеллектуальный анализ информации". – К.: Просвіта, 2008, с. 286–295.

Подобие T_0:

A1	*Сукупність фіксованої кількості однотипних компонент, що мають спільне ім'я та упорядковуються за допомогою індексів*	0.875
A2	*Упорядкована множина заданого числа однотипних величин з одним іменем, які розрізняються через індекси*	0.583
A3	*елементи індексів якої сукупність розрізняються спільне одного компонент, а що мають фіксованої типу та допомогою кількості упорядковуються за ім'я*	0.224

Из таблицы видно, что «порожденный ЯТО-моделью» выбор связных групп имен в тексте T_0 оказался удачным. Лексический состав всех трех текстов с учетом синонимии тождественен T_0, но:

1) текст A1, – переформулировка приведенного в учебнике определения массива, – имеет высокую степень подобия тексту T_0;

2) к тексту A2, с более низким подобием, можно предъявить претензии и с точки зрения правильности определения – из него не вполне очевидно, что упорядоченность достигается именно индексированием;

3) наконец, текст A3, являющийся бессмысленной перестановкой слов «эталонного» текста T_0, имеет наименьшую степень подобия тексту T_0.

Таким образом, ЯТО может оказаться полезным для получения численных оценок "аналогичности" *структур* лексически близких текстов – что важно, в частности, в системах автоматизированного контроля знаний.

Д. Н. Ляшенко

ФОРМАЛЬНАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СТРУКТУРЫ КОММУНИКАЦИИ

После «лингвистического поворота» мало кто сомневается, что язык не только и не столько отражает реальность, сколько участвует в ее сотворении посредством конструирования семиотических (символических) картин мира. Современные исследования по философии языка и семиотике тесно связаны с феноменом коммуникации, так как именно в процессе общения происходит символическое моделирование реальности. При этом феномен коммуникации принято рассматривать безотносительно к структуре знака. Вместо знака (и его компонентов) элементарной составляющей семиозиса считается *сообщение*[1]. В этом смысле *семиотика коммуникации* противопоставляется *классической семиотике*, в которой исследование структуры знака занимало центральное место. Интересно выявить формальную структуру коммуникации, опираясь на эксплицитную структуру знака, и тем самым навести мосты между современной и классической семиотикой (и философией языка).

В данном сообщении, в качестве формальных средств, позволяющих выявить структуру коммуникации, используются общая параметрическая теория систем (ОПТС) и язык тернарного описания (ЯТО), разработанные в философской школе А. Уёмова[2].

---

[1] См., например: *Почепцов Г. Г.* Семиотика. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002.

[2] См. в: *Леоненко Л. Л.* Язык тернарного описания и его автор // Философские исследования. – 2000.– № 2.– С.118-141; *Уёмов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю.* Общая теория систем для гуманитариев.– Warszawa: Universitas Rediviva, 2001; *Uyemov A.* The Ternary Description Language as a Formalism for the Parametric General Systems Theory: Part I // International Journal of General Systems.– 1999.– Issue 4-5 (Vol. 28). – P. 351 – 366; *Uyemov A.* The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Part II //

Как было показано в одной из моих статей[1], модели знака по Ч. Пирсу и по Ф. де Соссюру можно рассматривать в качестве дополнительных системных моделей, двойственных относительно преобразования концепта и структуры. Модели Пирса соответствует системное представление с атрибутивным концептом и реляционной структурой, а модели Ф. де Соссюра – системное представление с реляционным концептом и атрибутивной структурой. Рассмотрим двойственность знака в контексте реального общения.

В лингвистике принята модель коммуникации, в которой понятия «смысл» и «текст» меняются местами в процессе общения: смысл-текст и текст-смысл.[2] В зависимости от роли участников коммуникации направление моделирования в семиозисе изменяется: адресант моделирует некоторую вещь (экстенсионал) при помощи интенсионалов в означающие, а адресат, воспринимая означающие, моделирует их в экстенсионал с помощью своих интенсионалов (о моделировании структуры знака см. у А. Н. Барулина[3]). Сопоставим эти случаи с двойственным системным моделированием.

Адресант имеет какую-то идею – пусть это будет атрибутивный концепт. Он стремится передать эту идею. Для реализации этой идеи должны быть какие-то средства

International Journal of General Systems. – 2002. – Issue 2 (Vol. 31). – P. 131 – 151; *Uyemov A.* The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Part III // International Journal of General Systems. – 2003. – Issue 6 (Vol. 32). – P. 583 – 623.

[1] *Ляшенко Д. Н.* Определение понятия «знак» как проблема понимания // Перспективи. – 2011.– №1.– С. 50-55.

[2] *Сумарокова Л. Н.* Системность языка: ее аспекты и уровни // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб.трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова / Под ред. А.Ю. Цофнаса. – Одесса: Астропринт, 2008.– С. 89-106.

[3] *Барулин А. Н.* Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Часть 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). – М.: СиК. – 2000, 2002.– С. 144-192.

– структура. Адресант помещает означающее и экстенсионал (находящиеся в субстрате) в какие-то отношения, которые и выступают реляционной структурой системы.

В качестве иллюстрации представим себе писателя, который пишет художественное произведение и хочет выразить какие-то значительные и возвышенные идеи (это его атрибутивный концепт). Для этого у автора есть разные художественные средства (это реляционная структура). Можно решить эту задачу семантически, например, наполнить произведение героями, ведущими философские диалоги, или воспользоваться чисто синтаксическими средствами (работать на уровне означающих). В последнем случае писатель может попытаться так построить текст, чтобы читатель мало что понял. Например, можно не давать читателю ясных кодов прочтения смысла, нарушать естественный ход течения текста, все усложнять, давать противоречивую информацию о героях, постоянно менять сюжетную линию, скомкать конец и т. п. В таком произведении жизнь разносчика пиццы может показаться «философичнее», чем заумные диалоги философов.

Отсюда видно, что роль адресанта – это, по определению, роль *активного* участника коммуникации, он владеет идеей и собирается ею поделиться. Роль же адресата *пассивна* – в том смысле, что он априори находится в отношениях (реляционная структура системы адресанта, но реляционный концепт системы адресата), выстроенных адресантом и вынужден реагировать имеющимися у него средствами (интенсионалами). Таким образом, в системе коммуникации возникают подсистемы коммуникации, дескрипторы которых меняются местами: структура одной подсистемы целой системы функционирует как концепт другой подсистемы системы. Более того, интенсионал является атрибутивным концептом (и реляционным концептом в формально возможной двойственной модели) лишь в случае адресанта. В случае же адресата интенсионал – это атрибутивная структура

системы (или двойственная ей реляционная структура), которая реализует определенные отношения – реляционный концепт системы адресата. На ЯТО, один срез коммуникативной ситуации, а именно обращение адресанта к адресату выглядит так:

$$(\iota A)\ \textbf{\textit{Коммуникация от адресанта к адресату}} =_{df} \\ ([\iota A(*\iota_2 A \bullet \iota_3 A)])\{([\iota_4 a(*\iota_2 A)])t \rightarrow \iota 4 a([(\iota_3 A *)a])\} \quad (1)$$

В этой формуле интенсионал адресата (в атрибутивной структуре консеквентной системы) выражен символом неопределенного объекта *a*. Соответственно, мы не можем рассчитывать на совпадение экстенсионалов в антецеденте и консеквенте импликации. Адресант имеет дело со знаком как с индивидом, а адресат – с функцией от структуры знаковой системы, заданной адресантом. Если строить модель, в которой происходит совпадение интенсионалов и соответственно экстенсионалов, (например в коммуникации между машинами), то мы получили бы такой дефиниенс:

$$([\iota A(*\iota_2 A \bullet \iota_3 A)])\{([\iota 4 a(*\iota_2 A)])t \rightarrow \iota 4 a([(\iota_3 A *)t])\}$$

Осталось добавить, что бывают системы коммуникации, где адресат и адресант общаются в реальном времени. Но бывают ситуации, когда коммуниканты значительно разделены во времени и/или пространстве (например, в социальном пространстве/времени) как в случае телевизионного обращения президента к гражданам, когда граждане могут ответить президенту либо на следующих выборах, либо революцией. То же касается коммуникации в культуре. Например, режиссер снял фильм – отправил сообщение, а зрители раскупают все билеты в кинотеатры или игнорируют.

Если посмотреть на перевод с одного языка на другой как на коммуникацию, то очевидно, что и он имеет такую же структуру. При переводе подыскиваются интенсионалы под заданные (автором переводимого текста) отношения,

а потом строятся новые отношения (реляционная структура) в соответствии с этими свойствами (атрибутивный концепт). Переводчик является адресатом автора переводимого текста, но адресантом переведенного текста.

То есть в случае перевода требуется добавить еще одну часть среза коммуникации к имеющейся формуле.

$$(\iota A)\textbf{\textit{Перевод}} =_{df} ([\iota A(*\iota_2 A \bullet \iota_3 A)])\{([\iota_4 a(*\iota_2 A)])t \rightarrow \rightarrow \{\iota_4 a([(\iota_3 A*)\iota_5 a]) \rightarrow ([a(*\iota_3 A)])\iota_5 a\}\} \quad (2)$$

Таким образом, можно предположить, что все виды коммуникации имеют одну и ту же структуру. Эксплицированное же представление о структуре знака не мешает, но только способствует анализу структуры коммуникации. А если учесть, что именно в процессе коммуникации происходит семиотическое моделирование реальности, выражаемое в сосуществовании различных семиотических или символических картин мира, то выявленная формальная структура коммуникации может иметь нетривиальное значение для анализа конструируемых «символических универсумов».

Э. И. Мартынюк

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ КОНВЕРГЕНТНЫХ И ДИВЕРГЕНТНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Авенир Иванович запомнился мне с конца 70-хх., прошлого века, когда я еще, будучи студентом юридического факультета, несколько раз посетил, проводимые им философские семинары. Кафедра философии тогда располагалась в здании библиотеки университета.

В той большой светлой аудитории сотворение ОПТС и ЯТО, казалось чудом, освобождавшим от догм любого

навязываемого знания, дарило ощущение того, что, вскоре, все философы будут говорить на одном языке, и между ними будет царить взаимопонимание. Чуда не случилось, но как показали 1-е чтения памяти А. И. Уёмова у ОПТС и ЯТО есть будущее, и как мне кажется, в нём они будут развиваться, по крайней мере, в 2-х направлениях:

1. Внутреннее – это самоусовершенствование.

2. Внешнее – применительно к другим сферам знания.

Моё выступление – это возможность, относящаяся ко второму направлению, а, именно, применение теории систем к религиоведческим проблемам. Они не были чужды Авениру Ивановичу. Тут достаточно лишь одного примера – его «Метафизика», вышедшая в 2010 году. Он был членом редколлегии нашего ежегодного выпуска «Компаративистские исследования религии» (вышло 10 номеров с 2002 года), и проявлял интерес к работе одноименного научно-исследовательского центра философского факультета. Компаративистский метод, основной, как мы считаем, в религиоведении, был близок Авениру Ивановичу. Всем известно его пристрастное внимание к аналогиям. И я думаю, что в свете основной проблематики нашего научно-исследовательского центра «Конвергентные процессы современной религиозной жизни» очень интересным представляется выступление профессора Л. Н. Терентьевой, наталкивающее на обязательный поиск – в том числе и системный – процессов дивергенции в исследовании религиозных явлений.

С. М. Недопитанська

РОЗВИТОК ЛОГІЧНОГО МИСЛЕННЯ ДІТЕЙ ДОШКІЛЬНОГО ВІКУ І СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧНИЙ АНАЛІЗ

Ці слова присвячую А. І Уйомову – Людині з великої літери, моєму Учителеві…

З дитинства хотілось чогось досягти високого. Недарма із шести років разом з батьком вивчала терміни філософського словника – батько складав державний іспит в інституті, а я допомагала йому готуватись. Це, напевне, був зародок потягу до філософії. А потім – філософський факультет ОНУ ім. І. І. Мечникова, викладачі факультету. Серед них – А. І. Уйомов…і незабутні враження від зустрічі із «ЖИВИМ» – не із книг науковцем світового масштабу, професором, філософом…

Потім – лекції з системного аналізу і нестримне бажання стати учнем Дивовижного Учителя А. І. Уйомова.

В пам'яті спливає образ статного, наділеного вродою, вдумливого, врівноваженого, напрочуд скромного філософа, який ніколи не втрачав бажання передати своїм учням те, чим дихав і жив. Для А. І. Уйомова системний аналіз і його учні були змістом життя-буття. Це відчувалося завжди. А ще від розмов, діалогів із професором віяло батьківським теплом, милосердям, щирістю, відкритістю.

Завжди поява А. І. Уйомова на факультеті була для нас святом, хотілося доторкнутися до «свого» філософа, почути його думку на те чи інше запитання. А. І. Уйомов був завжди мобільним і обізнаним в усіх сферах суспільного життя. На компліменти студентів відповідав: «Это вы преувеличиваете, не стоит так говорить».

Дякую долі за зустріч з А. І. Уйомовим. Він – Учитель, який завжди зі мною. Для мене – науковець нарівні з Аристотелем. Він живе й житиме до тих пір, поки будуть його учні.

*
* *

Психолого-педагогічні дослідження вчених довели, що основні логічні уміння на елементарному рівні формуються у дітей, починаючи з 5-6 річного віку. Головними показниками розвитку дитячого мислення є рівень сформованості образних і логічних мислительних операцій: як оволодіває дитина схематизованими уявленнями (образне) та виокремленням і співвіднесенням істотних параметрів об'єктів (логічне мислення). Порушену проблему досліджує психологія, педагогіка, однак, незважаючи на довгий період її вивчення, вона є актуальною в усі часи. Знання психології розвитку логічного мислення дітей сприяє краще організовувати управління дітьми, але психологія, що вивчає дитячу психіку і психічні процеси, не здатна допомогти сама по собі організовувати навчальний (розвиваючий) процес в цілому.

Організацією навчання займається педагогіка, яка знову ж таки має свої погляди щодо методів і шляхів розвитку логічного мислення. Для успішного розв'язання проблеми потрібно шукати не педагогічні й не психологічні методи дослідження, а методи, які є універсальними. Універсальними методами володіє філософія, яка має в арсеналі необхідні методологічні інструменти. Цим інструментом являється системний підхід, що представляє собою одну з форм конкретизації принципу матеріалістичної діалектики – принципу взаємозв'язку явищ. Діалектико-матеріалістичне розуміння взаємозв'язку між явищами включає також визнання їх універсального характеру. Взаємозв'язки існують між усім, що є в природі. Згідно принципу взаємозв'язку явищ, кожна річ (явище, процес) пов'язана з кожним.

Поняття системи являється конкретизацією категорії «річ». Системами являються не тільки матеріальні речі, але й вимислені, ідеальні об'єкти. Істотним, суттєвим для нас являється взаємозв'язок цих об'єктів. Системний підхід у будь-якому дослідженні означає розгляд досліджуваних

об'єктів у якості систем. А це в свою чергу передбачає аналіз взаємозв'язків в рамках кожної системи.

Згідно з параметричною загальною теорією систем (ПЗТС), автором якої являється А. І. Уйомов, системне дослідження повинно здійснюватися у три етапи, чи на трьох рівнях. На першому рівні відбувається системне зображення об'єкту дослідження, тобто встановлюються так звані «системні дескриптори»: концепт, структура, субстрат. На другому етапі запроваджується системно-параметричний опис об'єкту – системи. Іншою мовою, система характеризується з позиції притаманних їй – не кожних, а саме системних – властивостей і відношень, тобто атрибутивних і реляційних параметрів. На третьому етапі між значеннями системних параметрів виявляються стійкі кореляції – загальносистемні закономірності.

Вивчення даної проблеми в рамках ПЗТС А. І. Уйомова – перспективна ідея. Сам творець вказує про це[1]. Проведені дослідження допомогли нам установити, що всі ігри без виключення є системами, і вони розвивають логіку дитини. Досліджуючи ігри за системними дескрипторами, отримали класифікацію ігор: структурні, субстратні, концептні[2].

---

[1] *Уемов А., Сараева И., Цофнас А*. Общая теория систем для гуманитариев / под общ. ред. А. И. Уемова. – Warszawa: Uniwersitas Rediviva, 2001. – С. 162.

[2] *Недопитанська С. М*. Дитяча гра як система // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития, 2010: Сб. науч. трудов по материалам междунар. науч.-практ. конф., 4-15 октября 2010 г.– Т. 17. Философия и филология. – Одесса: Черноморье, 2010.– С. 7-8*; Її ж*. Дитяча гра: системно-дескрипторний аналіз // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Перпективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте ,2012». – Т. 32: Философия и филология, история. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. – С. 44-47: *Її ж*. Класифікація ігор дітей дошкільного віку в рамках параметричної загальної теорії систем // Наукове пізнання: методологія та технологія. – 2011. – №1(26). – С. 132-138.

Проблема ігор нерозривно пов'язана із особистістю, тож також можемо припустити, що в залежності від переважного вибору дитиною гри, можемо класифікувати за системними дескрипторами (концепт, структура, субстрат) і саму особистість – концептник, структурник, субстратник. Це один підхід. Інший – дітей можна класифікувати й за системними параметрами. Значення параметрів виділяють класи систем. Наприклад, за лінійним параметром «простота – складність». Дитина, яка росте, має бути в складному середовищі. Він має ламати іграшки, рвати одяг, утворювати безлад в квартирі. Це все буде вказувати на складність його натури і особистість, яка зростає.

Розвиваючи логічне мислення – розвиваємо системне мислення, яке ідентичне логічному і є дзеркальним відображенням логіки дитини. Також це встановлене нами в процесі дослідження[1].

Нами наведено лише кілька висновків досліджуваної проблеми. Це вказує на те, що розгляд поданої теми в рамках ЗПТС – новий підхід у розв'язанні проблем педагогіки і психології.

А. А. Нерубасская

ДЕСКРИПТОРНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ СОБЫТИЙ

Свою статью, а особенно этот раздел своих исследований посвящаю человеку, который стал очень значимой фигурой в моей судьбе. Называл меня профессор Авенир Иванович исключительно по фамилии. Так он говорил своей спутнице жизни, а для меня она была и есть больше, чем просто научный руководитель: «Люся, иди, твоя Нерубасская звонит». Моим научным руководителем с 2000 по 2004 год была профессор Людмила Николаевна

[1] Див. *Недопитанська С. М.* Дитяча гра як система.

Терентьева, а соруководителем, или руководителем моего руководителя я считаю профессора, доктора философских наук Уемова Авенира Ивановича.

*
* *

Наше исследование – это работа над проблемой нагруженности научного факта, которую мы решаем в системной экспликации. За основу была взята параметрическая общая теория систем, разработанная А. И. Уемовым.

В диссертационной работе примерами научных фактов выступали факты физической науки, а так же было показано, что системный механизм нагруженности научного факта применим и к фактам гуманитарных наук, в частности, к фактам истории и биографическим фактам.

Факт истории, как и другие научные факты, в теоретической системе может выступать одним из параметров: концептом, структурой или субстратом. Концепт, структура и субстрат – это дескрипторы системы. В параметрической ОТС система определяется двумя способами. Это определение было названо двойственным системным определением[1].

Вопрос о точном определении исторического факта и его характеристиках связан с вопросом о способах его установления и проверки, с проблемой достоверности исторического знания в целом, а также с проблемой интерпретации и «нагруженности». Для определения исторического факта важно учитывать состав его структуры, в которую входят событие и его интерпретация. Эта схема позволяет нам говорить о его нагруженности, т. к. интерпретаций событий может быть много. От интерпретаций зависит и сам смысл факта как такового, особенно когда производится включение факта в теоретическую систему.

В системе научного знания, исторический факт неизбежно оценивается и с научной точки зрения, и с идео-

[1] . *Уемов А.И., Сараева И, Цофнас А.Ю*. Общая теория систем для гуманитариев. – Warszawa, 2001.

логической. В тоже время, поскольку историческая закономерность реализуется и проявляется лишь во взаимодействии фактов, они должны рассматриваться в их реальной взаимосвязи. Такой подход дает возможность глубже осмыслить значение каждого факта в отдельности, выделить необходимое, отделить второстепенное и случайное в ходе исторического процесса. На этапе констатации и описания своих объектов, то есть, на эмпирическом уровне научного познания, историческое знание включает в себя элементы объяснения, оценки и обобщения, так что связь между эмпирическим и теоретическим оказывается в истории необычайно тесной, неразрывной. «Факт исторической науки есть знание, закрепляющее непосредственные проявления действительности в форме описания, раскрытия закономерных связей между фактами, выявления их сущности и значения; это ведет нас к теоретическому уровню познания и знания. Факты исторической науки на ее теоретическом уровне являются достоверным научным знанием о наиболее важных явлениях прошлого человечества и представляют собой логические реконструкции запечатленных источниками явлений социальной действительности, способные быть основой теории[1].

На наш взгляд, очень часто не берется во внимание чувственное понимание, чувственная составляющая интерпретации. Рассматривая дескрипторную нагруженность необходимо учитывать событийное видение участников истории. При исследовании научных фактов эта составляющая очень часто опускается из виду. Но мы видим в этих интерпретациях зачастую гораздо больший смысл, чем в теоретико-обоснованном, доказанном и включённом в систему историческом факте. Более достоверным может оказаться факт, рассказанный самим участником событий,

---

[1] *Яцко В. А.* Гносеологический анализ исторического факта // Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. – Одесса, 1975. – 38с

т. к. он не будет искажен политическим заказом, историческим переинтерпретированием, манипуляциями. Конечно, и здесь можно засомневаться в объективности таких фактов. Ведь участник событий может и соврать или неправильно трактовать увиденное. Мы с этим согласны. Но системный дескрипторный механизм нагруженности дает нам возможность системно рассмотреть событийную часть факта и его интерпретации. А это, в свою очередь, позволяет создать объективную картину событий. Например, сегодня, все, что связано с жизнью великого философа, А. И. Уемова – это история. Я рада, что судьба свела меня с ним, и я имела возможность слушать его лекции, обсуждать философские проблемы, а также сидеть за столом и пробовать вино, приготовленное из винограда собственного урожая. Мои чувства могу передать только я. Может быть кто-то еще испытывает что-то похожее, но это будет его субстрат ощущений. Если биограф, возьмется написать биографию жизни А. Уемова, рассмотрит мои воспоминания и мое отношение к происходящему в прошлом, сочтет все это важным, то моя интерпретация событий и моя чувственная составляющая этой интерпретации станут субстратными фактами биографической системы. Наряду с аналогичными фактами биографическая система, написанная в будущем, будет неминимальной, стабильной, завершенной и всецелонадежной. Может быть, через сто лет другой биограф возьмется за написание биографии А. Уемова. Он тоже будет исследовать события его жизни, но в его системе не будет моих воспоминаний и воспоминаний людей, которые могли бы передать чувства, испытываемые от общений с философом, и эта биографическая система будет в чем-то проигрывать современной биографии. И параметры этой системы будут другими. Мы надеемся, что читателю должно быть понятно, почему мы так отстаиваем чувственную составляющую в интерпретации событийной части факта.

С. О. Павлюк

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Человек в его экзистенциальной целостности является одной из важнейших проблем в современной философской мысли. А. И. Уёмов не оставил ее без внимания. В параметрической ОТС профессор определял целостность как некоторое свойство системы, имеющее степень интенсивности – как атрибутивный линейный системный параметр. Философ выводит три её типа по дескрипторам первого порядка: концептуальную, структурную и субстратную целостность. По дескрипторам второго порядка выделяются, соответственно, концептуально-структурная, структурно-концептуальная; структурно-субстратная, субстратно-структурная, концептуально-субстратная и субстратно-концептуальная целостность.

Данная типология целостности применима к построению типологии личности. В контексте творчества М. Шелера, исходя из его позиции о двух изначально данных атрибутов сущего: всесильного порыва и бессильного духа, через акт самосознания можно обнаружить целостность личности в категориях параметрической ОТС. Если принять акт самосознания за концепт системы, то мы вправе применить концептуально-структурную целостность личности, включающую в себя взаимоотношения концепта (акт самосознания), с самим собой через атрибуты порыва и духа.

Е. С. Петриковская

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. И. УЁМОВА И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Философская антропология, в которой человек является исходным пунктом и главным объектом философствования, стала одной из «интеллектуальных инициатив» XX века. Это направление в философии привлекает внимание исследователей самых разных областей именно поисками новых способов осмысления человека. В рамках этой инициативы получают равноправное существование разного типа научные парадигмы и теории, возникшие на разных логических предпосылках и основаниях. Учитывая то, что философская антропология – недостаточно адаптированная область философского знания, что ее предмет и методы все еще требуют изучения и теоретического обоснования, не удивительно внимание к ней и А. И. Уёмова[1].

В работах М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, Э. Кассирера и др. философская антропология рассматривалась как концептуальная основа для синтеза знаний о человеке. При решении указанной проблемы философская антропология не должна игнорировать опыт разработки системных подходов к изучению сложных целостных объектов. Идея использования системного подхода в исследовании проблематики целостного человека высказывалась лидером системного движения середины XX века Л. фон Берталанфи, но до сих пор эта идея не реализована.

Предложенное А. И. Уёмовым определение системы позволяет обойти старый метафизический спор об идеальности или материальности человека и заложить в основание искомой антропологии тезис о единстве или целостности в себе человека. Появляется возможность выразить взаимопереход материального и идеального: структура си-

[1] *Уёмов А. И.* Метафизика. – Одесса: Астропринт, 2010. – С. 179.

стемы является субстратом, то есть материей, относительно концепта, одновременно это форма, то есть идеальное, относительно своего субстрата, то есть материи[1]. Такой подход при рассмотрении проблемы человека в советское время позволял избегать требования определенного решения основного вопроса философии. Кроме того, он дает возможность вновь убедиться в актуальности философии Аристотеля, что для А. И. Уёмова было немаловажно. А. И. Уёмов в этой связи отметил: «Та схема, которая характеризует идущее от Аристотеля понимание материи, как противоположности формы, выражает относительность понятия материи. Каждая материя – материя той или иной формы»[2]. Проблема человека может быть рассмотрена как проблема формы организации элементов присущего ему содержания.

Анализ точек зрения, приоритетов, подходов современной human science позволит очертить контуры будущей антропологии. Немаловажно сосредоточиться на фундаментальных методологических вопросах, понятиях и ценностях, поднимаемых в работах А. И. Уёмова, в том числе, на его анализе метафизических оснований антропологии.

Б. В. Плесский

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Существующие в социальной философии, политологии и других дисциплинах типологии реформ лишены методологической и прогностической ценности, поскольку чрезмерно политизированы и оторваны от специфики реформируемых систем. Преодолеть эти слабости можно

[1] См.: *Уёмов А. И.* Системные аспекты философского знания. – Одесса: «Негоциант», 2000. – С 91.

[2] *Уёмов А. И.* Системные аспекты философского знания, С. 84.

с помощью теоретико-системного подхода и, в частности, используя понятия и логический аппарат общей параметрической теории систем, разработанные А. И. Уемовым и его школой.

Если исходить из понимания системы как произвольной вещи, на которой реализуется системообразующее отношение, обладающее фиксированными свойствами – так называемым концептом системы, то этот концепт можно рассматривать как цель или целевую функцию социальной системы. Все реформы, в процессе которых утрачивается концепт системы, оказываются системоразрушающими, если же концепт сохраняется, то реформы можно считать системосохраняющими. В зависимости от того, что реформируется в первую очередь, все реформы можно разделить на субстратные, когда производятся количественные или качественные изменения элементов системы, структурные, когда меняются отношения реформируемой системы или подсистемы, и концептуальные.

Если реформируемая система относится к классу минимальных, нестационарных или невсецелонадежных, то любые изменения ее субстрата, как правило, меняют ее структуру, и, возможно, ее концепт. В сильных системах никакое субстратное реформирование не может ничего изменить – ни в структуре, ни в концепте системы.

Структурные реформы могут сопровождаться изменением субстрата, но могут проводится и на прежнем субстрате. Последний случай возможен только в стабильных системах, так как в нестабильных системах при изменении структуры утрачивается концепт системы и система разрушается. Ярким примером такого неудачного реформирования структуры социальной системы с сохранением прежнего субстрата является попытки экспорта западной модели демократии в некоторые страны Азии и Африки, а также в бывшие советские республики.

Светлана Повторева

ОБРАЗНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. УЁМОВА

При чтении книг и статей Авенира Ивановича Уёмова я не раз встречала в его текстах знакомых мне с детства героев художественных произведений и мифологии, забавные ситуации, пронизанные искрами юмора, метафоры, аллюзии и т.д. Позже нашла рассуждения, свидетельствующие об его интересе к стилю философских текстов и о том, что подобные средства языковой выразительности использовались им не спонтанно, были тщательно продуманы и целенаправленны. Ученый стремился сделать обучение студентов и аспирантов увлекательным, написал много текстов, в которых эти средства используются очень активно. Ему хотелось противодействовать традиции монологичности, наставительному тону учебных и научных текстов, сухому, чрезмерно рационализированному, наукообразному стилю. «Даже само слово «учебник» – очень скучное и пугающее»[1],– отмечалось в одном из его учебных пособий. Своими учебниками он стремился активизировать и интеллектуальные способности, и эмоции. Ему хотелось, чтобы оба полушария головного мозга были задействованы при обучении.

Это не означает, что ученый отказывает представителям естествознания в праве традиционно излагать учебный материал, он считает, что для солидных, «устоявшихся» наук такой стиль приемлем, ибо материал и так будет усваиваться в силу необходимости. Но для гуманитарных областей знания, а также новых дисциплин, подобный стиль считал нежелательным.

А. И. Уёмов использует множество средств усилить читабельность своих текстов. Это и диалогичность, и вве-

---

[1] *Уёмов А., Сараева И., Цофнас А*. Общая теория систем для гуманитариев: учебное пособие / Под общ. ред. А. И. Уёмова. – Warszawa : Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001.– С.14.

дение в ткань текстов образов художественной литературы и мифологии, и притчи, и ситуации обыденной жизни, и различных форм аналогии и др. Ученый, например, считал, что назидательность можно преодолеть с помощью диалога с воображаемым читателем. Он приводит пример книги Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира: птолемеевой и коперниковской». Специалистам известно, что диалог был любимым жанром Платона, но этот философский жанр отнюдь не доминирует в философском дискурсе, традиционно монологичном и элитарном.

В «Метафизике», разъясняя разницу между общественным и индивидуальным сознанием, Авенир Иванович приводит примеры муравейника и муравья, тела и руки, а чтобы показать системный характер коллективного бессознательного использует образ стада оленей на необитаемом острове, где у этих животных нет естественных врагов. Сущность одной из разновидностей систем («твеновых») Авенир Иванович разъясняет с помощью юмористического рассказа Марка Твена, повествуя о человеке, который учился ездить на велосипеде. Этот человек все время наезжал на собак, а затем, научившись ездить, не мог наехать на собаку, как ни пытался. Столь забавный образ заставляет усмехнуться, но вместе с этим эпизодом в памяти надолго остается представление о «твеновости» как одном из системных параметров[1].

В книгах Авенира Ивановича мы встречаем упоминания о множестве произведений русской и мировой художественной литературы. Говоря о серьезных жизненных ситуациях, например, о любовных треугольниках, автор ссылается на произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Куприна, Д. Дефо. Герой рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет» участвует в рассуждениях Авенира Ивано-

[1] *Уёмов А.* Метафизика: уч. пособие. – Одесса: Астропринт, 2010. – С. 212-213.

вича о простоте и сложности отношений в микросоциуме[1]. Робинзон Крузо у него способствует разъяснению сущности понятия концепта в контексте учения о соотношении добра и зла[2]. Используя такую аналогию, как метафору, автор пишет: «Человек и общество не появляются сами по себе, как Минерва из головы Юпитера»[3]. Или: «Он смотрит на меня, как белый клоун на рыжего. Так, наверное, Леонардо да Винчи глядел на Микельанджело»[4].

Весьма интересными являются в его текстах аллюзии, а также исторические параллели. Так, проводя аналогию между ситуацией с фашизмом в Германии 20-х годов и нынешней обстановкой в бывших странах СССР, автор наглядно показывает особенности ресурсных систем, делает прогнозы, звучащие ныне весьма актуально. Эта, весьма развёрнутая, аналогия для А. И. Уёмова не является самоцелью, хотя она очень интересна и поучительна. Он производит её логический, структурный анализ, выявляет взаимосвязь между причинами и следствиями в ресурсных системах, что позволяет ему делать научное обобщение и социальный прогноз. «Вполне возможно, – пишет Авенир Иванович, – что если бы не было немецкого нацизма 30-х годов, нацизм мог бы победить и в России, Украине.… В этом случае малоактивное большинство могло бы поверить в тот рай, который обещают нацисты. Но ведь немецкий нацизм уже был. И все знают, к чему он привел.… Значит, наличие первого следствия снижает вероятность второго. Система оказывается ресурсной. Значит, нет фатального вывода о неизбежности победы нацизма. Но вместе с тем, нет и фатального вывода о невозможности этой победы. В конечном счёте, все будет определяться эффективностью борьбы с нацизмом в каждой из стран СНГ,

---

[1] Там же, С. 222.

[2] *Уёмов А*. Метафизика, С. 198.

[3] Там же.

[4] Общая теория систем для гуманитариев, С.18.

в том числе, и вашей борьбы, дорогие мушкетёры»[1]. Авенир Иванович обращается к нам, ныне живущим мушкетёрам, с тем, чтобы мы не повторяли ошибок прошлого.

Все это свидетельствует о широкой гуманитарной эрудиции выдающегося ученого. Но главное состоит в том, *как* он относился к делу своей жизни, к своим ученикам, которым стремился сообщить импульсы творчества, зажечь в их сердцах огонь познания и жажду улучшения мира. Широкое использование образности, наглядности является одним из выражений этой благородной цели, которой посвятил свою жизнь Философ Авенир Иванович Уёмов.

Ю. В Попова

ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Параметрическая общая теория систем содержит множество понятий, широко используемых в других науках: понятия системы, ее дескрипторов, две базисные тройки категорий и так далее. Кроме того, параметрическая общая теория систем основана на некоторых принципах (принцип универсальности системного подхода, принцип относительности, принцип двойственности, принцип функциональности различения вещей, свойств и отношений[2]). Но есть и такие общеметодологические принципы, которые были привлечены в параметрическую ОТС из других наук, а именно – принцип дополнительности, предложенный физиком Нильсом Бором для описания поведения объектов квантовой механики в 1927 году.

Принцип дополнительности можно определить как «методологическое положение, по которому воспроизве-

---

[1] Там же, С. 170.

[2] См.: *Цофнас А.Ю*. Теория систем и теория познания.– Одесса: Астропринт, 1999. – С. 102-123.

дение целостности явления требует применения в познании взаимоисключающих «дополнительных» классов понятий».[1] Сущность такого способа исследования физических явлений заключалась в том, что для анализа противоречивых аспектов квантовых явлений использовались взаимоисключающие понятия в виде дополняющих друг друга пар. К примеру, электрон следовало описать одновременно и как волну с определенной волновой функцией, и как частицу с определенной массой и радиусом. Л. Н. Терентьева замечает, что корни принципа дополнительности уходят в глубокую древность, во времена Аристотеля, который использовал категорию «соотнесенное» для построения своей логики. Считается также, что принцип дополнительности Н. Бора имеет общие черты с принципом неопределенности, предложенным физиком В. Гейзенбергом. Покажем, как термины «соотнесенность» и «дополнительность» могут быть использованы в рамках параметрической общей теории систем.

1. Одна из идей заключается в том, что можно представить дедуктивный и индуктивный типы умозаключений в качестве двух системных моделей – модели с атрибутивным концептом и реляционной структурой и модели с реляционным концептом и атрибутивной структурой соответственно. Такое исследование наилучшим образом характеризует различия и соотнесенность структур данных типов выводного знания.

2. Другой аспект исследования дедуктивных и индуктивных выводов состоит в том, чтобы рассмотреть эти два типа умозаключений как две двойственные друг другу системные модели. Для этого надо сначала представить дедуктивные умозаключения как системную модель с атрибутивным концептом и реляционной структурой и двойственную ей системную модель с реляционным концептом

---

[1] *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник.– М.: Наука, 1975.– С. 163.

и атрибутивной структурой, и аналогично исследовать системную модель индуктивного вывода. Такой аспект позволяет получить полное системное представление об этих системных моделях.

3. Обе точки зрения являются целесообразными и имеют право на существование. Л. Н. Терентьева, описывая различия между атрибутивной и реляционной структурами, исследует множество логических проблем. В частности, силлогизм рассмотрен как связь терминов и силлогизм как связь посылок и заключения[1]. Кроме того ею исследованы особенности структур таких логических форм, как понятие и суждение в силлогистике Аристотеля[2], а также логический квадрат в его системной интерпретации.[3] А. И. Уемов настаивал на том, что только при использовании двух вариантов определения системы одновременно возможно получение полного системного представления об исследуемом объекте. Автор же уверен, что оба аспекта могут быть использованы – в зависимости от целей исследования: первый вариант позволяет наилучшим образом изучить различие структур умозаключений, а второй – представить две формы выводного знания в качестве системных моделей и таким образом получить о них полное системное представление. Оба варианта эксплицируют применение физического принципа дополнительности в параметрической общей теории систем и показывают, что его применение в современных исследованиях действительно превращает этот принцип из частнонаучного

---

[1] См.: *Терентьева Л.Н.* Две модели бытия в терминах двойственного системного моделирования // А. И. Уемов, Л. Н. Терентьева, А. В. Чайковский, Ф. А. Тихомирова. Философия науки: системный аспект: учебное пособие. – Одесса: Астропринт, 2010.– С. 166-182.

[2] См.: *Терентьєва Л.М.* Тематичний аналіз силогістики Аристотеля // Філософська думка. – 2012. – № 2. – С. 70—83.

[3] См.: *Терентьева Л.Н.* Системная интерпретация логического квадрата // Перспективи.– 2008. – № 3. – С. 95–100.

в общеметодологический, эвристический принцип, характеризующий стиль мышления современной эпохи. Кроме того, два аспекта проведенных исследований являются также дополнительными друг другу, что позволяет по-новому взглянуть на постановку и перспективы решения давно известной логической проблемы – проблемы соотнесенности дедуктивных и индуктивных выводов и выводного знания, получаемого в результате и, соответственно, характеризующегося качествами достоверности и новизны.

К. В. Райхерт

Л. ФОН БЕРТАЛАНФИ – А. И. УЁМОВ: МОДЕЛЬ, АНАЛОГИЯ, СИСТЕМА

В ряде своих работ А. И. Уёмов связывал друг с другом понятия «модель», «аналогия» и «система». Так, в работе «Логические основы метода моделирования» он определял понятие «модель» таким образом: модель – это система, «исследование которой служит средством для получения информации о другой системе»[1]. Это определение основывается на двух характеристиках модели:

1) модель – это «мысленно представляемая или материально реализованная система»[2];

2) модель – это «средство изучения прототипа»[3].

Данные характеристики позволяют задействовать для изучения моделей и процесса получения моделей – моделирования – логический способ познания: выводы по аналогии, предметом которого является перенос информации с модели на прототип, и системный подход. И то и другое было разработано А. И. Уёмовым.

---

[1] *Уёмов А. И.* Логические основы метода моделирования.– М.: Мысль, 1971.– С. 48.

[2] Там же, С.25.

[3] Там же, С.26.

В работе «Аналогия в практике научного исследования» А. И. Уёмов показал, что такое вывод по аналогии, как он работает, и дал классификацию выводов по аналогии; всего он их насчитывает 51 вид[1].

В рамках системного подхода А. И. Уёмов разрабатывал параметрическую общую теорию систем[2], видовым отличием которой от других общих теорий систем является рассмотрение систем как произвольных вещей, обладающих специфическими свойствами и отношениями, известными как «системные параметры». В параметрической общей теории систем принимаются два типа систем – системы с атрибутивным концептом и реляционной структурой и системы с реляционным концептом и атрибутивной структурой. Также эти типы систем называют «системными моделями». Это позволяет говорить о том, что не только модели следует рассматривать как системы, но и системы – как модели: в некотором аспекте представление объекта как системы является системным моделированием. Так как в данном случае речь идёт о параметрической общей теории систем, то следует говорить о системно-параметрическом моделировании, а так как в параметрической общей теории систем признаются две модели систем, то следует говорить о двойственном системно-параметрическом моделировании.

Так или иначе, всё это стало возможным благодаря автору термина «общая теория систем» Л. фон Берталанфи (1901-1972). В самом начале разработки собственной об-

---

[1] *Уёмов А. И.* Аналогия в практике научного исследования.– М.: Наука, 1970.

[2] *Уёмов А., Сараева И., Цофнас А*. Общая теория систем для гуманитариев: учебное пособие / Под общ. ред. А. И. Уёмова. – Warszawa : Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001.

щей теории систем Л. фон Берталанфи сформулировал[1] следующие цели общей теории систем [1]:

1) исследование изоморфизмов (аналогичности) понятий, законов и моделей в различных областях науки для их переноса из одной дисциплины в другую;

2) способствование построению адекватных теоретических моделей для тех областей науки, в которых они отсутствуют;

3) минимизация дублирования теоретических исследований в различных научных областях;

4) содействие выявлению единства науки путём установления связей между специалистами различных наук.

Указанные цели общей теории систем свидетельствуют о том, что общая теория систем имеет дело, во-первых, с аналогией, точнее – с выводами по аналогии, так как общая теория систем преследует цель переноса из одной области знания в другую понятий, законов и моделей; во-вторых, с моделями, так как перенос возможен с модели на прототип. Всё вместе это касается системного моделирования.

Важной является мысль Л. фон Берталанфи о единстве науки, которой стремится стать и общая теория систем. Подобным же образом мыслил А. И. Уёмов: «Быстрый рост темпов развития отдельных наук привёл во многих случаях к их разобщённости. Это создаёт затруднения, начинающие тормозить дальнейшее развитие. Восстановление единства науки становится важнейшей задачей. Однако эта интеграция не может быть произведена методами прежней натурфилософии, стремящейся свести многообразие наук к одной науке, например к механике, с помощью дедукции из небольшого числа общих принципов. Сейчас кажется наивной идея объединения всего многообразия

---

[1] *Берталанфи Л., фон*. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник, 1969. – М.: Наука, 1969.– С. 30–54.

физических явлений в одну-единственную формулу, о которой писал ещё М. Планк. Неопозитивисты сделали попытку восстановить единство науки с помощью создания единого языка. Такое единство имеет главным образом внешний характер, не выражает единства содержания. Методом, позволяющим учитывать как единство содержания научных знаний, так и их различие, является метод моделирования. Модель может браться из одной науки, а её прототип, то есть тот предмет, который исследуется с помощью модели, — из другой науки. Так создаются механические модели химических или физических объектов, электрические модели механических, химических, биологических или даже социальных явлений. Экономическая деятельность предприятия исследуется с помощью модели, представляющей собой живой организм. Это ни в коем случае не означает, что предприятие “сводится” к живому организму. И вместе с тем использование таких моделей даёт возможность вскрыть довольно существенные общие черты в развитии организма и функционировании предприятия, позволяя, таким образом, в известной мере унифицировать биологию и политическую экономию. Такая “унификация” коренным образом отличается от попытки биологизировать экономические явления, которые делались в своё время эмпириокритиками».[1]

Уточняя эту мысль, следует сказать, что, так как модель является системой, то методом, позволяющим учитывать единство и различие содержания научных знаний, может быть не только метод моделирования, но и системно-параметрический метод, философским и логико-методологическим выражением которого является параметрическая общая теория систем, изучающая двойственное системно-параметрическое моделирование в целом.

---

[1] *Уёмов А. И.* Логические основы метода моделирования, С. 5-6.

Н. П. Савусин

КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ ПРОСТОТЫ-СЛОЖНОСТИ СИСТЕМ В ЯЗЫКЕ ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ

1. Объект как система описывается в языке тернарного описания (ЯТО), выступающем в роли логического аппарата со своим алфавитом и со своими фундаментальными логическими отношениями: «вещь имеет свойство», «отношение реализуется на объекте» и т. п. Такие логические соотношения, по сути, являются логическими связями и зависимостями.

2. Объект, который выделяется из данной вещи в результате её анализа, – это её дескриптор. При системном анализе – это её системный дескриптор. Логическое соотношение дескриптора – это *функциональное значение*, которое придаётся этому дескриптору. Дескриптор, получивший конкретное функциональное значение, называется уже *предметным значением* этого дескриптора.

3. С другой стороны, логическое соотношение системного дескриптора характеризует систему и выступает как её параметр. В системе, которая характеризуется данным параметром, этот параметр также является неким её дескриптором, то есть, выделяется в результате её системного анализа.

4. Наложив на дескриптор конкретные логические ограничения, можно конкретизировать систему до предела. То есть, можно сделать систему максимально определённой по заданным прагматическим критериям. Такая система называется *локализованной*. При этом она обретает максимальную определённость (а, значит, и – *сложность*, как сказано ниже) *по условиям своей локализации*. Напротив, чтобы обобщить систему по известным значениям её дескриптора, необходимо снять определённость в этом значении. То есть, ввести в него неопределённость.

5. Сложность системы можно смоделировать (или эксплицировать) в ЯТО как некую определённость, а простоту – как некую неопределённость. Определённость-неопределённость содержится в значениях дескриптора (в частности, – параметра).

6. Например, эллипс и окружность являются системами типа *конического сечения*. *При прочих равных условиях*, окружность – более конкретная (более определённая) система, чем эллипс. Поэтому окружность (как система) сложнее, чем эллипс *по предметному значению* такого же своего дескриптора, как она сама в целом. С другой стороны (*caeteris paribus*), эллипс сложнее, чем окружность, *по условиям своей локализации* как системы. Ведь для его полного задания (*caeteris paribus*) надо указать две полуоси, а не одну, как у окружности. То есть, – ввести в *условия локализации* эллипса большую определённость, чем в случае окружности.

7. Если в значении данного дескриптора системы содержится больше определённости, то эта система является более сложной по такому значению.

8. В ходе их обобщения, критерии большей определённости объекта, помеченного знаком A, сравнительно с объектом, помеченным знаком B, таковы:

8.1. Если A→B, но обратное не верно;

8.2. Если A – это продукт, полученный из ресурса B, но обратное не верно;

8.3. Если A действительно связан с B, но обратное не верно (то есть, – если B действительно зависит от A, но не наоборот).

Л.Н. Терентьева

НОВЫЙ ОБРАЗ СИЛЛОГИСТИКИ В КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ «СООТНЕСЁННОЕ-ОБОЮДНОЕ» И В ДВОЙСТВЕННОМ СИСТЕМНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

В каком отношении находятся «Категории» Аристотеля и его ассерторическая силлогистика – предмет полемики, в которой находим прямо противоположные оценки. Например, А. О. Маковельский пишет: «В силлогистике Аристотеля его учение о категориях не находит применения»[1]. С этой оценкой согласен А. П. Хилькевич: «Что касается непосредственного применения как такового, то с приведенной точкой зрения можно согласиться. Но это нельзя утверждать в смысле влияния вообще. Сказавшись на теории суждения, учение о категориях тем самым повлияло и на теорию силлогизма, поскольку суждения входят в структуру силлогизма»[2].

На наш взгляд, «Категории» Аристотеля находят «непосредственное применение» в анализе всех логических форм: понятия, суждения, умозаключения и доказательства.[3] В перечне «Категорий» Аристотеля остановимся на категории «по отношению к чему-то». Аристотель поясняет каждую из десяти категорий и категория «по отношению к чему-то» получает такую иллюстрацию: «по отношению к чему-то» – например, двойное, половинное, большее».[4] Все иллюстрации раскрывают смысл этого «по

---

[1] *Маковельский А. О*. История логики. – М.: Наука, 1967. С.126.

[2] *Хилькевич А. П.* Проблема расширения традиционной силлогистики. – Минск: БГУ,1981. С.9–10.

[3] См.: *Терентьева Л.Н*. Концепция Аристотеля «соотнесённое» в логических формах традиционной логики // Вісник Одеського національного університету. – Том 14. – Випуск 21, 2009.– С. 31–40.

[4] *Аристотель*. Категории.– 6а 35.

отношению к чему-то» – «соотнесённое», но не «отношение». Аристотель подчеркивает особенность соотнесённых: «находиться в отношении к чему-нибудь – это не то же, что быть по самому существу соотнесённым с другим»[1]. Иначе говоря, «соотнесённое» является «отношением», но не всякое «отношение» является «соотнесённым». Аристотель определяет «соотнесённое» так: «Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому».[2] Аристотель выявляет особенность «соотнесённого» так: «Все соотнесённые между собой [стороны] обоюдны; так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба; и под двойным – двойное по отношению к половинному, а под половинным – половинное по отношению к двойному».[3]

Рассмотрим основные логические формы в категории «соотнесённое-обоюдное». Логические свойства понятия – *содержание* и *объем обоюдны и двойственны друг другу*, что иллюстрируется законом обратного отношения содержания понятия его объему. В отношении *двойственности и обоюдности находятся логические операции над понятиями:* определение, раскрывающее содержание понятия или его атрибутивную структуру, и деление понятий, раскрывающее его реляционную структуру. Суждения так же имеет два логических свойства, соотнесённых и двойственных друг другу: свойства суждений A, E, I, O раскрывают атрибутивную структуру, отношение терминов в суждении раскрывают реляционную структуру, где «указано наоборот». Например, *распределённость предиката в отрицательных суждениях* обоюдна *нераспределённости субъекта в частных суждениях*. Логическая операция обращения суждений, раскрывающая реляционную струк-

[1] Там же, 8a 35.

[2] Там же, 6a 35-37.

[3] *Аристотель*. Категории.– 6b 26–30.

туру, двойственна и обоюдна логической операции превращения суждений, раскрывающих атрибутивную структуру.

Соотнесённость двух структур находим в простом категорическом силлогизме: *атрибутивная структура* иллюстрируется силлогизмом, понимаемом как связь суждений посылок и заключения, а *реляционная структура* иллюстрируется силлогизмом, рассматриваемом как связь его терминов[1]. В отношении соотнесённости и обоюдности находятся аксиомы силлогизма: dictum de omni как раскрывающая реляционную структуру силлогизма и аксиома nota notae как раскрывающая атрибутивную структуру силлогизма. В условно-категорическом силлогизме наблюдается соотнесённость, обоюдность и двойственность двух его модусов: *modus ponens* и *modus tollens*, где «указано наоборот».

Идея о двух структурах – атрибутивной и реляционной – введена А. И. Уёмовым в параметрической общей теории систем благодаря идее двойственного системного моделирования[2]. Обе структуры соотнесены и обоюдны по отношению друг к другу.

Новый образ силлогистики в категории «соотнесённое-обоюдное» отличается элегантностью и простотой, которая обнаруживается в этом гениальном творении Аристотеля. Двойственное системное моделирование раскрывает особенность и устойчивость силлогистики Аристотеля, которая, по словам И. Канта, со времени своего создания не сделала «ни шага назад… и…до сих пор не смогла сделать ни шага вперёд», т. е. «законченность и завершённость» этого творения Стагирита.

---

[1] См.: *Терентьева Л. Н.* Силлогизм как связь терминов и как связь посылок: двойственное системное моделирование. – Одесса.: Астропринт,2008.– С.107–122.

[2] *Уёмов.А И.* Системный подход и общая теория систем.– М.: Мысль, 1978. С.129.

Е. А. Тимощук

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ Р. ИНГАРДЕНА И СИНЕРГЕТИКА

Хочу обратить внимание на иное понимание «вещи» и «системы», чем это принято в школе А. И. Уёмова.

Э. Гуссерль выдвинул лозунг «назад, к вещам», полагая, что это выведет философию из патовой позиции позитивизма и идеализма: одни утверждали независимое положение объекта, а вторые – субъекта. Вместо постановки глобальных проблем бытия мира философия должна обратиться к тому, как происходит апперцепция, «схватывание» вещи в актах сознания, как происходит наслоение прошлого опыта, предрассудков, предположений. Среди всех учеников Гуссерля наиболее был успешен в развитии феноменологии как прикладной философской методологии Р. Ингарден. Если Н. Гартман, М. Шелер, М. Хайдеггер выстроили собственные отвлечённые феноменологические миры, Ингарден не отдалялся от требования практического применения феноменологии. Именно поэтому результаты его исследований востребованы в культурологии и эстетике, а также могут быть развиты в других социогуманитарных областях познания. Феноменология культуры Р. Ингардена (многослойность сознания и текстов, интенциональность социокультурных объектов, конкретизация точек неопределённости) имеет точки пересечения на макро-уровне и с синергетикой, которая обращена к изучению сложных нестационарных объектов.

Культурные тексты и символические системы – это сложноорганизованные системы с множеством элементов: квази-временного горизонтального измерения и вертикального слоя, состоящего из слоя звучания, слоя значения, сюжетного слоя и слоя видов. Если бы текст был закрытой системой, то по второму закону термодинамики его ждала бы культурная энтропия, постепенное угасание смыслов. Однако из-за открытости сознания, его интенци-

ональности, тексты являются открытой системой, аттракторами для индвидуальных и коллективных субъектов, ищущих легитимацию, удовлетворение своим жизненным устремлениям. Некоторая совокупность текстов выступает коридором аттракторов в формировании личного и общественного сознания. С другой стороны, индивидуальное сознание также выступает своеобразным аттрактором, влекущим текст к новому прочтению. Текст – это открытая, эволюционирующая среда, обогащённая обратными связями с множеством реципиентов.

Возникновение специфического толкования текста, т. е. его индивидуальной конкретизации, означает, говоря языком синергетики, попадание в поле притяжения одного из креативных аттракторов: «Функционирование творческой интуиции и продуктивного воображения предстает, с синергетической точки зрения, как самоорганизация, самодостраивание визуальных и ментальных образов, идей, представлений, мыслей. Термин “самоорганизация” означает здесь спонтанный (случайный, непредсказуемый) рост структур нового знания, а также собственный, обусловленный внутренними закономерностями рост этих структур. Самодостраивание визуальных образов и ментальных образований представляет собой заполнение пробелов в сетях знания, самоконструирование целого из частей».[1]

Конкретизация – это нелинейное явление, она зависит от некоторых коэффициентов, от свойств среды. Существует несколько решений нелинейных уравнений, аналогично возможно несколько конкретизаций. Каждая конкретизация может эволюционировать по своему, со своими нестабильностями и обострениями. Коллективная конкретизация вырастает из малых индивидуальных флуктуаций, перерастающих в социальные резонансы. Подвижность социальных взаимодействий делает конкретизацию подоб-

[1] *Князева Е. Н.* Синергетическое видение креативности человека // Грани научного творчества.– М., 1999. С. 50.

ной шнуровке (бутстрапу), она может связывать самые неожиданные факты, смыслы, социальные группы, а затем распадаться, подобно органическим медицинским швам. Множественность конкретизаций отвечает потребности подвижной согласованности событий социального хаоса.

Ф. А. Тихомирова

ЛОГИКО-СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В философском наследии А. И. Уёмова значительное место занимают вопросы методологии науки и ее развития. На философском факультете ОНУ им.И. И. Мечникова проведено исследование логико-системных оснований интеграции и дифференциации научного знания. Привлекает внимание системный подход А. И. Уёмова к классификации наук. Опираясь на категории вещи, свойства, отношения, выдающийся отечественный логик и методолог, соответственно, различал и три основных типа наук. Показано, что устоявшаяся классификация наук, построенная в соответствии с представлениями о формах движения материи (деление наук на естественные, гуманитарные, социальные и технические) требует пересмотра.

Исследование необходимости диалога между естественным и гуманитарным познанием, взаимодействия между различными типами знания становится общепризнанной тенденцией современной духовной культуры.

С помощью двойственного системного моделирования представлены системные модели естественного и гуманитарного знания. Показано, что эти теоретические системы дополняют друг друга, поэтому их противопоставление, либо редукция, утрачивает смысл. Такие универсальные мыслительные операции, как анализ и синтез, в их трех разновидностях (реистической, атрибутивной и реляцион-

ной) могут быть рассмотрены как логические основания процессов дифференциации и интеграции научного знания. Необходимо также различать онтологический и гносеологический аспекты анализа и синтеза в рассматриваемых разновидностях. Системная классификация процессов интеграции и дифференциации научного знания может быть проведена на основе типологии аналитико-синтетических процессов, введенной А. И. Уёмовым, и развитой его учеником, А. В. Чайковским. Механизмы интеграции и дифференциации научного знания допускают формальное представление с помощью языка тернарного описания (ЯТО).

А. Ю. Цофнас

ДИФФЕОМОРФНЫЕ СИСТЕМЫ

Целый ряд атрибутивных системных параметров в общей параметрической теории систем А. И. Уёмова получил соответствующее формальное представления. Реляционным параметрам, к числу которых относится диффеоморфность, «повезло» гораздо меньше. В топологии этот термин означает такое пространственное отождествление объектов, которое допускает трансформацию одной вещи в другую. Безразлично, что рассматривается – мяч, куб или мыльный пузырь – в топологическом смысле эти вещи одинаковы.

По-видимому, диффеоморфность встречается и за пределами объектов топологии. Не в топологическом, а в либерально-демократическом смысле, диффеоморфны страны Европейского Содружества (ЕС). Несмотря на политические, экономические, языковые, культурные, территориальные различия, в социально-политической и культурной структуре жизни этих стран есть такая общая часть, которая позволяет жителям этих стран легко менять место жительства. Этого не скажешь о тех, кто прибыл из стран за пределами ЕС, которые стремятся образовать диф-

феоморфное подобие своих стран – нечто вроде чайна-таунов.

Поскольку про любые системы не бессмысленно утверждать, диффеоморфны ли они друг другу или не диффеоморфны, предлагается данное свойство рассматривать как системный параметр с двумя значениями. Можно попытаться выразить это свойство на языке тернарного описания, предложенного А. И. Уёмовым:

$$(\imath A,\ \imath A')\ \textit{Диффеоморфные системы} =_{df}$$

$$=_{df} \{\{([\imath\imath a(*\imath A)])t \bullet ([\imath\imath\imath a(*\imath A')])t\} \rightarrow$$

$$\rightarrow \{(\imath\imath a^{\cup} \Leftrightarrow \imath\imath\imath a^{\cup}) \rightarrow (\mathrm{j}\,\imath A\ \mathrm{j}\,\imath A')\}\}$$

Формула позволяет судить о том, что всякая диффеоморфность свидетельствует об изоморфизме, но не наоборот, поскольку изоморфизм не предполагает отождествления субстратов, а диффеоморфизм предполагает.

Е. Н. Шелестова

УЁМОВ И СОКОЛОВ[1]: СИТЕЗ СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Синтез философско-научной и художественной деятельности носит характер двойственной природы. Ученый-философ ищет красоту формальную в уравнениях, в симметрии, в гармонии, а художник-философ стремится к абстракциям, где истина и красота объединяются через добро. А. Уёмова и О. Соколова объединяла «способность беспокоиться раньше других» (Дж. Солком) и творить в эпоху «футурошока», вызванного, по О. Тоффлеру,

[1] Олег Аркадьевич Соколов (1919—1990) – один из самых известных одесских художников. См. о нём: http://www.sokolov.odessa.ua/; а также http://ru.wikipedia.org/wiki/. А. И. Уёмов был весьма тесно знаком с О.А. Соколовым, ценил его творчество.

научно-технической революцией, которая привела к «внезапной ошеломляющей утрате чувства ориентации». Наука и искусство вынуждены были объединить усилия, подав друг другу руку и как бы «обменявшись ролями» – ученые стали адептами «красоты», а художники – жрецами «истины». В результате под пером одного и под кистью другого рождались «сверхновые» гностические ценности, направленные на стабилизацию и позитивную эволюцию восприятия и мышления.

Г. В. Штаксер

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ ЯТО И ИХ ФОРМАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

На логических семинарах А. И. Уемова поддерживалось мнение о том, что язык тернарного описания (ЯТО) получит признание вне нашей школы в следующих двух случаях:

(1) будет доказана необходимость некоторых (желательно, наиболее интересных) специфических логических свойств этого языка;

(2) будут получены некоторые новые результаты с помощью ЯТО, например, в виде нетривиальных теорем параметрической ОТС.

Для современных логик указание их свойств, таких как непротиворечивость, минимальность системы аксиом, полнота, разрешимость всей логики и отдельных фрагментов, вычислительная сложность, выразительность, конструктивность операций логики и т. п. становится, пожалуй, обязательным. Более того, считается важным указание свойства не только некоторой базовой логики, но и ее возможных расширений. К сожалению, подробного исследования логических свойств ЯТО не проводилось.

Относительно тезиса (2) можно сказать следующее. На первых этапах развития параметрической ОТС предпринимались попытки обнаружить общесистемные теоре-

мы, столь же фундаментальные, как, например, законы Ньютона в физике. Но однажды на одном из семинаров А. И. Уемов высказал мнение, что это невозможно[1].

Представляется, что к этим двум случаям можно добавить еще один:

(3) можно попытаться вызвать интерес не к самой логике ЯТО, а к заложенным в этой логике идеям, либо к определенным особенностям ЯТО (которые отличают данную логику от классической). При этом данные идеи могут быть выражены как средствами, близкими ЯТО, так и классическими средствами.

Перечислим некоторые (далеко не все) интересные идеи, которые актуальны и в настоящее время.

I. «Отношения меняют соотносимые ими вещи». Эта идея, характеризующая взаимное влияние вещей, свойств и отношений, может быть оценена как системная. Данную идею оказалось возможным реализовать классическими средствами. Причем фрагмент используемой классической логики, в некоторой мере, подобен ЯТО: в основании этого фрагмента, так же, как и в ЯТО, отсутствуют упорядоченные списки аргументов отношений.

II. Определение в ЯТО понятий «истина» и «ложь», использование разных символов для контрарного и контрадикторного отрицания. Отметим, что различные подходы к пониманию основных понятий логики («истины» и «лжи») достаточно актуальны в настоящее время. Не исключено, что уемовский подход все еще может дать некоторый новый (никем пока не предложенный) взгляд на проблему.

III. Интересна структура правильно построенных формул ЯТО, т. е. формул без сокращений. Образно ее можно сравнить со стихотворением «Дом, который построил

---

[1] Автор, по-видимому, ошибается. Высказывал ли А. И. Уёмов такое мнение или нет, но, по крайней мере, в одной его публикации (The Ternary description language // General Systems.– Part 3) содержится доказательство семи закономерностей параметрической ОТС в качестве теорем ЯТО. – *Примеч. ред*.

Джек» (такое сравнение приводил, в частности, и А. И. Уемов). Т. е. вначале формулируется некоторое исходное предложение, а затем мы можем строить сколь угодно длинные уточнения. Как утверждает Л. Л. Леоненко, подобная структура позволяет точнее, чем в классической логике, отобразить грамматические группы предложения.

IV. Идея, позволяющая делать с помощью ЯТО выводы на самом общем философском уровне. Некоторые аксиомы ЯТО имеют непосредственно философский характер, например, «любой объект имеет некоторое свойство». Предположим, нам нужно определить некоторую систему философских понятий. Тогда, по образцу аксиом ЯТО мы можем попробовать определить для этой системы набор философских предпосылок.

V. ЯТО предполагает некоторый вариант силлогистики. Если выделить ЯТО-силлогистику как некоторый базовый вариант языка, то для этого варианта, по-видимому, можно будет сформулировать некоторые общелогические свойства. Заметим, что аналогичным образом в достаточно сложной логической системе "Онтологии" Ст. Лесневского была выделена силлогистическая часть в виде "Элементарной онтологии" (эквивалентность "Элементарной онтологии" и некоторого варианта силлогистики была доказана В. А. Смирновым).

Во всех перечисленных случаях существенно следующее. Если для формализации идеи мы используем конструкции ЯТО или близкие к ним, то для требуемого фрагмента логики необходимо определять логические свойства. То есть условие (1) сохраняется, но оно становится несколько проще, поскольку необходимо уточнить свойства не всего языка ЯТО, а только некоторого его фрагмента.

Замечание. В свое время на системном семинаре А. И. Уемов утверждал, что свойства логических систем (такие как полнота и др.) могут быть заменены системными параметрами. На этом пути также не исключены нетривиальные результаты.

И. А. Янушевич

ТЕОРЕТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Современное переводоведение, ориентируясь в своей основе на лингвистические нормы перевода, не внесло ясность в выявлении характера «шагов» по осуществлению самого процесса перевода. Поэтому ничуть не сократилось многочисленное количество жалоб, которые высказывают сами переводчики в связи с малой эффективностью, трудоёмкостью процесса перевода, отсутствием четких критериев в оценке его достоинств и недостатков. Эти недостатки становятся теперь особенно очевидными, поскольку современный научно-технический прогресс ставит новые вопросы, связанные с созданием искусственного интеллекта, необходимостью получения и сохранения информации (в том числе в виде переводов с иностранных языков), с общей тенденцией к глобализации культурной жизни.

Все это указывает на необходимость включения в общее переводоведение какой-то части, которая была бы организована на рациональных началах – как общезначимая научная дисциплина, а не только как «искусство переводчика». Ясно, что разработка этого аспекта переводоведения невозможна без проработки его методологических оснований, и вопрос состоит в том, чтобы найти адекватные данной задаче методологические средства.

Основные вопросы переводоведения так или иначе связанны с оценкой адекватности и качества перевода. Для решения этих вопросов приходится, с одной стороны, сравнивать тексты перевода и оригинала как две системы по их системным характеристикам, а, во-вторых, рассматривать текст перевода в системе культурных коммуникаций, в которую он по необходимости включается. Это обусловило обращение автора к системному подходу. При этом автор столкнулся с необходимостью выбора из различных концепций системного подхода и с поиском среди

них концепции, адекватной решаемым задачам. Таковым оказался системный подход, положенный в основу общей параметрической теории систем (ОПТС)[1]. Данная теория ориентирована не на количественный анализ, а на качественный. Именно в этой теории вводится понятие целостности в роли важнейшей системной характеристики (атрибутивного линейного системного параметра) и предложен способ оценки ее степеней, а также вводится само понятие адекватности как одного из реляционных системных параметров. Данная теория использует в своём арсенале логический вывод и номологические объяснения. Всё это дает надежду на повышение объективности и строгости оценки работы переводчика в результате интерпретации им текста оригинала.

Прежде всего, системный подход позволяет переводчику (или аналитику качества перевода) идентифицировать ситуацию перевода. Системное представление ситуации перевода будет разным – в зависимости от того, какой концепт выбирает переводчик. Либо он, обращаясь к переводу, решает свою собственную задачу, продиктованную жизненными обстоятельствами, той культурной средой, к которой и обращен перевод; тогда текст оригинала рассматривается им как средство для решения именно этой задачи. Он может создать, например, дайджест, или адаптированный перевод и т. п. Либо он стремится предложить читателю текст оригинала в качестве представителя той культурной среды, в которой этот оригинал был создан. В этих разных ситуациях требования к переводу не могут быть одинаковыми.

ОПТС позволяет также различать те ситуации перевода, которые могут быть названы, соответственно тому,

---

[1] Для работы я использовала такие работы: *Уёмов А. И*. Системный поход и общая теория систем.– М.: Мысль, 1978: *Уёмов А. И., Сараева И. А., Цофнас А. Ю*. Общая теория систем для гуманитариев.– Warszawa: Wydawnictwo Universitas Redeviva, 2001. *Цофнас А. Ю*. Теория систем и теория познания.– Одесса: Астропринт, 1999.

как различают виды понимания, «интернальным» и «экстернальным» переводом. Если текст интересен сам по себе, безотносительно к его культурному контексту, как это часто бывает с переводами научных текстов, с большинством учебников и т. п., то этот перевод преимущественно интернален. Но доброкачественные переводы художественной литературы требуют обращения к культурному контексту оригинала, к замыслам автора, анализу подтекста и т. д. (это – экстернальный вариант). Машинный перевод любых текстов пока ограничивается почти исключительно первым случаем. Разбор ситуаций перевода позволяет переводчику сформулировать презумпции для каждого данного случая.

Приступая к анализу перевода, необходимо иметь в виду, что переводимый текст может быть понят как система в самых разных смыслах и с разными структурами, и это каждый раз надо определять переводчику, чтобы не было двусмысленностей. Построение произведения, стилистика, стихотворный размер, сюжет, фабула и т. д. – все это структуры, но разных систем. Эти системы не должны смешиваться при анализе. С системной точки зрения ситуации перевода, в зависимости от цели переводчика и от этапа перевода, могут быть классифицированы и по системным дескрипторам первого порядка – концептуальные (типичный пример – авторизированный перевод), структурные (научные тексты, преобладающее стремление передать в ином языке стихотворный размер), субстратные (подстрочный перевод). Аналогично классификация может проводиться по дескрипторам второго порядка: концептуально-структурные, структурно-концептуальные и т. п. переводы. Перевод стихотворных произведений, апеллирующих, как правило, уже к заранее заданной структуре, можно отнести к ситуации перевода структурно-концептуального типа, в то время как перевод большинства прозаических произведений – к концептуально-структурной ситуации.

Системные классификации ситуаций перевода значимы при оценке его качества. Уже в первом приближении проводится либо сравнение перевода и оригинала, представленных как системы (это делается чаще всего), либо сравнение перевода и культурного контекста, в который этот перевод помещается. Если концепты оригинала и перевода не совпадают ни полностью, ни хотя бы частично (нерелевантный перевод), то сравнение становится невозможным, «перевод», в лучшем случае, должен рассматриваться как самостоятельное произведение.

Проблема оценки качества перевода не может быть решена не только вне отнесения его к конкретной ситуации перевода, но и без проработки соответствующих понятий, в которых эта оценка производится. С помощью обращения к реляционным системным параметрам можно развести понятия «релевантный перевод», «адекватный перевод» и «эквивалентный перевод». Релевантный перевод должен совпадать по своему концепту с замыслом оригинала или концептом той культурной среды, которой перевод адресован. Адекватным переводом можно считать такой релевантный перевод, который отличен от оригинала (или той системы коммуникаций, в которой он выступает как подсистема) по своему субстрату – не только по языку, но, возможно, и по иным выразительным средствам. Так, если переводчик переводит идиомы иными идиомами, более понятными читателю, такой перевод адекватен. Эквивалентным же переводом может быть назван такой адекватный перевод, который совпадает со сравниваемой системой еще и по структуре (случай системной изоструктурности): перевод стихотворения иным стихотворным размером может оказаться адекватным, но не эквивалентным.

Адекватность, релевантность, изоструктурность являются точечными реляционными параметрами. Но к оценке качества перевода могут быть привлечены и атрибутивные системные параметры, в том числе линейного

характера, такие, как целостность или сложность. В частности, при интернальной ситуации перевода степень целостности и сложности перевода и оригинала должны соответствовать друг другу, хотя при экстернальной оценке они не обязательно совпадут. Совершенно очевидно, что к оценке качества перевода могут привлекаться и другие атрибутивные системные параметры, такие, как завершённость, полнота, стабильность, стационарность, элементарность и др., которые позволяют осуществлять безэталонное (качественное) измерение, предполагаемое параметрической теорией систем.

Таким образом, можно утверждать, что в общем переводоведении имеется аспект, допускающий создание рационально выраженной и общезначимой концепции, в какой-то мересоответствующей стандартам научных теорий. На данном этапе эволюции переводоведения такая концепция, по-видимому, могла бы быть системологической.

APPENDIX

А. И. Уёмов

ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА «ЗА РЮМКОЙ ЧАЯ»

История этой беседы такова. В советские времена, даже в период так называемого «заката застоя», Авенир Иванович частенько переживал, что в статьях и книжках он мог опубликовать далеко не все, о чем ему тогда думалось. И дело было не только в идеологическом контроле и в советских «канонах» публикаций, но и в ином. Как видно из текста, некоторые свои идеи А. И. считал еще недостаточно зрелыми, а читателей – недостаточно подготовленными для восприятия этих идей. Как-то (это был 1983 год) я предложил ему: «А не записать ли Вам свои «размышлизмы» хотя бы на магнитофон? Ведь потом многое просто забудется». Он сразу же согласился, но поставил условие – сделать запись в домашней обстановке. И добавил: чтобы разговор был непринужденным, пусть на столе стоит бутылочка-другая вина, и пусть это все же будет не лекция, а как бы беседа «за рюмкой чая». А иначе это станет напоминать то, как будто ты пошел в лес и прокричал все это в дупло.

Вскоре мы с женой (Альбиной Овчинниковой) пригласили его на обед, я поставил магнитофон (пользовался я тогда советскими кассетами, далеко, надо сказать, не лучшего качества), и беседа состоялась. С тех пор прошло 30 лет…. Уже нет той страны, в которой мы тогда жили. Некоторые из тогдашних «сырых» мыслей Авенира Ивановича я позже увидел все же опубликованными (например, в его книжке «Системные аспекты философского знания» (Одесса, 2000), а также в нашем учебном пособии «Общая теория систем для гуманитариев» (Варшава, 2001), а другие, увы, так и остались на той забытой кассете. Теперь, когда А. И. уже нет с нами, я вспомнил о старой записи. Увы, она оказалась настолько плохого качества (особенно последние 20 минут),

что если бы не усилия моих бывших аспирантов А. А. Федорова и Е. М. Ивановой, запись вряд ли удалось бы восстановить – даже в том неполном виде, как она здесь приводится. Я внес в текст лишь незначительные поправки. Это связано с тем, что устная речь все же отличается от письменной, особенно, если она ведется во время обеда. Однако форму беседы и особенности стиля устной речи А. И. я старался максимально сохранить. Примечания к тексту сделаны мною. Там, где запись оказалась неразборчивой, это обозначено многоточием в квадратных скобках. Предположительная же расшифровка текста приводится в фигурных скобках.

Надеюсь, что читаться этот текст будет с учетом тогдашнего времени и конкретной обстановки. Вероятно, Авенир Иванович, будь он жив сейчас, свои мысли по обсуждаемым вопросам выражал бы иначе.

А. Цофнас
2014 г., Одесса.

*
* *

Уёмов: Так вот… Лев Николаевич Толстой в своей «Исповеди» отметил поразительную вещь. С одной стороны, людям больше всего интересны такие вопросы как здоровье, бодрость, энергия, долголетие – то, что просто называется «счастьем». А об этом наука молчит. Никаких успехов она в этом плане не имеет, чтобы объяснить, каким образом человек всего этого может достичь. С другой стороны, у ученых довольно большие успехи в области физики, биологии. Но, к сожалению, все то, чем гордится наука, никакого интереса у обычного человека не вызывает.

Цофнас: И все-таки…. Ведь вызывает интерес то, что касается происхождения человека от обезьяны, может ли машина мыслить…

Уёмов: Конечно, некоторые вещи могут задевать человека в определенный момент времени, ну, скажем, когда он начинает «петушиться». Скажем, вот он хочет прослыть эрудитом – ну, тогда он начинает интересоваться, может

ли машина мыслить. Это, по-видимому, единственный вопрос, который действительно поставлен современной наукой таким образом, чтобы возбудить массы. Но всё же о том, что интересует человека *действительно* больше всего – наука об этом ничего не говорит. Вы можете провести эксперимент: на двух аудиториях повесить объявления. На одной: «ЗДЕСЬ ВЫ УЗНАЕТЕ, КАК ПРОЖИТЬ СЧАСТЛИВО ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ»; а на другой: – «ЗДЕСЬ ВЫ УЗНАЕТЕ, МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ». Ну, и посмотрите, сколько народу зайдет в одну и другую аудитории.

Цофнас: Я полагаю, что ни в одну, ни в другую не пойдут, а пойдут в дискотеку...

Уёмов: Проведите эксперимент. Если пойдут в дискотеку, то по той причине, что они просто не будут верить в то, что вы действительно дадите им хорошие ответы. Они это раньше проверили на своей шкуре – как раз то, о чем говорил граф Толстой: ученые всегда треплются о том, что интересно, но то, в чем они действительно достигают успеха, на самом деле людям совершенно неинтересно.

Но пойдем дальше, потому что если мы будем так оживленно дискутировать уже по поводу первой фразы, то мы не доберемся до последней. То, что вам действительно необходимо, спрашивайте, а на все остальные вопросы я подробно отвечу дальше.

Граф Толстой, естественно, направляет свою мысль в сторону религии. Религия, на мой взгляд, действительно дает ответ на главные вопросы. Не всякая религия, но есть такие религии, которые дают ответ. Как быть здоровым, энергичным, счастливым, ну, если не в этой жизни, то в той жизни, которая будет потом. Правда, что касается восточных религий, то я думаю, они дают ответы на то, как стать счастливым уже в этой жизни. Религия, или то, что с нашей точки зрения, может быть, не совсем религия, например дзен-буддизм, различные варианты йоги – про них трудно сказать религия это или не религия. Тем не ме-

нее, на Востоке пытаются дать ответы на все эти вопросы. И так как современный европейский человек не получает ответа от науки, а он всем этим интересуется, то он обращается к Востоку, и вполне понятен тот бум, который сейчас вызывают йога, дзен-буддизм, суфизм и прочие восточные штучки. Но лично меня это не устраивает. Я интересуюсь Востоком, с удовольствием читаю то, что у нас доступно, то, что попадает мне в руки, но все же я, по-видимому, воспитан в традициях западной, то есть, в конечном счете, эллинской, культуры, и меня не удовлетворяет то, во что мне предлагают все-таки *верить*. Конечно, определенная доза веры необходима – иногда не очень значительная, иногда чрезвычайно значительная. Если бы я погрузился в какую-то иную культуру, тогда бы я, наверное, мог поверить. Или же испытать на себе некоторые упражнения, скажем, посидеть в темной пещере длительное время, и тогда, может быть, я действительно стал бы сторонником этих направлений. А так как моя жизнь не дает такого опыта, то мой интерес к Востоку носит ограниченный характер.

Вместе с тем, я категорически не приемлю и Запад, в этом плане я полностью согласен с графом Толстым: ничего наука нам не говорит в ответ на этот вопрос – как достичь здоровья, энергии, долголетия. И даже не понятно, у какой науки об этом спрашивать. Вот физика, ну, она объяснит, как там летают протоны, электроны… Я несколько утрирую...

Овчинникова: У философов надо спрашивать, наверное?

Уёмов: У философов... Вот возьмем в качестве философа, скажем, меня. Я могу, например, объяснить, почему материя первична, а сознание вторично и как оно, это сознание, из материи возникает, я расскажу, как эволюционировала материя, что такое пространство, что такое время, что такое причинность, могу подвергнуть резкой критике идеализм...

Цофнас: ...На худой конец, про исторический прогресс, или на самый крайний случай, в историко-философском плане, кто и что говорил о смысле жизни.

Уёмов: Да, о смысле жизни... Ну, еще скажу, что надо делать. Нормативная сторона в философии развита – надо за жизнь бороться, и так далее. Но вот спросишь, будешь ли ты в будущем счастлив или нет, а тебе скажут, что в общем и целом – да, а ежели не будешь – такова твоя индивидуальная судьба. А общий закон, тем не менее, проявляется в отдельных индивидуальных судьбах... И философия не может конкретно сказать тебе, Петрову, Сидорову, Иванову, как тебе быть счастливым. Может сказать, что ты должен делать, но гарантии на счастье, естественно, не даст.

Медицина, вроде бы имеет дело со здоровьем, она как бы непосредственно отвечает за здоровье. Но на самом-то деле, если разобраться, этого нет. Медицина не знает, что такое здоровье. Она знает, что такое болезнь, она знает как лечить тебя. Но здоровым человеком она никогда не интересуется: здоровый – это не тот человек, который сулит какой-то барыш.

Цофнас: Это как отрицательные определения в логике.

Уёмов: Совершенно верно. Вот я возьму такой простой пример, совершенно простейший. Медики постоянно борются против табака, «курить – здоровью вредить» – все знают? Все знают. Алкоголь употреблять – тоже здоровью вредить, наркотики употреблять тоже плохо. А хоть один медик, вот мной, например, заинтересовался – в том плане, что я много раз пытался научиться курить, но не смог. Почему? Есть люди, которые органически не приемлют табака, есть люди, которые органически не приемлют алкоголь и органически не приемлют наркотики. А кто ими интересуется? Да никто. То есть медикам это просто неинтересно. Медицина интересуется человеком, уже развалленным ку-

рением. Доктор поможет ему или поругает: «Зачем же вы курили? Не надо курить, надо бросить...».

Цофнас: ...Или не поможет, а просто напишет еще одну статью в журнал.

Уёмов: Да, не поможет. А как лечат больного человека? Они лечат его так же как мертвого. Они смотрят, какой там процент того-то, того-то и того-то, значит чего-то добавить, чего-то убавить. В свое время, в Средние века, все это было значительно более определённо – все болезни за счет нарушения равновесия таких-то жидкостей. Значит, у вас какой-то жидкости мало – вот вам ее вольют, какой-то много – выльют. Кровопускания практиковали от любой болезни. Но тогда это была грубая физика. Теперь-то мы поднялись до химии! Но грубость осталась та же, может, ее стало даже больше. От любой болезни лечат таблетками, всякими микстурами. Чего-то больше, чего-то меньше, то есть лечат так, как если бы мы были бы трупами. А мы живы, у нас душа есть. И вот получается такая трагическая коллизия: кто-то пытается лечить душу, но ему наплевать на тело – как всевозможного типа религии и то, что к религии близко. Но в это люди, европейски воспитанные, не могут поверить, слишком многое требуется принять на веру. С другой стороны, лечат тело, а не душу – опять получается чистейшая ерунда. Какой здесь возможен выход?

И вот я стою перед личным выбором: как-то определять свой путь, свой способ решения всех этих вопросов. При этом философ должен допускать все что угодно, в том числе и то, что наука не принимает. То есть я не верю в абсолютную науку, в то, что наука уже все доказала и все ей известно. Может быть, правы как раз те, кто не опирается на науку? Вот, скажем, Болотов Борис Васильевич[1],

[1] По-моему, именно в 1983 г. в Одессу приезжал экстрасенс и целитель Б. В. Болотов. В те годы, когда экстрасенсов официально не признавали и даже преследовали, прибыл он полулегально, для лечения женщины, больной раком. Принимали его дома у А. И. Уёмова, а также у меня и других. Этот «запретный плод» вызывал тогда у нас не-

утверждает, что он путешествовал в Индии, ходил там по каким-то подземельям и прочее. Над ним посмеивались. Но я его слушал без всякого выражения скепсиса на лице. Я не имею права на этот скепсис. А вдруг он прав? Но я не имею права и на доверие. Потому что я, как и другие, в это тоже не очень верю. Все ведь может быть. Ну, вот говорят, что обезьяна может сесть за машинку и напечатать «Гамлета», хотя это и маловероятно. Может это быть? Может. Хотя, я не поверю в это практически, но теоретически допускаю. Теоретически допускаю, что Болотов во всем прав. Теоретически допускаю, что правы те, кто говорят, что Сатурн – это скрученный дьявол.

Выходит, таким образом, каждый сам должен искать свои решения и выход из различных ситуаций. Я выход нашел в своей концепции, которую сам создаю, но сейчас я не могу много говорить об этом. Необходим эзотеризм – обращение к чрезвычайно узкому кругу людей, чтобы это не распространялось дальше. Есть две причины этому. Первая причина в том, что знание – сила. Даже есть журнал с таким названием. Впервые это, по-видимому, сказал Френсис Бэкон, и это воспринималось как гимн человеческому знанию: как хорошо иметь знания. Потому что думали, что сила – это хорошо. Но сила-то бывает разная, силы-то бывают и разрушительные, даже чаще всего они разрушительные и есть. Теперь мы практически начинаем это осознавать. Ну, например, если вам скажут, что вы скончаетесь через полтора года. Ну, не лично вам, а вашему соседу. Так он уже эти полтора года жить не будет!

поддельный интерес. Обращала на себя внимание развернутая концепция Болотова относительно лидерства и долголетия. Он, между прочим, утверждал, что лидер бывает только парным: за спиной любого лидера-мужчины всегда скрывается невидимая миру Она, и наоборот. А еще он обещал жить долго, чуть ли не вечно, – благодаря своей особой системе питания и «подпитки» энергией. Между прочим, Болотов и сегодня, в свои 84 года, пропагандирует «жизнь без таблеток». Сведения о нем есть в Интернете. – *А. Ц.*

Цофнас: А, может, только тогда он и начнет жить?

Уёмов: Не в смысле действий! Он, может быть, начнет преодолевать свои половые комплексы, он, наконец-то, объяснится в любви кому-то, или наоборот, изнасилует кого-то, что, возможно, тоже будет его хорошо характеризовать в этом смысле. Но счастлив он не будет. Мне так кажется. Я бы на его месте, если б мне сказали, что я скончаюсь через полтора года… – нет, я не был бы счастлив. Даже если бы мне сказали, что я скончаюсь ровно через восемьдесят лет. А вообще-то я рассчитываю перевалить на вторую сотню. По-видимому, каждый рассчитывает на это. Выходит, знание опасно. Именно потому, что это – сила.

Но вот некоторые суфисты… Гурджиев – есть такой, модный сейчас, автор, между прочим, о нем написано даже в философской энциклопедии. Есть у нас очень хорошее издание, пять томов. Так там в статье «Успенский» можно прочитать про Гурджиева, будто он говорит, что ежели знание передавать кому-то, то у тебя его меньше останется. Это он распространяет на знание своего рода закон, относящийся к материи, и поэтому становится опасным распространять знание. В общем-то идея забавная, ст*о*ящая того чтобы над ней задуматься. Но лично я в нее не могу поверить.

Цофнас: Мне кажется, от передачи знание только умножается.

Уёмов: Да-да, и я так считаю: отдавая – сам приобретаешь. Значит, я думаю дело не в том, что ты теряешь знание. Но возможна опасность, что знание будет использовано всуе, будет употреблено не так, как тебе бы хотелось, хотелось тому, кто это знание передает. В этом вся штука. Кроме того, знание, обращенное к очень широкой аудитории, таит опасность единомыслия. Когда люди мало знают, то каждый думает по-своему, и каждый стремится к чему-

то своему. А если все будут знать одно и то же, и будут стремиться к одному, произойдет жуткая катавасия.[1]

Вот, например, все вдруг узнали, что в Черноморке по дешевке продают мясо[2] или еще что-нибудь. Это, между прочим, пример не мой, а Бертрана Рассела, но у него не про мясо было сказано. Он пишет, что вот если бы у всех одновременно возникла идея отправиться в Рочестер…. Жуть бы, что получилось! Но, слава богу, одни хотят ехать домой, другие – в Брайтон, третьи еще куда-то. Понимаете, все едут в разные стороны!

Я где-то читал, или кто-то мне говорил, что в Америке существует такая проблема. Нашли великолепное средство против беременности – потрясающее, гораздо лучше, чем презервативы – особого типа таблетки. Женщина таблетки принимает, и – может общаться со всеми, с кем она хочет. И никакой опасности. Но открыли побочные действия этого средства: в этом случае в организм великолепно проникает вирус. Этот вирус затем, фактически, не ощущается, женщина продолжает чувствовать себя энергичной, активной. Вроде бы это великолепно, но это и страшно. Женщина, желающая избежать беременности, будет принимать эти таблетки и – погибнет. Если сразу все это узнают, то, во всяком случае, возможны какие-то крупные катавасии на этот счет. Поэтому американские медики решили «завязать» с этим делом и не пропагандировать таблетки от беременности широко – именно потому, что они хороши.

---

[1] Вообще-то, А. И. Уёмов был принципиальным противником тоталитарного строя, для которого характерно требование единомыслия. – *А. Ц.*

[2] Надо ли напоминать, что в 80-е годы мы жили в условиях дефицита всего – от мяса до туалетной бумаги. Предметы первой необходимости приходилось не «покупать», а «доставать». Между прочим, Авенир Иванович, был большой любитель мяса и различных изделий из него, хорошей колбасы, например.

Вторая причина, почему я не хочу сейчас со всеми этими идеями выступать публично – это потому, что идеи мои недостаточно обоснованы. Есть какие-то идеи, которые обоснованы, они уже сейчас могут пробиваться сквозь броню всевозможных логико-математических формул. Вот, уже в этой книжке[1] некоторые мои мысли опубликованы, они уже «пошли». Некоторые люди-то, потребители науки, уже смекнули, что можно делать. Ведь вот Мелешкин[2] где-то, по крупному счету, человек не очень чистоплотный в карьере. Но и он, имея в виду свою карьеру, понимает, что вот такая штучка ему пригодится. Понимаете?

Цофнас: Он просто прославляет свой Институт.

Уёмов: Нет-нет, не в этом дело. Ну, не будем отвлекаться на Мелешкина. Дело в том, что все эти перепечатки моих идей появились после смерти Мелешкина, но делалось это от его имени. А уже потом ко мне обратились с вопросом: «Авенир Иванович, а вам известно?» – Известно. «А что вы об этом думаете?» – Я говорю, что если при этом будут ссылаться на мои работы, то я к этому терпимо отношусь…

Так вот, недостаточно обосновано все то, о чем мы далее будем говорить. А это вытекает из системного подхода, если его понимать как следует. Передо мной сейчас стоит задача не переходить к слишком широкому плану. А то опять можно будет сказать: «А-а-а... все это общий трёп!».

Все это преамбула. Теперь, прежде чем говорить о том, как достичь здоровья, долголетия, счастья и так да-

---

[1] Я, сколько ни силился, не смог вспомнить, какую А. И. принес тогда с собой книгу. По-видимому, это была книга, изданная Институтом экономики АН Украины.

[2] В 1983 г. А.И. Уёмов заведовал отделом теории управления и системного анализа в Одесском отделении института экономики АН Украины. М. Т. Мелешкин (1918-1985) тогда занимал должность директора данного научного учреждения. Про него говорили, что он «руководитель сталинского типа» и «блестящий организатор науки».

лее, нужно осмыслить с теоретико-системной точки зрения: а все-таки в чем причина того, что приносит нам основное горе? Ну, и что приносит горе человеку? Болезнь и смерть? Мысли о смерти, болезнь сама по себе? Свою смерть человек не ощущает, это, в общем, был аргумент еще у Эпикура: пока вы живы – смерти нет. Но, тем не менее, пока я жив смерти нет, а мысль о смерти есть. Если бы у нас не было мысли о смерти, то было б конечно лучше.

Можно, конечно, поставить другой вопрос – почему возможна радость на свете. Этот вопрос тоже очень интересен, я коснусь его далее. Сейчас я просто не в состоянии все разобрать, и пока сосредоточиваю внимание на одной стороне дела. Значит, как избегнуть самого тяжелого, т. е. избежать болезни, избежать смерти, во всяком случае, в обозримой перспективе. Не вообще сделаться бессмертным, как боги, но оттянуть этот неприятный момент подальше. И чтобы в принципе было возможно его оттягивать до бесконечности. Но для этого надо ответить на вопрос: а от чего приходит смерть? И что такое смерть? И зачем она нужна, и кому она нужна? Вот это основное, на что должен быть получен ответ.

Цофнас: Когда Вы про смерть говорите, то имеете в виду собственную смерть, или смерть Ваших близких, или – вообще?

Уёмов: Собственную – она меня больше всего интересует. Но и Вашу, и Альбинину, но конечно, прежде всего, свою, естественно. А также вообще – смерть индивидуума.

Цофнас: А скажем, творческую смерть, когда успех тебя покинул, это вы со счетов сбрасываете?

Уёмов: Понимаете в чем дело, я имею в виду под смертью отсутствие жизни, не просто существование в состоянии анабиоза на кровати, когда уже ничего не можешь делать. Я имею в виду здоровый, активный образ жизни. Вот что. Веселый, бодрый, жизнерадостный – вот такой образ жизни.

Цофнас: Понимаю. Но, скажем, ведь встречаются жизнерадостные идиоты и, наверно, это тоже не очень желательно.

Уёмов: А что здесь не желательно? Я пока этот вопрос не ставлю. Я считаю, что у людей много всяких предрассудков. Сейчас у вас есть предрассудок – против того, чтобы быть идиотом. Я, например, его не разделяю. То есть, я считаю, что если я хочу быть счастлив и если мне докажут, что для этого я должен стать идиотом, я тут же стану идиотом. В отличие от вас. Я думаю, что я буду меньшим идиотом, чем вы, который откажется стать идиотом ради того, чтобы быть счастливым. Но это уже мое убеждение. А вы, значит, закомплексованы предрассудком – не быть идиотом, хотя не понятно, зачем им не быть.

Цофнас: Ну, хорошо, я немножко иначе задам вопрос. Вот Вы здоровы, Вы знаете, что Вы будете долго жить, но разве Вы не будете страдать от того, что не сможете больше написать «Вещи, свойства, отношения» или ЯТО-4[1].

Уёмов: Да, я не буду страдать. Я имею в виду то, что я называю счастьем – отсутствие болезни, отсутствие страданий, наличие радости и так далее. Как преодолеть страдание – вот об этом идет речь. Но существуют чисто негативные ответы, например, в восточных квазирелигиях, в частности, в буддизме. Каким образом избежать страданий? Уйти для этого в нирвану? Что такое нирвана, ясно мне никогда не было. Может быть, это хорошо. Если я с помощью тех методов, которым я доверяю, смогу убедиться в том, что это хорошо, тогда я буду погружаться в нирвану. Но пока мне это не нужно. Я думаю, что в рамках западной культуры тоже можно найти выход. То есть, я могу быть счастливым больше, чем другие люди, и при

[1] Как раз в это время был подготовлен четвертый, к тому времени наиболее развитый, вариант ЯТО, который ежегодник «Системные исследования» опубликует в 1984 году.

этом продолжать свою обычную жизнь, если я пойму что такое смерть. Опять же, я снова подчеркиваю, что действую в рамках западной культуры. Быть может, я здесь ошибаюсь, может, западная культура сама никуда не годится – это уже вопрос другой.

Так вот, все-таки наука, хотя она и не даёт (я подчеркиваю во избежание недоразумений) ответа на те вековые вопросы, о которых говорит Толстой, но она даёт некоторые предпосылки ответу. То есть данные науки могут быть использованы человеком, который сумеет их привести в систему, дать им определенную цельность – всем этим данным. Не существует никакого логически обоснованного доказательства того, что смерть неизбежна. Есть доказательство такого типа: все, что имеет начало, имеет и конец. Непонятно откуда это взялось.

Цофнас: Это средневековая идея?

Уёмов: Она не обоснована. Эта идея сама имела начало, и она тоже может иметь конец. Таким образом, она сама себя опровергает. Что касается данных биологии, то они свидетельствуют о прямо противоположном – не все индивиды смертны. Вот, например, сейчас существуют такие живые существа, которые жили еще в момент начала жизни на Земле. Это – простейшие. Они размножаются делением, то есть в любом простейшем есть капелька, пусть и мизерная, той протоплазмы, которая была несколько миллиардов лет назад.

Цофнас: В этом смысле и человек бессмертен.

Уёмов: Но всё простейшее и состоит из протоплазмы такого рода. То есть человек в целом иной, чем какая-то мизерная часть простейшего.

Цофнас: Зато гены у человека – те же самые.

Уёмов: Ну, хорошо, вы можете оспаривать. В таком случае я могу несколько по-другому поступить, потому что у человека есть некоторый факт, называемый смертью. Кто-то родился, кто-то умер. А где аналог смерти у простейших? Хотя наши биологи, воспитанные в духе энгель-

совской диалектики природы, все время пытаются это сделать – т. е. привести аналог, но они меня никогда не убеждали. Я изучал биологию на философском факультете по Панкратову. Простейшее делится, оно при этом умирает? Нет. Возникает два других элемента. Оно остается живым, но только в двух формах. Опять делится пополам. Где смерть? Когда можно сказать: вот тут произошло умирание? Смерть – это конкретное свойство определенного типа, связанное с продолжением жизни половым размножением. Вот когда возникло половое размножение, тогда и возникла смерть. То есть смерть непосредственно связана с полом. Так же как всякое страдание и всякая радость тоже связаны с полом. Проблема пола является кардинальной в вопросах жизни и смерти. Нужнó ли половое размножение, спрашивается?

Цофнас: А вот в мире цветов, как там насчет половых различий? Впрочем, я не шибко в ботанике силен…

Уёмов: То же самое. Там есть размножение – вегетативное.

Цофнас: Размножение – вегетативное. Но, тем не менее, растения умирают.

Уёмов: Ничего подобного. Они не прерываются – так же, как простейшие живые организмы. Умирают только те, которые половым образом размножаются, а если растение размножается вегетативно, оно будет продолжать жить в таком смысле. Возьмите отросток растения, отрежьте, посадите, и из него вырастет то же самое растение. Смерти нет. Смерть – это пол, пол – это смерть.

Цофнас: Ну, хорошо, но ведь то растение, у которого ничего не отрезали – оно живет, живет, но все же умирает.

Уёмов: Это да, это может быть сделано искусственно. Как и с любым простейшим – взять водородную бомбу – бабахнуть, и оно умрет. Но это ненормально, это уже какое-то нарушение естественного процесса. То есть внешние причины всегда могут привести к смерти. Но нет органической, внутренней, природной *необходимости* смерти.

Вот что я хочу сказать. Хотя *возможность* смерти существует всегда для всего живого. А необходимость смерти это только для существа, которое имеет пол – которое либо женщина, либо мужчина. Вот это существо смертно.

Цофнас: Тогда те платоновские андрогины бессмертны?

Уёмов: Наверное, были бы бессмертны. Но там есть еще некоторый вымысел все-таки.

Цофнас: Кто его знает…

Уёмов: Но там был другой смысл, у платоновской легенды, это лежит несколько в стороне от того что я хотел бы сказать. Так вот, все-таки, зачем природа изобрела смерть и ради кого? То есть можно поставить вопрос так: что развивается? В свое время Эвальда Ильенкова[1] мучила мысль: «кто мыслит?» Есть примитивное мнение, что мыслит мозг. Это, конечно, мурá, мозг не может мыслить. Мозг – это лишь мозг. У писателя Беляева есть фантазия по поводу головы профессора Доуэля. Но и это – мурá, голова Доуэля мыслить не могла. И человек в целом, как организм не мыслит. Посадим человека на необитаемый остров или возьмем Маугли, выросшего среди волков (реально таких случаев было много), и так далее – все эти «маугли» не могли мыслить по-человечески. Вот Ильенков и доказывает, что мыслит лишь общество, только общество или только класс.

Цофнас: Общественный субъект, то есть.

Уёмов: Если допустить, что Ильенков в какой-то мере прав, то под это мышление надо найти субстрат. Я аналогично ставлю вопрос о смерти: а кто, собственно, умирает?

Цофнас: А умирает как раз индивид, а общество, наоборот, не умирает.

Уёмов: Правильно. Значит, кто мыслит, кто живет? По-видимому, жизнь с мышлением связана. Если допустить, что Ильенков прав, значит, под его мышление нуж-

[1] Известный советский философ.

но найти жизненный субстрат, и вот эта-то жизнь продолжается теоретически до бесконечности. То есть, никакой логической необходимости в смерти нет. Но мышление общества не тождественно мышлению каждого индивидуума, входящего в это общество. Так же как мышление человека не означает, что любая клетка его организма мыслит. Ноготь я могу отрезать, и это мне ничуть не помешает мыслить.

Так вот, что живет, и что умирает? Каждый человек, получивший возможность думать, думает о себе – *он* должен жить. А на самом деле он живет в какой-то более сложной системе – надындивидуальной, живет жизнью надорганизменной системы, и ради блага этой системы он должен умирать. Это действительно так, и это было показано биологами – простейшие – они и сейчас простейшие, потому как не умирают. Для прогресса общества нужна смерть индивидуума. Интерес надындивидуального субъекта заключен не в индивидууме. А в интересах вот этой надорганизменной «личности» – смерть отдельного индивидуума. В общем, это может показаться бредовой идеей; она, конечно, выходит за рамки европейской науки, хотя и сходна с азиатской наукой.

Цофнас: Я не совсем понял, почему в интересах целого смерть частей?

Уёмов: Вот почему: только таким образом возможен прогресс. Если я хочу прогрессировать, то я должен что-то убивать плохое и оставлять что-то хорошее.

Цофнас: Индивиды же все гибнут целиком – все его части.

Уёмов: Не все. Половые клетки остаются. Точнее, они остаются не от всех. Я могу взять даже модель развития наиболее известную – дарвиновскую, наиболее примитивную. Существует много и других, более совершенных, моделей развития. Но даже и дарвиновская модель такая, что она может что-то объяснить. И половые клетки не гибнут, а гибнут половые клетки только тех индивидов, кото-

рые плохи. Скажем так, тех, которые плохо бегают, плохо соображают. Вот они и гибнут – они не оставят потомства. А тот, кто лучше соображает, он оставит потомство. Возьмем разделение полов – на мужской и женский. Мужской пол – активный, активная мужская особь обеспечивает себя максимальным количеством женских особей и всех оплодотворяет. Эта особь обладает какими-то преимуществами – физического, интеллектуального развития, потому что, чтобы завладеть самками, нужна сила и нужен интеллект. А те, у кого нет силы или интеллекта, гибнут – либо сами, либо они не могут оставить потомства. И таким образом происходит прогресс. Если мы сравним какой-то прошлый период – белемниты там, или другие моллюски – это еще дикий примитив. А позже – обезьяны, крокодилы, дельфины, наконец, человек. Мы с вами, здесь сидящие за столом, – венец развития.

Цофнас: Венец развития – и казахи, и узбеки, и туркмены. Именно они оставляют колоссальное потомство.

Уёмов: Нет, Арнольд Юрьевич, ваши казахи и туркмены – это мизерный отрезок времени в сравнении с миллиардами лет, которые мы прожили. Потом, я вам скажу, проблемы, которые ныне перед человечеством стоят – это вопрос другой. Сейчас человечество стоит перед угрозой перенаселения, и какие меры вот этот Дух Человека принимает – это тоже уже вопрос другой. Я исхожу из того, что есть сознание надорганизменное, есть сознание *человечества,* т. е. вот есть такое существо, и оно тоже думает как ему быть. Так же, как мы здесь сидим, и каждый из нас думает: «я – Альбина», «я – Арнольд», «я – Авенир», а Оно думает: «я – Человечество». И оно принимает некоторые меры для самосохранения.

По-видимому, каждый биологический вид обладает таким органическим единством, и тоже принимает свои меры. В последнее время биологи установили потрясающе интересные факты. Как быть виду «лось», когда его задирают волки? И он, этот вид, принимает решение: а стану-ка

я размножаться двойнями! И лось начинает размножаться двойнями, и сохраняется экологическое равновесие, и волки не могут сожрать всех лосей. Понимаете? А дальше я могу ответить и про узбеков, туркмен и прочих. Говорят, проблема современного человека – рост гомосексуализма. Но, по-видимому, это тот ход, который принимает Homo sapiens ради своего спасения.

Цофнас: Ну, причем тут рост гомосексуализма, когда речь идет о размножении узбеков? У них по 12 человек детей в семье.

Уёмов: А они пока еще подотстали. Homo sapiens оперирует передовыми народами – англичанами, французами, американцами, которые давно предыдущие стадии прошли, и русскими, которые европейский образ жизни перенимают.

Цофнас: Ну, так гомосексуализм же был еще у древних греков.

Уёмов: Правильно, есть некоторые пики в развитии культур. Такой пик был у греков.

Цофнас: А что, греки тоже страдали от перенаселения?

Уёмов: Да, для того времени у греков было жуткое перенаселение. Для того уровня развития производительных сил и так далее. Вот греческие колонии. Если бы у греков не было перенаселения, зачем бы они основали Одессу? Жили бы у себя в Греции, но они начали заселять всё. Но колонизация – это только один из способов избавления от излишков населения. Ну хорошо, мы отвлекаемся, здесь масса возможностей уйти в сторону. Все-таки я хочу продвигаться дальше, несмотря на ваши вопросы.

Так вот, короче говоря, смерть моя – я говорю о себе – происходит потому, что так надо Homo sapiens. Но я, хотя и индивид, тоже мыслящее существо. А он, сукин сын, рассуждает о человечестве в целом. Но и я тоже не промах. И вот тут я начинаю задумываться (поскольку я приобретаю свой собственный эгоизм, т. е. мне тоже хочется по-

дольше пожить) о механизмах, каким образом Homo sapiens меня приканчивает. А приканчивает он меня, опять-таки, через основной механизм – половой. Через моих детей. Это отображено в мифах. Вообще, конечно, громадный был рывок в сознании – это древние греки. Мы еще, по-видимому, не достигли тех вершин, на которых были древние греки. Но они оставили массу разных мифов. Вот миф о Кроносе, которого пожирают дети.

Цофнас: Так сначала он их сам вроде бы пожирал.

Уёмов: Да, он пожирал, правильно. Кронос их пожирал… Верно. Он их пожирал, а потом они его прикончили, Зевс его прикончил. И дальше опять аналогичный миф об Эдипе, который прикончил своего отца. Вот это конфликт: основной враг – это дети.… Здесь мы опять-таки ступаем на путь эзотеризма. Представляете, если бы я выступил с такими заявлениями? Все перестали бы рожать. Это было бы очень опасно.

Как это происходит? Ну, в первобытном состоянии, в периоде дикости, в общем-то, никто очень долго не заживался, не потому что люди тогда были менее здоровы, более болезненны, не глотали таблетки и так далее. Просто было больше реальных опасностей. Вот идет человек, на него нападает, скажем, саблезубый тигр или пещерный медведь, и он тут же кончается. Или напал представитель враждебного племени. А ежели человек все же заживется до глубокой старости, то тут уж детки приходят – веревочку ему на шею и душат.

Цофнас: Нет, там не совсем так было. Там съедали в холодную зиму кого-нибудь слабенького…

Уёмов: Все это детали. Но понимаете, по-моему, все эти детали про холодные зимы – это все сущая ерунда – что съедали из-за голода, из-за холода, то да сё... Я тут конечно гипотезы строю, я так рассказываю. Понимаете, в эпоху более развитую – ну как это родителей убить? Если у тебя есть чувство гуманности, то ты не будешь убивать, даже если очень хочется пообедать. Это был ритуал

такой – убийство родителей. Ритуал. Ты сыт по горло – только съел пещерного медведя, а папеньку своего прикончить надо, зажился человек. Это был ритуал, они были к этому подготовлены.

Цофнас: Я потерял ниточку Вашего рассуждения. Так как же Вы решаете эту проблему?

Уёмов: Я говорю: чтобы выскочить из этого круга, я должен понять, каков механизм убийства индивидуума родом. Механизм такой существовал, в древности он был прямым, непосредственным – детки брали и душили…

Цофнас: Но это что, каким-то образом помогало им продлевать собственное существование?

Овчинникова: Они занимали место родителей, их жизненное пространство.

Уёмов: Верно. Но это было традицией, они усваивали обычаи предков. Таким образом, это помогает виду, хотя, может быть, не помогает конкретному племени – это уже детали. А теперь как? Вспоминаем лекции Александра Борисовича Пупко.

Цофнас: Альбина не знает, кто такой Пупко. Это любопытная фигура.

Уёмов: Да, любопытная. Он сейчас уже, по-моему, уже полковник. Вот он читал нам лекцию о том, каким образом исторически эволюционировало убийство людей. Что такое поражение, убийство противника? Это поднесение к его телу метательного снаряда. Вот таким образом можно убить врага. Сначала орудие убийства должно быть приложено непосредственно к телу, а потом стало возможным это делать на расстоянии – пускать дротик, стрелу и так можно убить издалека. А потом, уже совсем на больших расстояниях. То есть если проанализировать это с точки зрения западной науки, западной физики, то мы увидим просто переход от механики к более сложным разделам физики, скажем, к теории электромагнитного поля. В конечном счете, сейчас уже убивает поле, ударная волна. Взрыв – что это такое? Это поле.

Цофнас: Уже элементарными частицами можно убивать…

Уёмов: Да, но частица – это никакая не частица, это тоже волна, некоторое сгущение и так далее. Это – поле. Но даже не в этом дело. Возьмем простую взрывную волну, например, от порохового взрыва. Это уже никакая не элементарная частица, это сгущение воздуха, которое распространяется с очень большой скоростью. И это – поле. Так вот, до сих пор люди не знали, а сейчас это становится все более ясным, – живые существа убивают друг друга с помощью полей. А прежде они убивали с помощью зубов, клыков и другими способами при непосредственных контактах.

Если мы проанализируем поведение животного, какого-нибудь хищника, {…то заметим, что животные сначала предупреждают о намерении убить: рычанием, особой позой и т.д.…} – это угроза, указание на то, что последует что-то неприятное. Идеологическая атака, так сказать. Уже сама угрожающая мимика представляет собой реальное, чисто физическое воздействие на противника. Все это то, что сейчас назвали бы биологическим полем. Причем можно убить уже одним этим полем. Живое существо после этого может и скончаться. Либо оно будет уже не в состоянии что-либо предпринять. Иногда просто убегает, когда ранено этим полем. Моя идея состоит в том, что убивает, прежде всего, именно поле.

Цофнас: Вот так Герман в «Пиковой даме» и убил старуху.

Уёмов: Совершенно верно. Можно привести массу исторических примеров такого типа. Если человек не хочет другого человека, он его убивает тем, что плохо о нем отзывается. А потом это обычно объясняют эмоциональным переживанием. Но я считаю, что это воздействие поля. Так был убит Рафаэль, известный художник, и ряд других. […]. Женщине может быть отвратителен половой акт, особенно со стариком. И когда старик начинает на нее слишком пре-

тендовать, то она его элементарно убивает. И он кончается не от того, что слишком возбудился, а от того, что это она его убила свом биополем.

Но что такое биополе? Проблема в том, что понятие поля вообще отдает мистикой. И очень долго физики никак не хотели пускать его в свою науку. Велась многовековая дискуссия об этом. […] Поэтому, если мы занимаемся теми вопросами, о которых сейчас говорим, то {при описании ситуации} поступим так: не ясно, *что* в одном случае, и не ясно, *что* в другом, но в обоих случаях речь идет об одном и том же. А в языке тернарного описания есть символ неопределенности – *а* маленькая, и есть йота-оператор[1]. Они вполне приспособлены для выражения подобных ситуаций. […]. …{Из истории физики известно, что сначала поле пытались описать на языке механики}, потом эти механические аналогии были отвергнуты, а уравнение Максвелла продолжало существовать. Так же поступим и мы с описанием биополя. Если мы признаём физическое поле, электромагнитное поле, какое-нибудь еще поле – ядерное и так далее, то что нам мешает признать и биополе? А если мы его признали, то что же дальше? А дальше мы примем, что поле может не только разрушать, но и восстанавливать. Если есть мертвая вода, но должна быть и живая вода.

И здесь тоже можно привести много примеров. Прежде всего, общение между матерью и ее желанными детьми. Именно желанными. Если ребенок нежеланный, мать его уничтожает. Если желанный, она его сохраняет, даже если {он болен} и находится в жутком состоянии. По всем медицинским канонам он должен был бы умереть, но она сказала: «будет жить!». И он живет. Непонятно почему живет, но живет! Бывает, что мать нарожает 15 детей, а оставляет только четверых, желанных. Нежеланных, конечно, оплакивают.

---

[1] В ЯТО они обозначаются как *а* и как *ι*.

Цофнас: Но все-таки ведь и желанные дети тоже умирали, их оплакивали и так далее…

Уёмов: Вот чем больше оплакивают, тем больше можно подозревать, что ребенок был нежеланным: ведь нужно было сделать так, чтобы никто не догадался, что мать его убила. Поэтому она должна особенно ретиво его оплакать. Ну, разумеется, здесь нет никаких жестких законов, есть и доля случайности. Конечно, существует масса вариантов..{Все это неоднократно описывалось и в художественной литературе, примеров тому много}.

[……] [1].

[1] Последние 10 минут записи расшифровать, к сожалению, не удалось.

В. И. Фалько

ОДЕССЕЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствовал долго, впервые Иваново город покинув,
Многих людей, города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем, и духом, умом и руками творил он.
Море влекло, когда был он на самом краю Ойкумены,
Став мореходом во Владике, дальше пошёл в инженеры:
Техника и математика тоже его увлекали,
В политехническом Дальневосточном учился два года.
Но победил «Человеком» своим многомудрый Гельвеций,
Отбыл в Москву, как назначили боги, с брегов Океана,
Встречен там был орудийными залпами и фейерверком:
Зевс громовержец велел привечать Авенира салютом,
Взяв под свое покровительство странника и любомудра.
Волею мудрой Афины, богини богинь, Авениру
Встретился богоподобный учитель по имени Асмус,
К логике он пробудил интерес своей лекцией яркой;
Лик обладателя тайны науки в душе Авенира
Запечатлелся на всю его жизнь от общенья с учёным
И в результате прочтенья научных трудов Валентина.
Сей человек на плечах своих поднял всю тяжесть борений
Умственных века страстей, как сказал о нём доблестный Лосев;
Эта духовная ноша была тяжелей оси мира,

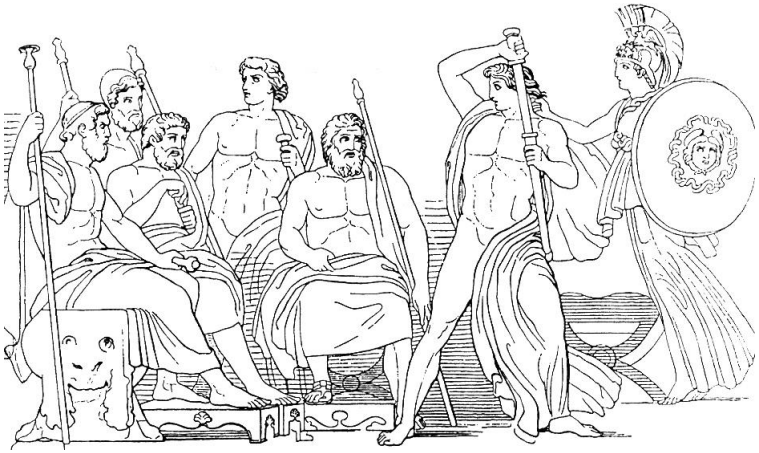
Той, что держали Атлант и Геракл – хоть какое-то время
Силою духа и разума он наделён был от Бога –
Бога Творца триединого, в коего искренне верил.
В Киеве, в школе Святого Владимира он обучался,
Первый учитель Зеньковский на путь Валентина наставил.
Асмусом был вдохновлён Авенир, чтобы стать любомудром;
Логики знаньем Уёмов сразил профессуру столицы,
Сдал без труда и латынь, одолел и другие предметы,
Стал философии он обучаться; скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Софья Яновская, также достойная имени Мудрой,
Тёзке своей – Ковалевской была в математике равной,
Мысль философскую в логике с точной наукой сближала;
К строгой науке стремился Уёмов в стране философий,
Следуя Логосу в мысли и мудрым беседам внимая,
Идолов рода, пещеры и рынка, театра сражал он.
Да, не питал он к театру Диониса благоговенья,
Больше ему по душе был всегда идеал Аполлона;
И не простили Уёмову это менады-вакханки,
Вынесли выговор на заседанье бюро комсомольском;
Но не смогли принести в жертву богу его бассариды.
Был подвергаем Уёмов гоненьям партийных инстанций:
Те обвиняли его, будто он не служил Прометею;
Сколько, о Муза, пришлось пережить Авениру!
Вот за плечами его МГУ, факультет любомудрый,
Красный диплом получил, защитив выпускную работу
«Время-пространство в теории релятивизма Эйнштейна».
Знал ли отличник-студент, что его интерес темпоральный
Может сыграть эпохальную роль в мировых потрясеньях?
Всё это в будущем; ныне ж становится он аспирантом
Кафедры логики в том же столичном прославленном вузе;

Под руководством Учителя Асмуса мудрым, умелым
Взялся за темы, которых никто не исследовал прежде;
К истине путь пролагая сквозь книжное море и бури,
Странник достиг тех пределов, каких не знавал
Аристотель.
Есть ли еще, подскажи мне, о Муза, тот тип аналогий,
Что не исследован был бы в научных трудах Авенира?
Кроме единственной формы, известной еще Стагириту –
Вывода по аналогии, названного парадейгмой
(Имя ей дал Авенир аналогии атрибутивной),
Свыше полста видов вывода по аналогии новых
Были открыты Уёмовым в годы московской учёбы:
Парою атрибутивному выводу – реляционный,
Иль эмпирическая аналогия по отношеньям;
Изоморфизм важен в технике, и аналогия следствий –
Эти, а также другие легли в основанье моделей.
Логика смыслов теорий подобия стала разгадкой
Тайн аналогии в технике, скрытых от взора учёных
На протяжении двух с половиною тысячелетий.
Против открытий сплотились титаны, кентавры, химеры,
Им помогали опять бассариды, менады, вакханки;
Догмы бесплодные были оружием главным титанов,
Идеология, та, что душила свободные мысли:
Мол, не считается с авторитетами он и вождями,
Не признаёт, будто, он диалектики «нашей»,
марксистской,
Сами при этом ее подменяли эклектикой пошлой,
Подлою ложью и грубым насильем не пренебрегая.

Авенир отражает нападения гигантов тиранической идеологии

Но при поддержке Учителя и под покровом Афины
Все отразил нападенья врагов настоящей науки,
С этим духовным зверьём расправлялись они беспощадно,
Светом божественной Истины ложь, тьму и зло побеждая.
Подвиги эти продолжились в славной судьбе Авенира,
Ныне ж досрочно, успешно закончил он аспирантуру,
Степень учёную здесь получил за труды и идеи,
Став победителем в рыцарском грозном турнире защитном[1].
Волею Зевса в награду за эти большие свершенья
Смог наш герой любомудрый вернуться в Иваново город.

[1] А. И. Уёмов в своих воспоминаниях пишет, что защита его кандидатской диссертации «была похожа на средневековый рыцарский турнир» (См. его публикацию: «*Вспоминая В.Ф. Асмуса*…», С. 97).



Афина Паллада и Учитель Асмус помогают Авениру отражать атаки противников на защите кандидатской диссертации

. . . . . .

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В славном Иваново – граде ткачих, под покровом Афины,
Ткацким искусством и мудростью ведающей на Олимпе,
В граде невест, в коем нет женихов, лишь одни Пенелопы,
Родиной ласканный, стал создавать свою первую школу
Юный, однако, имеющий опыт и знанья философ.
Здесь он примкнул к математикам-логикам: Мальцева школа
Много в познанье абстрактных систем помогла Авениру.
Муза, поведай нам, как молодой и бесстрашный учёный
В годы, когда под запретом свободная мысль пребывала,
Высказал новые, столь непривычные многим идеи,
Дальше пошёл Аристотеля, глубже Фомы Аквината.
Имя его – Авенир в переводе с наречия галлов
«Будущее» означает, сиречь «Человек перспективный»;

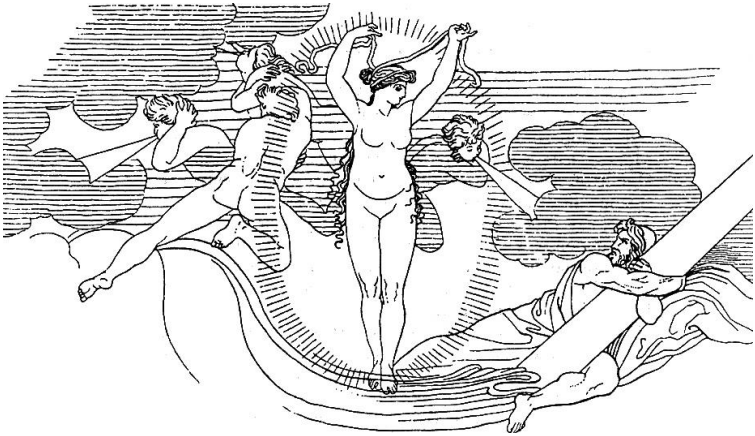
Вот почему привлекает его категория «время».
Время-пространство есть форма субстанции –
Космоса в целом, –
Так полагал он, – материя есть содержание мира.
Эту идею отметил известный немецкий философ[1],
В странах, где мыслят свободно, она получила
признанье.
Самая первая из публикаций Уёмова вышла
За рубежами закрытой от мира великой державы;
Это статья о системах Коперника и Птолемея,
Их релятивности в рамках новейшей науки о мире[2].
Тут всполошились тираны-безбожники в Гиперборее:
«Ты, Авенир, от врагов удостоился лестного слова!
Должен за это нести ты ответ пред комиссией грозной:
Выплывешь ли из пучины морской обвинений тяжёлых?»
Странник пловцом был отменным, ныряльщиком
глубоководным,
Спасся о сам, и не только себя защитил от тиранов;
Смелый, отважный Уёмов в лихие, тяжёлые годы
Смог защитить кибернетику от змееглавых титанов[3]
Эту науку, которую создали дети Эллады,
Новой эпохи учёные сделали самою главной,
Слуги ж тиранов жестоких оружьем врага объявили.
Как, расскажи, на него вновь и вновь нападали титаны,
Но потопить его бездне морской не позволили боги.

---

[1] Имеется в виду высокая оценка, данная философом-неотомистом Г. Веттером статье А. И. Уёмова «*Может ли пространственно-временной континуум взаимодействовать с материей?*» (Вопросы философии.– 1954, № 3) – См.: *Wetter Gustav A.* Dialectical Materialism: A Historical and Systematic Survey of Philosophy in the Soviet Union. 3d print. N.Y.– L., Praeger, 1963, Pp. 292–3, 307, 422–3).

[2] *Uemov A.I. Das Heliozetrishe System des Kopernicus und die Relativitatstheorie*. “Deutsce Zeitschrift fur Philosophie”.– Berlin, 1954, № 2.– S. 418–445.

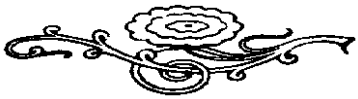
[3] Ивановский педагогический институт. Ученые записки. Т. 8. Кафедра философии.– Иваново, 1955. С. 166–200.



Морская богиня Левкотея спасает Одессея от потопления

Муза, воспой и задачник по логике, лучший из лучших,
Как оценил его в русской истории логики Асмус;
Есть ли сегодня такие издания? Нет их, пожалуй!
Боги не зря постоянно спасали избранника Зевса:
Видно, судьбой предназначен он был для великих свершений.
Мог ли тогда он представить себе, что спустя полстолетья
Мудрость и ткацкий станок для него вновь сведутся судьбою?

……

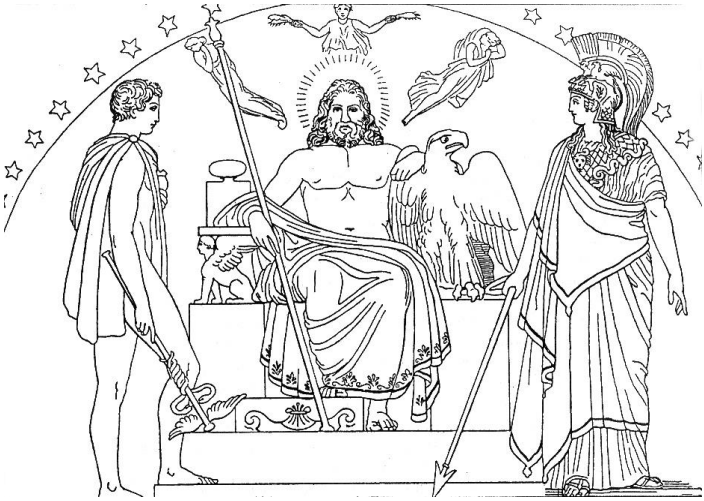


ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов
и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властию первый.
Стала Афина Паллада вещать им о Гиперборее:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть
и теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду отчасти
признавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя
меньше,
Если в стране есть такие, как Лосев, как Асмус, Уёмов –
Те, кто античною мудростью стали равны олимпийцам, –
Мы ей позволить должны чуть ослабить режим
тирании».
Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их режим демократии, столь
не бесспорный?
Разве забыла ты заговор против меня Аполлона?
Я наказал и его, и любимых им гипербореев,
Пусть пастухом он послужит ещё за свой дух
своенравный.
Оттепель ты начинай осторожно сама, как ты можешь,
Так, чтобы таянье льдов не грозило
всемирным потопом».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Ныне лети объявить от богов, что режим тирании

Будет на время немного ослаблен для Гипербореи.
Оттепель как завершится – пусть странник Уёмов отбудет
В край, где немного теплее – пускай это будет Одесса».

……



Совет богов по поводу послабления тирании в Гиперборее и назначению странника Авенира в Одессу

Много тем временем дум воплотилось в труды Авенира;
Вместе с друзьями он создал немало прекрасных творений:
В паре с Овчинниковым Николаем они доказали,
Что, вопреки бытовавшему взгляду в тогдашней науке,
Первый закон знаменитой механики Ньютона вовсе
Не выводим из второго закона, а есть аксиома[1];
Это пример из того, что он сделал в науке те годы.
Как и Овчинников, как и Зиновьев, он не был подвержен
Идолам рыночной площади, догм диамата, истмата,

[1] См.: *Овчинников Н.Ф., Уёмов А.И.* Является ли первый закон Ньютона следствием второго? // Философские вопросы естествознания.– М., 1959.– С. 81–85.

Вместе и порознь в те годы они создавали основы
Логики, методологии и философии знания,
Ими язык создавался науки – живой и формальный.
……..
Муза, скажи, как сумел избежать в ту эпоху репрессий
Зевсов любимец за труд, что классическим признан был после[1]:
В нём излагались идеи, опасные для тирании.
Главный вопрос – о начале всего – есть вопрос философский,
Именно здесь Авенир отступил от основ диамата:
Нет, не материя есть основанье всего мироздания,
Вещи – не только тела, для которых пространство и время
Суть атрибуты, иль формы, в которых они существуют;
Вещи есть всё, о чём можно что-либо сказать и помыслить.
«Вещь – отношение свойств», «Отношение есть свойство вещи»,
«Свойство же есть отношенье вещей»; «Вещь есть свойство»,
«Свойство есть вещь», наконец, «Отношения тоже есть вещи» –
Это начала всего, суть исходные определенья
Той философии новой, искомой взамен диамату.
Ими отверг Авенир и догматику идеализма,
Смело пойдя по пути поиска альтернативы.
Мысленный взор устремив в высоту-глубину мирозданья,
Космос представил он через триаду всеобщих понятий:
Вещи предстали как свойства вещей и как свойств отношенья,
Свойства и этих вещей отношенья он понял как вещи.
Слуги тиранов подвергли б опасный сей труд

[1] Речь, конечно же, идет о книге «Вещи, свойства и отношения».

остракизму,
Боги же отдали эти идеи на суд состязанья:
Пусть их оспорят мудрейшие: Асмус, Копнин
и Зиновьев.
Муза, воспой Копнина, как двоих остальных
оппонентов:
Догмам он не был привержен и склонен был
творчески мыслить,
Логику и диалектику с гносеологией вместе
Он развивал, не боясь выходить за пределы марксизма.
В споре с мужами учёными выстоял с честью Уёмов,
Титулом «доктора мудрых наук» наделил его Киев.
Зевс же созвал на совет всех богов – олимпийских
и прочих,
Чтобы судьбу Авенира решить. Пой, о Муза, пеаны
Вечным богам, небожителям дым воскури фимиамов!
Волею их благосклонной Уёмов был послан в Одессу,
В город прекрасный Понтийский у самого синего моря.
Трудной и славной была Одессея ученого мужа.
……

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов
и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной
живущих.

Нимфа Лампетия извещает Гелиоса
о скором прибытии корабля Авенира в Одессу

Тою порою достигнул корабль до прекрасной Одессы,
Града, основанного Ришелье у Эвксинского понта.
Вышел на брег Авенир, за Афиною следуя мудрой,
Дочь светлоокая Зевса ему наставленья давала:
«Муж достославный, тебе надлежит стать создателем школы,
Взяв под начало своё коллектив любомудров Одессы.
ногое сам, Одессей, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
Дочери Зевса эгидодержавца Афине Палладе
Так отвечал любомудр Авенир, сын Иванов Уёмов:
«Сделаю всё, как велели мне боги, и медлить не стану,
Храмом науки займусь и создам системологов школу.
Будь же и ты благосклонна ко мне, о, богиня Паллада,
Я же тебе принесу сочинения авторитетов
В щедрую жертву: пускай олимпийцы их на ночь читают!».

Спутники Одессея привозят на быках сочинения авторитетов для принесения в жертву Афине Палладе

Стал он Одесскую школу философов-логиков строить;
Дочери Зевса Афина с Кипридой ему помогали,
Самых достойных мужей и талантливых дев предлагая.
Строг был отбор аспирантов, студентов, учёных
для школы:
«Да не войдет в этот храм тот, кто в строгих науках
не сведущ!» –
Этот девиз Авенир повелел высечь прямо над входом.
Логику он положил в основанье системной науки,
Сделал он и любомудрие строго логичным мышленьем.
Все в этой школе упорно с азов начинали учиться,
С тем, чтоб подняться к вершинам
системно-научного знанья,
Вместе с Уёмовым здание новой теории строя.
……

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

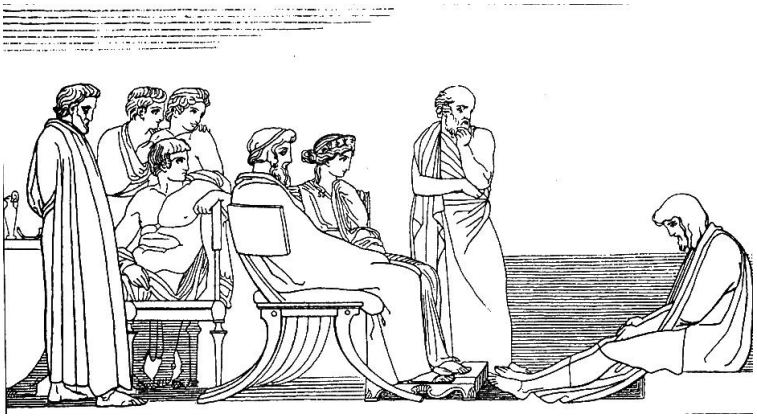
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный житель Одессы;
Платье надев, изощренный портфель на плечо он повесил;
Вышел из дома, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосым университета студентам повелел он
Всю профессуру и всех любомудров созвать на собранье;
Кликнули те; и когда зал Ученых Советов стал полон,
С толстым докладом в руках перед сонмом учёным явился –
Был не один, с ним пришли все его аспиранты, коллеги.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его выходящего видя.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте почётном.
Первое слово тогда произнес благороднейший ректор:
«Выслушать вас приглашаю, учёные люди Одессы,
Слово достойного мужа из нашего храма науки –
Вот он пред вами сидит, осенён совоокой Палладой.
Слово им сказано новое в нашей науке системной,
В логике и в философии много проблем разрешил он.
Но не бесспорно, пожалуй, всё то, что сегодня он скажет;
Будем поэтому строгими в наших оценках доклада».
Кончил речь ректор. Словами его вдохновлён был докладчик;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился.
Начал с цитаты: «Системы повсюду!» – так фон Берталанфи
Принцип системности определял. Соглашусь лишь отчасти:
Каждая вещь может быть как системой, так и не-системой –

Это зависит от взгляда на вещь, задаётся концептом.
Что же такое система? По нашему определенью,
Всякая вещь, находящаяся в отношенье каком-то,
Если оно обладает заранее заданным свойством.
Сказанное я дополню другой дефиницией, парной:
Всякий объект есть система, коль свойствами он обладает
Некими, но состоящими в заданных соотношеньях.
Здесь мы к триаде известной вам:
«вещь–отношение–свойство» –
Тройку добавили терминов, важных в системном мышленьи:
Это – «неопределенное, заданное и любое».
В чем же источник системности? В атрибутивном концепте –
Свойствах, которые заданы определенно и точно;
Целое может быть создано реляционным концептом –
Это есть определенные, заданные отношенья.
Те отношения, что обладают предзаданным свойством,
Реляционной структурой системы назвать предлагаю;
Свойства, что в определенных находятся соотношеньях,
Атрибутивной структурой системы я здесь именую.
Сам же объект как носитель известной системной структуры –
Это, понятно, субстрат, сопрягаемый также с концептом.
Значит, получена нами и третья триада понятий,
Терминов, мною введенных: концепта, структуры, субстрата;
Это триада системных дескрипторов и коррелятов,
Свойств отношений второго порядка во всякой системе.
Свойства, которые определяют системность объектов –
Это значенья системных параметров атрибутивных;
Если же между системами разными есть отношенья –
Это значенья системных параметров реляционных.
Соотношенья значений параметров разных системных –
Это предмет изучения нашей системной науки;

Общей Системной Теории мы заложили основы,
Имя ей Параметрической – ОПТС – мы ей дали.
Наша задача в науке есть поиск системных законов,
Общесистемных параметров, их отношений, значений.
Мы провели доскональное, тщательное изученье
Тысяч различных систем и замерили каждый параметр,
Выявив парные типы систем, на которые делятся классы:
Тип расчленённых систем дополняется нерасчленённым,
Тип завершённых систем – соответственно
    незавершённым;
Так, имманентность и неимманентность –
    параметров пара,
И минимальные с неминимальными – тоже бинарны».
Тут Одессея прервали из зала студенты вопросом:
«Можно ли дать дефиниции названных Вами понятий?»
«Что ж, запишите, диктую вам определения типов:
Если система слагается из одного элемента,
Значит, она называется… правильно, нерасчленённой!
Если ж система делима на части, как некое целое,
Как назовём мы её? Догадаться легко: расчленённой!
Что завершённой субстратно системою мы называем?
Это такой тип систем, чьи структуры нам не позволяют
Ни одного элемента добавить, её не разрушив.
Этот параметр систем применяется и к отношеньям:
Так, по структуре система является незавершённой,
Коль образующее отношенье не задано полно;
Парные им категории определите вы сами.
Далее, пусть из системы структура нам не позволяет
Ни одного элемента изъять, чтоб её не разрушить, –
Мы назовём минимальной подобного типа систему.
Если в системе её образующее отношенье
Связывает элементы одной только данной системы,
Мы назовём имманентною целостность данного типа».
Множество типов систем перечислил в докладе Уёмов:
Каждый из них показал на конкретных
    наглядных примерах,

В числах значенья параметров выразил в данных
табличных,
Опытный путь нахождения соотношений значений
Он описал столь подробно, чтоб каждому стало понятно,
Как были школой открыты десятки системных законов.
Каждый системный закон формулировал чётко учёный:
……
Каждую закономерность докладчик приправил примером,
Лёгкость его изложения зал во вниманье держала.
Чьи-то глаза загорелись, а чьи-то насмешкой сверкали,
Были и скучные лица, а были и те, кто дремали.
Вышел на помощь докладчику друг его, тоже учёный –
Цофнас Арнольд, что сын Юрия, и рассказал анекдоты,
Каждой из закономерностей дал объясненье весёлое.
Над земляком Рабиновичем долго смеялись ученые[1],
Те, кто дремали – проснулись, а те, кто скучали
– всё поняли.
……
Поднялся наистарейший из всех любомудров Одессы:
«Истинно, ты – многомудрый любимец богов
олимпийских!
То, что изрек ты, столь ново, и важно, и так интересно,
Но, не в обиду будь сказано, слишком уж всё эмпирично.
Можно ль законы системные вывести все дедуктивно?
Думаю, ваша теория стала тогда бы бесценной!»
Как окрылился вопросом глубоким докладчик Уёмов!
«Я благодарен за слово твоё, о мудрейший из мудрых!
Ты глубоко смотришь в корень: законы систем выводимы
Из аксиом дедуктивным путём, как в «Началах» Евклида!
Время как раз подошло изложить здесь язык
формализмов,
С помощью коего можно законы систем доказать вам.

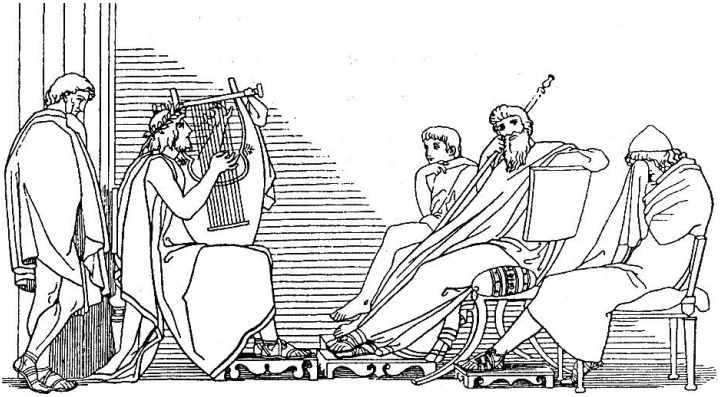
[1] Автор эпоса не слишком строго следует хронологии: интерпретация одесских анекдотов появилась позже (*А.Ю. Цофнас.* Анекдот от Рабиновича в системном измерении // Δόξα / ДОКСА. – Вип. 7. Людина на межі смішного й серйозного. – Одеса. – 2005. – С. 250-255).



Одессей смиренно выслушивает критику
в адрес своей теории

Этот язык состоит из конечного множества знаков –
Символов, то есть, а также конечного множества правил,
Кои гласят, как из символов формулы
правильно строить.
Формулы, если построены правильно, есть предложенья,
Часть из них – это и есть аксиомы формальной системы.
Нет аксиом в ОТС, мной изложенной здесь, перед вами:
Служат для вывода в ней теорем языка аксиомы.
Это язык описанья тернарного, названный ЯТО,
Я изложу вам его алфавит и его аксиомы.
В перечень символов ЯТО включили мы обозначенья
Мыслимых видов объектов: «каких-то» и «определенных»,
И «произвольных», и всех производных от этих понятий:
Это вот – некий объект, что отличен от именно данного,
Вот произвольный объект, что отличен
от именно данного;
«Чэпса» есть ***ч***асть, ***э***лементы, ***п***одмножества, ***с***войства,
аспекты –
Это такой подобъект, что отличен всегда от объекта,
Есть произвольные чэпсы и подобъекты любые;

По аналогии с ними мы выделим и надобъекты –
Некие и произвольные; есть и понятье диспарта –
Это названье объекта, несовместимого с данным;
Перечень видов объектов, описанных в терминах ЯТО,
Мы завершим ограниченным определенным объектом.
Символы для операторов, знаки логических связок –
Прежде всего, импликаций, а также различные скобки:
Вот на листах эти символы, здесь же даны их значенья.
Вот аксиомы, а это вот – правила вывода в ЯТО.
Ну, а теперь мы докажем здесь ряд теорем и законов:
Неуникальности всякой субстратно-открытой системы;
Неминимальности всякой всецелонадежной системы,
Неуникальности всякой всецелонадежной системы…» –
Долго еще выводил теоремы докладчик Уёмов,
Всё исписал он крючками: бумагу, и доски, и стены;
Сбилися с ног ассистенты и мальчики на побегушках;
Цофнас лишь неутомимо под лиру всё пел анекдоты:
Если бы не Рабинович, то вряд ли б понятен был ЯТО.
Публика вскоре взмолилась: «Хотя мы здесь все одесситы,
Нет уже мочи смеяться, и Гелиос в море спустился;
С прениями по докладу нам выступить всем бы хотелось».
Муза, скажи об учёных: откуда энергии столько?
Гелиос снова из моря уж вынырнул на колеснице,
Прения же по докладу закончились только к полудню.
Пели хвалебные оды и критикой били наотмашь –
Не было лишь равнодушных, и в прениях выступил каждый.
К вечеру слава катилася с силой девятого вала,
Стал знаменитым в Одессе Зевесу подобный Уёмов.
…….



Одессей плачет, слушая хвалебные оды в прениях по своему докладу

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос –
Встал и божественный муж Одессей, на работу сбираясь.
Мыслями он уже был в универе, пред студентами стоя,
Взгляд его светлых очей устремлен в бесконечность вселенной,
Лекция по философии здесь и сейчас начиналась:
«Будущее, как и прошлое, в нас пребывает реально,
Так же, как и настоящее; в модусах время едино –
То, что сейчас с вами делаем, определяется прошлым,
Будущим и настоящим; мы пребываем не только
В том, что зовём настоящим, но и в грядущем, и в прошлом.
Мысль и реальность философа – это есть царство свободы,
Знания, взгляды философа не принуждают к принятью –
Как мы обязаны следовать истинам точной науки,
Всё же стремясь ненасильственно нас убеждать аргументом,

Строгим критерием подлинно философичной системы.
В рабстве духовном философа мысли заведомо ложны,
Истинная философия – та, что даёт нам свободу
Мыслить и действовать в мире, чётко при том сознавая
Следствия наших поступков, к которым она побуждает,
Та, что нас учит оценивать критерии и основанья,
Внутреннее содержанье она человеку дарует.
Можно сказать, что оценка валентности
всех философий,
Цельности взглядов, их ценности, внутреннего
совершенства –
Это есть метатеория философических знаний,
Где для системной теории важное место находим.
Но и в решении собственно философичных вопросов,
Где соотносятся целое с целым – другим и с собою, –
Метод системной теории может служить нам надёжно.
Что же такое сей метод? И есть ли такой
тип мышленья?» –
Муза, да ты вся внимание – молча заслушалась песней,
Кто, коль не ты, мне откроет мышленья системного
тайну?
Сам Авенир, вдохновлённый премудрой
Афиной Палладой,
Музе, поэту, студентам вопрос изложил популярно:
«Есть ли такой тип мышленья, который зовётся
системным?
Есть тип мышленья логический, есть и физический тоже,
Тип есть и математический – вовсе не факт,
что системный,
Можно назвать и обыденный, в паре с мышленьем
научным.
В рамках таких типологий нет места системному типу,
Лишь в категориях вещи, плюс свойства и плюс
отношенья
Выявить можно специфику этого типа мышленья;
Будет критерием типов «характер движения мысли».

Базисным, или конкретным, и самым простейшим, мышленьем
Вещь наделяется свойствами иль отношеньем каким-то,
Первое атрибутивным мы, иль дескриптивным, мышленьем
Будем считать, а второе – реляционным мышленьем,
Иль конструктивным, которое строит любые системы
Способом установления требуемых отношений.
Вводим теперь в рассмотрение более сложные типы:
Методы интерпретации и предикации, в паре.
С помощью первого метода реализуется свойство
Или, пускай, отношение в том или этом объекте,
Так, как субъект в предикате признак свой определяет.
А во втором – отношение или какое-то свойство
Вещи приписаны будут, как предикаты субъекту.
Далее, синтез с анализом – методы, типы мышленья,
Всем вам со школы знакомые; первым вы свойство к объекту
Внешне присоединяете, а на основе анализа
В вещи самой вы находите определенное свойство.
Что же есть главный критерий системного мыследвиженья?
Это, пожалуй, умение строить любые системы,
То есть способность, известная как продуктивность мышленья,
В коем есть определённое соотношение между
Типом атрибутивным и реляционным мышленьем;
Двойственное понимание определенья системы
Тоже есть важный критерий системного типа мышленья:
Атрибутивным концептом и реляционной структурой
Мы наделяем модели процесса свершенья открытий,
Реляционным концептом и атрибутивной структурой
Строим модели процесса логических обоснований.
Часто системность мышленья трактуется как всесторонность;
Чтобы ее обеспечить, континуум всех отношений

В данной системе как счетное множество
выразить нужно;
Это решаемо, если системный мы выполним принцип:
Каждую должно систему видеть уметь как дескриптор
Более мощной системы, к примеру, ее элементом.
И, наконец, самый важный критерий
системомышленья –
Выбор такой информации, для полученья которой
Требуется представленье объекта познанья системой,
То есть значений параметров свойств или их отношений,
Прежде всего, обобщённые данные, знанья о целом.
Перечень этот не полный аспектов системомышленья,
Но он дает очертанья системного образа мысли».
«Значит, – спросили студенты, – системному
типу мышленья
Свойственно быть переходом от философских
абстракций
К частнонаучным абстракциям и инженерным задачам?»
«Да, и не только к науке, технике и управленью,
Но и к любым сферам жизни можно найти приложенье
Философических знаний методом системологий.
Да и в самой философии знания тоже системны,
Так что мышленье системное универсально, всеобще».
Муза, ну, как тебе лекция? Что-то ты вновь приумолкла?
Коль тебе всё это ведомо, что было дальше, поведай!
Дальше, поведала Муза, Уёмова слуги тиранов
Снова подвергли гонениям за отступленья от догмы:
«Как ты посмел диалектику – творческий метод
марксизма –
Вытеснить системологией? Это же недопустимо!
Ты говоришь, твои методы в практике будут полезны?
Как нам нужны приложенья науки в народном
хозяйстве!
Можешь не словом, а делом ты нам показать
эффективность

Тех разработок, которыми наших студентов морочишь?»
«Что же, извольте, попробую! – так отвечал им Уёмов. –
Я буду рад к управлению дать приложенья теории».
«Боги послали нам миссию, с честью её мы исполним! –
Так поддержала Людмила в этом решенье супруга. –
«И не оставим занятия логикой и философским
Поиском в сфере тории; наших студентов любимых
Бросить на откуп тиранам нам совесть и долг не позволят!» –
Так порешили избранники Зевса и всех олимпийцев.

Одессей обсуждает с Людмилой планы разработки систем управления экономикой

……

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО А.И. УЁМОВА

Вниманию участников 1-х Уёмовских чтений предлагается письмо Авенира Ивановича, адресованное автору этих строк[1], от 25 мая 2008 года. В нем кратко излагаются страницы его автобиографии с детских лет до времени защиты кандидатской диссертации.

С отдельными статьями и книгами А. И. Уёмова я был знаком ещё в студенческие и аспирантские годы, а сторонником его философских взглядов и пользователем Общей параметрической теории систем стал под влиянием Лады Николаевны Любинской (1923–2009)[2] в начале нынешнего века. В процессе работы над рецензией на учебник «ОТС для гуманитариев» (Варшава, 2001), которая была публикована в журнале «Философские науки», № 3 за 2003 год, познакомился сначала заочно, а потом и очно с его главными авторами – А. И. Уёмовым и А. Ю. Цофнасом.

Встречался я с А. И. Уёмовым в Москве в декабре 2003 года, во время его пребывания там как участника научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. М. Кедрова. Познакомила меня с Авениром Ивановичем Л. Н. Любинская, у себя дома, где он гостил, после чего я сопровождал его в поездках по Москве и на Кедровских чтениях. А затем мы встечались в Одессе. Я нанес ему и Л. Н. Терентьевой визит вместе с А. Ю. Цофнасом, гостем которого я был.

---

[1] Т.е. В. И. Фалько – *Прим. ред*.

[2] Любинская Лада Николаевна – известный московский философ, соавтор А.И. Уёмова, научный руководитель В.И. Фалько.

Во время Чтений Уёмов постоянно был в центре внимания участников, тесно общался со своими давними друзьями и товарищами – ведущими российскими философами, и с молодёжью, которая проявляла живой интерес к личности и идеям главы Одесской логико-философской школы. Доклад А. И. был посвящён вопросам классификации наук. Он в очередной раз продемонстрировал свойственное ему стремление и умение публиковать только новые идеи и наработки, в то же время, оставаясь приверженным своим прежним взглядам, излагая их чётко, ясно и доступно.

Кратковременное знакомство с Уёмовым произвело на меня неизгладимое впечатление, и воспоминания об этих встречах согревают сердце, очищают душу и просветляют мысль. Удивительно светлый человек с молодыми глазами, излучающими мудрость и доброту, исключительно интеллигентный, скромный и одновременно величественный – таким его, наверное, помнят все, кто был с ним знаком. Знакомясь с одесситами, далёкими от философии, я нередко встречал тех, кто знал университетского профессора и очень тепло о нём отзывались.

Личные встречи и нечастые, но искренние письма Авенира Ивановича, рассказы о нём Лады Николаевны и, конечно, чтение книг и статей самого Уёмова сформировали у меня образ человека, достойного быть воспетым в своеобразном эпосе. И я сочинил к его юбилею фрагменты «эпической», а, точнее, фантастической, поэмы, написанной в свойственном её герою юмористическом духе – «Одессея Авенира Уёмова». При этом использовал воспоминания С. П. Никанорова, Н. Ф. Овчинникова, близко знавших Авенира Ивановича, заметку самого Уёмова о себе как аспиранте В. Ф. Асмуса и другие материалы.

Отвечая на этот опус, прототип Одессея, к моему приятному удивлению, высказал восторженную, с долей мягкой иронии, оценку и предложил доработать её с учётом некоторых деталей своей биографии.

Некоторые факты из жизни Авенира Уёмова, изложенные в лаконичной форме, были мне до этого неизвестны. Другие моменты его биографии узнаваемы по уже опубликованным ранее мемуарным материалам, но интересны неповторимостью стиля автора письма.

В качестве приложения к письму, как ответ на выраженное в нём ожидание реакции адресата, предлагаю Первую песнь «Одессеи», доработанную на основе автобиографической части письма А. И. Уёмова. Конечно, именно письмо представляет интерес, независимо от попыток его переложения на далёкое от совершенства нескромное подражание гомеровскому гекзаметру.

А.И. Уёмов – В.И. Фалько, 25.05.2008

Дорогой Владимир Иванович!

Огромное Вам спасибо за присланный подарок: номер «Вопросов философии» и 5 экз. оттисков моей статьи, «50 терминов» Цофнаса[1] *и, конечно же, за «Одессею».*

Я почему-то боялся, что статью о Поппере не напечатают. Поппер, после длительного периода игнорирования превратился сейчас чуть ли не в божество, в замену классикам марксизма. Жду обещанных Вами замечаний по существу статьи.

Это свое письмо я хочу посвятить «Одессее». Я в восторге от этого произведения. Гомер не умер. Он возродился в авторе Одессеи. Вы извлекли всё, что можно было извлечь из официальной биографии, напечатанной в

[1] Речь идет об публикациях: 1) *Уёмов А. И.*. Критика принципа фальсификации К.Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания // Вопросы философии.– 2008, № 4.– С. 91-97. 2) *Цофнас А. Ю.* Методология познания: 50 терминов. Краткий словарь-справочник с методическими указаниями и комментариями. – Москва: Изд-во МГУЛ, 2008. – 58 с. (Послесловие и указатели – проф. *В. И. Фалько*). .– *Ред*.

Словаре Алексеева[1]. Но многое, быть может, интересное для характеристики образа, осталось вне её. Я сейчас об этом напишу. Может быть, Вы что-нибудь используете при доработке.

Предки: отец Уёмов Иван Михайлович – сапожник, мать: Уёмова Елена Михайловна. Фамилию не меняла. У нас полдеревни были Уёмовы. Вначале счетовод, потом бухгалтер.

Вскоре после моего рождения, в связи с тем, что мой дедушка был раскулачен, семья из деревни Поречье переезжает в близлежащий город – Шую. В 1934 г. семья переезжает в г. Вятка, где были лучшие условия для работы. Здесь я пошел в школу. Был «ударником по школе».

В 1935 г. (может быть, 1936 г.) мама сажает меня в поезд, и мы едем долго, долго, пока не приезжаем к дому, на котором написано: «Хабаровск». Здесь мама знакомит меня с мужчиной и говорит: «Вот тебе новый папа». Я возразил: мой папа остался в Вятке. Новая семья стала жить во Владивостоке в доме с видом на море. С отчимом – Леонидом Ивановичем Турбановым (дядей Лёней) мы вскоре поладили. Он был очень интеллигентным, а по специальности, как и мама, – бухгалтер.

Однажды – это было, кажется, в 1940 году, проснувшись, я увидел маму зареванной: Дядю Лёню арестовали. До сих пор помню длинную очередь у ворот тюрьмы, в которой я стоял с передачей. Затем помню последнее наше свидание в концлагере в бухте Находка. Затем дядю Лёню перевели на Север, на Колыму, где он и скончался. Мама потом узнала о причине ареста. Директор организации, в которой работал бухгалтером дядя Лёня, хотел уворовать партию леса. Но для этого нужна была подпись бухгалтера. Дядя Лёня категорически отка-

---

[1] Указано на издане: *Алексеев П.В*. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. – Изд.4-е, перераб. И доп.– М.: Академический проект, 2002.– *Ред*.

зался подписывать. Тогда директор позвонил в ГПУ и сообщил, что он разоблачил врага народа, которого можно арестовать по такому-то адресу. Вот такой был порядок при товарище Сталине!

Моя мама не разводилась с моим отцом. Так что я не считался сыном врага народа.

После окончания семилетки я поступил в морской техникум. Здесь господствовала студенческая мафия. Меня били. Я очень переживал. Однажды я встретил человека, который мне рассказал о Политехническом институте, где студентов не бьют. Окончив 1-й курс морского техникума, пошел туда. Попросил принять. Надо мной посмеялись. Но сказали, что если я принесу документ об окончании десятилетки, меня примут. И летом 1943 года я стал сдавать экзамены за десятилетку экстерном. За лето сдал экзамены экстерном за 8-й, 9-й и 10-й классы. Было трудно. Особенно по органической химии за 9-й класс. Нужно было запомнить массу свойств веществ и реакций. И я придумал. Начал писать стихи. До сих пор помню некоторые. Так, о метане писал:

Представитель сего класса
Есть известный всем метан.
Может быть получен прямо
Синтезом угля и газа.
Газ без запаха, бесцветный,
Пламя светится неярко.
С кислородом смесь опасна:
Как взорвется – будет жарко.

По всем предметам было «5». За исключением моей любимой истории («4»). Сдав за десятилетку, узнал, что имел право сдавать только за десятый класс.

В Политехническом проучился два года: 1943–1945. Потом решил продолжить образование в Москве. Приехал в Москву 3/IX 1945 г., в день победы над Японией. Поступил ради общежития в Институт аэрофотосъемки, гео-

дезии и картографии, но лекций не посещал – сдавал экзамены экстерном за философский факультет МГУ. Был отчислен из института за непосещение. Пришел к декану – Кутасову: Примите меня на 1-й курс, т. к. я сдал экзамены за 1-й семестр. Декан ответил: на первом курсе мест нет, а вот на втором есть. Сдайте экзамены за 2-й и 3-й семестры, и мы Вас примем сразу на 2-й курс. И я сдал! – за одну зимнюю сессию. И в феврале 1946 был зачислен на 2-й курс [философского факультета МГУ], *который окончил в 1949. Пытался поступить в аспирантуру в Институт философии. Но не смог. Нужно было заполнить идиотскую анкету, в которой был такой вопрос: «Состояли ли вы членом Временного правительства?» Я ответил с юмором. Это возмутило представительницу КГБ, которая к тому же разузнала, что у меня был выговор по комсомольской линии (об этом вы пишете).*

Мне вернули документы, в которых были две характеристики: одна положительная, другая отрицательная, написанная тем же самым лицом – нашим комсоргом.

Иду на факультет. Там встречаю профессора П. С. Попова – заведующего кафедрой логики. Он убедил меня поступать в аспирантуру по кафедре логики. Тут же оформил якобы сдачу экзамена, и я был принят. Так я стал логиком, о чем не жалею.

Несколько слов о том, как я защищал кандидатскую диссертацию.

Трагедия была в том, что мой первый оппонент П. С. Попов неожиданно отказался оппонировать. А во всем СССР было только 2 доктора [наук] *по логике: П. С. Попов и В. Ф. Асмус. Последний был моим научным руководителем. Что делать?! И тут возникла спасительная мысль. Диссертация называлась: «Аналогия в современной технике». Значит, технари имеют к ней такое же отношение, как и логики. Пошел в Энергетический институт к директору – академику Кирпичеву. Он был очень удивлен тем, что философ пишет формулы и помог мне –*

выделил в качестве оппонента профессора Баума. И защита состоялась! Трудности были, но не очень существенные. П. С. Попов обвинил меня в том, что мало ссылок на отечественных логиков и много на иностранных (шла борьба против космополитизма). Профессор Ф. И. Георгиев сказал, что диссертация не имеет теоретического характера, т. к. мало ссылок на классиков марксизма. Но все обошлось. Один голос был «против», остальные «за».

Вот и все мои подвиги. Остальное квалифицированно изложено Вами в «Одессее». Сделаю еще 2 замечания по поводу «Примечаний»[1]*.*

1) На с. 31 говорится, что в монографиях[1] *получила развитие тема кандидатской диссертации. На самом деле в них была развита тема докторской диссертации.*

2) На с. 38 говорится о А. Кочергине как московском сотоварище. На самом деле А. Кочергин был студентом, кажется, исторического факультета Ивановского педагогического института. Однажды, заменяя их преподавателя, я прочитал у них лекцию. После нее Кочергин влюбился в философию и поступил в аспирантуру по философии. Мы встречались с ним, главным образом, в Иванове, так что [он] *никак не московский мой сотоварищ.*

Вот пока и все. Жду Вашей реакции.

С сердечным приветом, Ваш А. Уемов.

Передавайте Привет Ладе Николаевне и Лепилину..

25/V 08 г.»

---

[1] Примечания автора «Одессеи» в настоящем издании опущены..– *Ред.*

Приложение

ОДЕССЕЯ АВЕНИРА УЁМОВА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ (*исправленная*)

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствовал долго, впервые Иваново город покинув,
Многих людей, города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем, и духом, умом и руками творил он.
Муза, поведай сначала о детских годах Авенира,
Кто были мать и отец его, как он попал к Океану?
Предки Уёмова издавна жили в деревне Поречье –
В этом названье велением Зевса бессмертные боги
Образ реки Океан воплотили, как знак Одессею:
Здесь, возле града Иваново, Веня на свет появился.
Кровный отец Авенира Иван был заправский сапожник,
Мама Елена Михайловна славным слыла счетоводом.
Дед Михаил был из демоса и раскулачен за это,
После чего Одессею и выпала доля скитальца:
В город с названием Шуя наш Веня с семьей уезжает,
Там подрастает до школы, и вновь переезд –
в город Вятку,
Где приступает к учёбе и званье «ударник по школе»
С гордостью носит. А вскоре он с мамой
в далеких скитаньях.
Сколько, скажи, долгих дней и ночей Веню
с мамой Еленой
Кони в железной упряжке несли на край света,
к Восходу?
Гелиос сбился со счета, сколь много он раз
повстречал их,
Даже Афина не знает, как долог был путь Одессея.
Кони неслись, а чёрные тучи их грив развевались,
Молнии-искры – подобие звёзд – из ноздрей
извергались,
Странникам путь в безднотёмной и страшной ночи

освещая.
Сон-усладитель смыкал утомлённые юные веки,
Мифы и сказки уснувшему отроку ниспосылая.
Гелиос каждое утро глаза нежным светом ласкает,
Ржанием трубным железных коней новый день
пробуждает.
Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, –
Вот, наконец, Авенира и мать в колеснице железной
Кони примчали на Дальний Восход, в дивный город
Хабаровск,
Там их встречал мамин друг Леонид, сын Ивана,
Турбанов.
«Вот тебе новый отец», – так представила сыну Елена
Друга, с которым, однако же, брак она не заключала,
Так и оставшись Уёмовой. Веня ж сказал дяде Лёне:
«Папа мой в Вятке остался, и я – сын Ивана, Уёмов».
Странники путь свой продолжили до берегов Океана,
Стали во Владике жить они в домике с видом на море.
С отчимом – дядюшкой Лёнею – Венечка вскоре
поладил,
Дядя был добрым и умным, и так же, как мама,
бухгалтер;
Честь и достоинство ставил превыше всего дядя Лёня,
Правду как высшее благо Елена и он почитали,
Личным примером давали и сыну урок благородства.
Как-то однажды проснувшийся Веня увидел, как плачет
Мама его безутешно: «Сын, отчима арестовали!
Боги, за что покарали столь честного вы человека?
Он отказался пособничать вору-директору в краже,
Тот и донёс на него, будто бы злейший он есть
враг народа».
Грусти-печали исполнен, направился Веня к темнице,
Длинную очередь выстоял он, принеся передачу –
Боги, как много безвинно страдает в тюрьме
заключенных!

На берег моря пошёл Авенир вместе с мамой Еленой,
Здесь много раз они с дядею Лёней и мамой бывали,
Слушая шум его волн и любуясь его красотою.
Шумно волнуется зыбь Амфириты лазоревоокой,
Гнев сотрясателя вод Посейдона был Вене понятен.
К богу морей, вся в слезах, обратилась с мольбою Елена:
В «О, Посейдон! Помоги нам спасти из тюрьмы Леонида!
Ты, как никто из богов, его знаешь как честного мужа!».
Гулом пучины морской отвечал брат Зевесов Елене:
«Знаю, что он невиновен, но суд мне, увы, неподвластен!
Вестницу Зевса Ириду могу я с посланьем направить
К брату, вершителю судеб людей; я ж – хозяин на море,
Встречу для вас с Леонидом устрою я в бухте Находка».
Рёк, – и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью
Ввысь, в небеса из пучины морской к промыслителю Зевсу.
Выслушав вестницу, ей возразил громовержец Кронион:
«Странные речи с посланьем от брата из уст твоих слышу.
Должен ли я за людей разрешать все земные проблемы?
Если спасем мы сейчас невиновного отчима Вени,
Станет ли он, повзрослев, Одессеем, подобным бессмертным?
Если спасать будем всех, кто безвинно страдает из смертных,
Смогут ли сбросить они ненавистных тиранов режимы?
Пусть испытанья пройдёт Авенир, коль богов он избранник,
Нужно ему заслужить покровительство у Посейдона,
Может Уёмов избранником стать у Афины Паллады,
Я, наконец, уготовил ему от судьбы назначенье.
Ты же лети, от богов объяви Леониду в темнице
Весть о его назначенье, и пусть примирится с судьбою».
Рёк, – и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
Возле темницы на землю сошла и нашла Леонида.
Сумрак холодной темницы она озарила сияньем
Радуги красочной с неба и так говорила: «Мужайся!

Я для тебя с утешеньем от Зевса летела с Олимпа:
Жребий ты вытянул тяжкий, но жертва твоя не напрасна!
Будет в стране твоей праздник, а сын станет
богоподобным!»
После прощанья в Находке с Еленою и Авениром,
Сослан был в край полуночный, на брег Колымы
дядя Лёня,
Где и скончался, как многие, в лагере для заключённых.
Годы прошли, семилетнюю школу окончил Уёмов
И поступил в морской техникум, веря в своё назначенье:
Море влекло, когда был он на самом краю Ойкумены.
Трудно пришлось Авениру: студенческие мафиози
Били его, издевались, чтоб отрок не стал мореходом.
Веня продолжил учёбу в Политехническом вузе,
Сдав в одно лето экстерном предметы за десятилетку.
Трудности были большие, но Веня был очень упорным,
В стих воплощая науки, чтоб легче понять и запомнить:
«Это метан – вещество, представитель известного класса,
Может быть прямо получен он синтезом угля и газа.
Газ сей без цвета и запаха, светится пламя неярко,
Смесь с кислородом опасна: взорвётся – и всем
будет жарко».
Древний гекзаметр помог изучить и другие науки,
Все дисциплины он сдал на «отлично» за среднюю
школу,
Только с любимой историей чуть подкачал он: «четвёрка».
Так и не став мореходом, Уёмов пошёл в инженеры:
Техника и математика тоже его увлекали,
В политехническом Дальневосточном учился два года.
Но победил «Человеком» своим многомудрый
Гельвеций,
Отбыл в Москву, как назначили боги, с брегов Океана,
После двух лет Политехники прибыл Уёмов в столицу.
Встречен там был орудийными залпами и фейерверком:
Зевс громовержец велел привечать Авенира салютом,

Взяв под свое покровительство странника
и любомудра.
Снова досдача экстерном экзаменов за три семестра,
С ними успешно справлялся в короткие сроки Уёмов.
Волею мудрой Афины, богини богинь, Авениру
Встретился богоподобный учитель по имени Асмус,
К логике он пробудил интерес своей лекцией яркой;
Лик обладателя тайны науки в душе Авенира
Запечатлелся на всю его жизнь от общенья с учёным
И в результате прочтенья научных трудов Валентина.
Сей человек на плечах своих поднял всю тяжесть борений
Умственных века страстей, как сказал о нём
доблестный Лосев;
Эта духовная ноша была тяжелей оси мира,
Той, что держали Атлант и Геракл – хоть какое-то время.
Силою духа и разума он наделён был от Бога –
Бога Творца триединого, в коего искренне верил.
В Киеве, в школе Святого Владимира он обучался,
Первый учитель Зеньковский на путь
Валентина наставил.
Асмусом был вдохновлён Авенир, чтобы стать
любомудром;
Логики знаньем Уёмов сразил профессуру столицы,
Сдал без труда и латынь, одолел и другие предметы,
Стал философии он обучаться; скажи же об этом
Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Софья Яновская, также достойная имени Мудрой,
Тёзке своей – Ковалевской была в математике равной,
Мысль философскую в логике с точной наукой сближала;
К строгой науке стремился Уёмов в стране философий,
Следуя Логосу в мысли и мудрым беседам внимая,
Идолов рода, пещеры и рынка, театра сражал он.
Не был Уёмов поклонником дионисийских мистерий,
В Больше ему по душе был всегда идеал Аполлона;
И, отомстив Авениру за это, менады-вакханки
Вынесли выговор на заседанье бюро комсомольском;

Но не смогли принести в жертву богу его бассариды.
Был подвергаем Уёмов гоненьям партийных инстанций:
Те обвиняли его, будто он не служил Прометею;
Сколько, не счесть, испытаний пришлось пережить
Авениру!
Вот за плечами его МГУ, факультет философский,
Красный диплом получил, защитив выпускную работу
«Время-пространство в теории релятивизма
Эйнштейна»[1].
Знал ли отличник-студент, что его интерес темпоральный
Может сыграть эпохальную роль в мировых
потрясеньях?
Надо воспеть нам, о, Муза, Кутасова – был он деканом,
Сделал, что мог, чтоб из техника вышел
хороший философ.
Вспомни анкету, что стала преградою в аспирантуру:
Был ли в Правительстве временном? – Да, он ответил:
Премьером!
Мог ли столь дерзкий философ надеяться быть
аспирантом?
Слово скажи нам, о, Муза, о докторе Павле Попове:
Стать аспирантом по логике он предложил Авениру.
Под руководством Учителя Асмуса мудрым, умелым
Взялся за темы, которых никто не исследовал прежде;
К истине путь пролагая сквозь книжное море и бури,
Странник достиг тех пределов, каких не знавал
Аристотель.
Есть ли еще, подскажи мне, о, Муза, тот тип аналогий,
Что не исследован был бы в научных трудах Авенира?
Кроме единственной формы, известной еще Стагириту –
Вывода по аналогии, названного парадейгмой
(Имя ей дал Авенир аналогии атрибутивной),
Свыше полста видов вывода по аналогии новых
Были открыты Уёмовым в годы московской учёбы:
Парою атрибутивному выводу – реляционный,
Иль эмпирическая аналогия по отношеньям;

Изоморфизм важен в технике, и аналогия следствий –
Эти, а также другие легли в основанье моделей.
Логика смыслов теорий подобия стала разгадкой
Тайн аналогии в технике, скрытых от взора учёных
На протяжении двух с половиною тысячелетий.
Вот подоспела защита, но предал Попов: отказался
Быть оппонентом работы Уёмова-«космополита».
Вдруг и профессор Георгиев стал обвинять диссертанта
В том, что, мол, мало дал ссылок на труд «Капитал»
Карла Маркса!
Вспомни, о, Муза: Уёмова спас Кирпичёв – академик,
Младший в учёной династии, чистый технарь, энергетик.
Баума он оппонентом направил – отвергнуть нападки
В адрес блестящей работы, всё ж вынесенной на защиту.
Против открытий сплотились титаны, кентавры, химеры,
Им помогали опять бассариды, менады, вакханки;
Догмы бесплодные были оружием главным титанов,
Идеология, та, что душила свободные мысли:
Мол, не считается с авторитетами он и вождями,
Не признаёт, будто, он диалектики «нашей»,
марксистской,
Сами при этом ее подменяли эклектикой пошлой,
Подлою ложью и грубым насильем не пренебрегая.
Но при поддержке Учителя и под покровом Афины
Все отразив нападенья врагов настоящей науки,
С этим духовным противником бился герой наш
бесстрашно,
Светом божественной Истины ложь, тьму и зло побеждая.
Подвиги эти продолжились в славной судьбе Авенира,
Ныне ж досрочно, успешно закончил он аспирантуру,
Степень учёную здесь получил за труды и идеи,
Став победителем в рыцарском грозном турнире защитном.
Волею Зевса в награду за эти большие свершенья
Смог наш герой любомудрый вернуться
в Иваново город.
Там Одессея продолжилась плаваньем в море науки.

СПИСОК ТРУДОВ А. И. УЁМОВА[1]

1952 год

1. Гелиоцентрическая система Коперника и теория относительности // Философские вопросы физики. – М.: Изд. АН СССР, 1952. – С. 299-331.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) *Uyemov A. I.* Das Heliozentrishe System des Kopernicus und die Relativitatstheorie. "Deutsche Zeitschrift fur Philosophie". – Berlin, 1954. – № 2. – S. 418-445.

б) (<…> На польском яз.).

2. Аналогия в современной технике: Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1952.

1954 год

3. Может ли пространственно-временной континуум взаимодействовать с материей? // Вопросы философии. – 1954. – № 3. – С. 172-180.

1955 год

4. Реальный смысл проблем кибернетики и их извращение в буржуазной науке // Учен.зап. Ивановского гос. пед. ин-та. – 1955. – Т.8. – С. 166-199.

5. О выводах через ограничение и условиях их правильности. – Там же, С. 251-265.

6. *Ровенский З. И., Уемов А. И.* Против вульгарно-материалистического понимания психики // Там же. – С. 135-154.

1956 год

7. Индукция и аналогия (лекции). – Иваново, 1956. – 40 с.

---

[1] Насколько можно судить, это наиболее полный список трудов А. Уёмова.– *Ред.*

8. Развитие логического мышления учащихся при решении задач // Физика в школе. – 1956. – № 2. – С. 37-43.

9. Что такое материя и каково ее строение? – М., Госполитиздат, 1956. – 78 с.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) Что такое материя и каково ее строение? – М., Госполитиздат, 1957. – 63 с.

б) Что такое материя и каково ее строение? Книга для чтения по марксистской философии. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 80-134.

в) *Уйомов А. И.* Що е материя и какъв е нейният строеж. – София, 1957. – 61 с.

г) *Uiomov A. I.* Ce este materia si care este structura ei. – Bucuresti, 1957. – 83 с.

д) (<…> На китайском яз.).– 1957. – 65 с.

е) *Drujanow, Rosental, Uyemov*. Was die Welt zusammenhalt. – Berlin, 1960.

1957 год

10. *Рузавин Г., Уемов А*. Рецензия на кн.: Сборник статей по логике // Вопросы философии. – 1957. – № 4. – С. 194-197.

11. Логические ошибки. – М.: Госполитиздат, 1958. – 119 с.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) (<…> На китайском яз. / Перевод Ван Дэ-чуня, Ван Дэ-лина, Юй Хуандина. – 150 с.

б) A.I. Ujemov. Vieme spravne mysliet? – Bratislava: Osveta, 1960. – 137 с.

в) A.I. Uemov. Los errores logicos. – La Habana: Editora politica, 1964. – 133 с.

12. О диалектико-материалистическом понимании связей между явлениями // Философские науки. – 1958. – № 1. – С. 67-76.

13. Планы сочинений и правила логики // Литература в школе. – 1958. – № 5. – С. 37-42.

14. Значение логики для преподавания некоторых школьных дисциплин // Ученые записки ИГПИ. -Иваново, 1958. – Т.XIX . – С. 3-16.

15. Выступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания (о кибернетике) X, 1958 // Философские проблемы современного естествознания. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 633-636.

16. *А. П. Галкина, А. А. Макаров, Н. В. Рябушкин, А. И. Уемов.* Об "Ученых записках Московского областного педагогического института" // Вопросы философии. – 1958. – № 2. – С. 148-152. (Рецензия).

17. *Ровенский З.И., Уемов А.И.* Некоторые философские вопросы естествознания. // Вопросы философии. – 1958. – № 9. – С. 121-126. – Рец. на кн.: Сборник статей по философским вопросам естествознания.

1959 год

18. Пустые классы и аристотелева логика // Логические исследования. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 178-188.

19. Predchazi pricina ucinku? // Filosoficky casopis, 1959. – №.6- С. 836-848.

20. *Овчинников Н. Ф., Уемов А. И.* Является ли первый закон Ньютона следствием второго? // Философские вопросы естествознания. – М.: МГУ, 1959. – Т. 2. – С. 81-85.

21. *Антонов Н. П., Галкина А. П., Уемов А. И.* Новый сборник работ философов Московского городского пединститута // Философские науки. – 1959. – № 1. – С. 225-227. (Рецензия).

22. *Уемов А. И., Зуев Ю. И., Исаев А. В., Смирнова Т. Г., Уёмова Е. А.* О сборнике "Мышление и язык" // Философские науки. – 1959. – № 2. – С. 198-204. – (Рецензия).

23. Уемов А.И. Учебное пособие по логике // Вопросы философии. – 1959. – № 10. – С. 164-166. (Рецензия).

24. Импликация и реальность // Тезисы докладов научной конференции ИГПИ 1959 года. – Иваново, 1959. – С. 19-21.

1960 год

25. О временном соотношении между причиной и действием // Ученые записки ИГПИ. – Иваново, 1960. – Т.XXV. – Вып.1. – 94 с.

26. Ровенский З. И., Уемова Е. А., Уемов А. И. Машина и мысль. – М.: Госполитиздат, 1960. – 143 с.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) Masina si Gindirea. – Bucuresti: Editura Politica, 1962. – 160 с. б) Stroy a mysleni. – Praha: Orbis,1962. – 179 с. (Содержит предисловие авторов к чешскому изданию).

в) Mashine und Gedanke. – Urania Verlag, 1962. – 192 с. (Предисловие издателя Г. Клауса).

г) Filozoficzny zarys cybernetyki. – Warszawa: Ksiazka i Wiedza, 1963 – 155 с.

27. Причинная связь и необратимость времени // Проблема причинности в современной физике. – М.: Изд. АН СССР, 1960. – Гл.3. – С. 188-215.

28. Необратимость времени. Материалы для обсуждения на секции заведующих кафедрами философии // Тез. докл. на совещании зав.каф. общественных наук ВУЗов РСФСР. – М.: Изд. МГУ, 1960. – С. 183-189.

29. Аналогия // Философская энциклопедия. – М., 1960. – Т.1.

30. *Жданов Ю. А., Уемов А. И.* Гомология // Философская энциклопедия. – М., 1960. – Т.1.

1961 год

31. Задачи и упражнения по логике. – М.: Высшая школа, 1961. – 352 с.

32. Выводы из понятий // Логико-грамматические очерки. – М.: Высшая школа, 1961. – С. 5-25.

33. Проблема синонимов и современная логика // Там же. – С. 26-48.

34. Проблема отрицательных определений // Там же. – С. 59-66.

35. *Уемов А. И., Уемова Е. И.* Логические функции падежных конструкций // Там же. – С. 134-153.

36. Spor o slova a realny problem // Filosoficky casopis. – Praha, 1961. – S. 903-905.

37. Некоторые тенденции в развитии естественных наук и принципы их классификации // Вопросы философии. – 1961. – № 8. – С. 66-75.

1962 год

38. О достоверности выводов по аналогии // Философские вопросы современной формальной логики. – М.: Изд. АН СССР, 1962. – С. 186-214.

39. Аналогия и модель // Вопросы философии, 1962. – № 3.

40. Роль аналогии в научном познании.: // Логика научного исследования: Тезисы докладов симпозиума и семинара логиков. – К.: Изд. Киевск. ун-та, 1962. – С. 40-42.

1963 год

41. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 184 с.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) A.I. Ujomov. Dinge, Eigenschaften und Relationen. – Berlin: Akademie – Verlag, 1965. – 185 c.

б) *A. I. Ujemov.* Dalgok, Tulajdonsagok, Viszonyok. – Budapest: Kossuth Konyvkiado, 1966. – 248 c.

42. *Тондл Л., Уемов А. И.* Марксистский анализ проблем абстракции и образования понятий // Вопросы философии. – 1963. – № 8. – С. 173-176. (Рецензия на книгу: Д. П. Горский. Вопросы абстракции иобразования понятия).

1964 год

43. Основные формы и правила выводов по аналогии // Проблемы логики научного познания. – М., Наука, 1964. – С. 250-293.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) A.I. Uemov. Basic Forms and Rules of Inference by Analogy // Problems of the Logic of Scientific Knowledge. Dordrecht, Holland: Reidel publishing company, 1970. – P. 266-312.

44. Проблема эквивалентности логических структур // Формальная логика и методология науки. – М.: Наука, 1964. – С. 52-64.

45. Аналогия как метод решения проблемы соотношения машины и мышления // Кибернетика. Мышление. Жизнь. – М.: Мысль, 1964. – С. 340-346.

46. Выступление на теоретической конференции по философским проблемам физики элементарных частиц // Философские проблемы физики элементарных частиц. – М.: Наука, 1964. – С. 366-367.

47. Вещи, свойства, отношения и теория выводов по аналогии: Автореф. дис. на соиск. науч. ст. докт. филос. наук. – К., 1964. – 31 с.

1965 год

48. *Дмитревська І., Попова І., Сумарокова Л., Терентьєва Л., Уйомов А*. Системи і методи їх досліджень. – К., 1965.

49. *A. I. Ujomov*. Nachwort des Verfasser zur Deutschen Ausgabe // A.I. Ujomov. Dinge, Eigenschaften und Relationen. – Berlin: Akademie – Verlag, 1965. – S. 172-179.

50. Simposium na temat problemow filozoficznych teorii wzglednosci i kosmologii relatiwistycznej (Обзор) // Studia filozoficzne. – 1965. – № 1. – S. 219-227.

51. Многообразие форм относительности и теория Эйнштейна // Философские проблемы теории тяготения

Эйнштейна и релятивистской космологии. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 181-185.

52. Философские проблемы кибернетики // История философии. – М.: Наука, 1965. – Т.6. – Кн.2. – С. 363-369.

53. О логических основаниях метода моделирования // Метод моделирования в естествознании: Тез. докл. и выступл. симпоз. – Тарту, 1966. – С. 35-36.

1966 год

54. Проблема двойственности понятий "пространства" и "времени" // Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии: Тез. докл. и сообщ. на II Всесоюз. симпоз. – Киев, 1966.

55. Закон переходу кількості в якість і поняття структури // XXI звітна наукова конф. ОДУ (Одеса, 1966 р.): Тез. допов. – С. 61-62.

56. Порядок суждений в категорическом силлогизме и проблема 4-й фигуры // Логика, этика, эстетика. – Ярославль, 1966. – С. 5-16.

57. Обобщение структуры выводов по аналогии // Там же. – С. 17-25.

58. *Молоков С. А., Уемов А. И.* Проблема информационной значимости тавтологии // Философские науки. – 1966. – № 3. – С. 51-55.

59. Строение умозаключений как проблема логики научного познания // Вопросы философии. – 1966. – N. 7. – С. 88-96.

60. Малиновський О. О., Уйомов А. І. Типи систем і основні біологічні закономірності. // Організм як система. – Київ, 1966. – С. 10-17.

61. К вопросу о месте философии в системе наук // Коммунист Украины. – 1966. – № 12. – С. 64-67.

62. Основные принципы классификационных систем. Материалы к симпозиуму по логике науки. – К.: Наукова думка, 1966. – С. 145-156.

63. *Дмитревская И. В., Сумарокова Л. Н., Уемов А. И.* К вопросу об измерении простоты // Методологические проблемы теории измерений. – 1966. – С. 179-191.

1967 год

64. Труд по теории силлогистики // Вопросы философии, № 1, 1967. С. 161-162. – (Рец. на кн.: Субботин А.Л.Теория силлогистики в современной формальной логике).

65. *Костюк В. Н., Уемов А. И.* О методологии и логике системного исследования // Вопросы логики и методологии общей теории систем: Материалы к III Всесоюзному симпозиуму по кибернетике. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. – С. 7-8.

66. *Закс Б., Уйомов А*. Предмет і мислі // XXII звітна конф. ОДУ (гуманітарні науки). (Одеса, 1967 р.): Тез. допов. – Одеса, 1967. – С. 21-23.

67. Предмет // Философская энциклопедия. – Т.4. – М., 1967. – С. 356-357.

68. Свойство // Там же. – С. 569-570.

69. До питання про взаємовідношення предмета філософії та спеціальних наук // Філософські проблеми сучасного природознавства. – 1967. – № 7. – С. 13-22.

70. Проблема построения общей теории упрощения научного знания // Логика и методология науки. – М., 1967. – С. 81-85.

71. Аналогия и моделирование как метод исследования // Проблемы моделирования психической деятельности. – Новосибирск, 1967. – С. 5-9.

72. Аналогия как метод прогнозирования тенденций развития науки // Анализ закономерностей и прогнозирования развития науки и техники: Тез. докл.симпоз. – Киев, 1967. – Вып.2. – С. 34-36.

73. Об определении понятия "система" // Теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР. – Одесса, 1967. – С. 193-195.

1968 год

74. *Костюк В. Н., Погорелов О. Ф., Уемов А. И.* На путях к логике научного познания // Вопросы философии. – 1968. – № 1. – С. 149-151. (Рецензия на книгу: «Логика научного исследования».

75. Учет многообразия ссылок в науковедческом анализе // Проблемы науки управления и применение вычислительной техники для автоматизации и механизации управленческого труда: Тез. научно-техн. конф. – Киев, 1968. – Секция 5. – Ч.1. – С.34-37.

76. *Дьяков В. А., Уемов А. И.* Проблема степени целостности биологических систем // Целостность и биология. – Киев, 1968. – С. 205-210.

77. *Новик И. Б., Уемов А. И.* Аналогия и моделирование // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. – М., 1968. – С. 256-293.

78. *Курчиков Л. Н., Уйомов А. І.* Про ціль та доцільність // Проблеми філософії. – Київ, 1968. – № 7. – С. 49-59.

79. Проблема нелинейного обобщения понятия физического подобия // Пятая межвузовская конф. по моделированию. – М., 1968. – Секция 1. – С. 52-60.

80. *Садовский В. Н., Уемов А. И.* Системные исследования и логика // Проблемы формального анализа систем. – М., Высшая школа, 1968. – С. 5-15.

81. Системы и системные параметры. // Там же. – С. 15-34.

82. Об одном варианте логико-математического аппарата системного исследования // Там же. – С. 35-69.

83. *Богданович В. И., Плесский Б. В., Уемов А. И.* Автоматический учет корреляций между системными параметрами // Там же. – С. 75-90.

84. *Варбанец П. Д., Портнов Г. Я., Уёмов А. И.* Комбинаторный анализ системных классификаций // Там же. – С.102-109.

85. *Плесский Б. В., Портнов Г. Я., Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* Параметрическая оценка оптимальности систем // Там же. – С.126-135.

86. *Плесский Б. В., Портнов Г. Я., Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* Эквивалентные преобразования систем // Там же. – С. 136-144.

87. *Плесский Б. В., Сумарокова Л. Н., Уемов А. И.* Элементарные отношения и их число в системах // Там же. – С. 145-150.

1969 год

88. Gesetz und innere Relation. (Закон и внутренние отношения.) // Der gesetzesbeegriff in der Philosophie und den Einzelwissenschaften. – Berlin, 1969. – S.103-115.

89. Онтологические предпосылки логики // Вопросы философии, 1969, №1. – С.67-77.

90. К анализу двойственности понятий пространства и времени // Пространство и время в современной физике. – Киев, 1968. – С. 178-183.

91. Функции аналогии в процессе познания // Философские проблемы современного естествознания. – Киев, 1969. – № 14. – С.68-75.

92. *Богданович В., Гризова І., Зуєв Ю., Костюк В., Плєсский Б., Погорєлов О., Сумарокова Л., Портнов Г., Уйомов А. І.* Розробка проблем логіки та методології системних досліджень в ОДУ // Матеріали наук. сесії ун-ту, присвячені 50-річчю Великої Жовтневої революції. – Одеса, 1968. – С. 80-96.

93. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования // Системные исследования. – М., 1969. – С. 80-96.

94. *Жарков Е., Уемов А*. Дилетантизм и тенденции развития современной науки // Научная мысль. Вестник АПН. – 1969. – Вып.4, апрель. – С. 38-49.

95. *Sharkov I., Uyemov A.* Entwicklungstendenzen der modernen Wissenschaft. (Тенденции развития современной науки.) // Ideen die exakten wissens. (Идеи точного знания.) – Stuttgart, 1969. – №8. – S.489-494.

96. Проблема тождества // Вопросы философии – 1969 – №5. – С. 86-94.

97. Логико-системный анализ эмпирического знания. // Философские науки. – 1969. – №5. – С. 65-72.

98. К проблеме систематизации гносеологических отношений между физическими понятиями // Ленинское философское наследие и особенности развития современного естествознания. – Харьков, 1969. – С. 19-23.

99. Відношення і зв'язок // Філософська думка – 1969. – №3. – С. 53-59.

100. Сумарокова Л.Н., Зуев Ю.И., Уемов А.И. Профилирование в курсе логики // Философия в ВУЗе. – Одесса, 1969. – С.118-123.

1970 год

101. Системы и системные исследования // Проблемы методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970. – С. 64-86.

102. Элементарные ячейки и атрибутивные формы развития знания // Проблемы исследования структуры научного познания. – Новосибирск, 1970. – С. 36-45.

103. Алгебраический подход к анализу одной категориальной системы // Конф. педвузов Центральной зоны РСФСР по алгебре, математической логике и вычислительной математике: Тез. докл. – Иваново, 1970. – С. 44-46.

104. Информационный кризис, кибернетика и общая теория систем // Методологические проблемы кибернетики: Материалы Всесоюз. конф. – М., 1970. – Т.1. – С. 150-153.

105. Логические основы оптимизации информационного моделирования // V Всесоюзный симпозиум по кибернетике. – Тбилиси, 1970. – С. 57-58.

106. *Зуев Ю. И., Уемов А. И.* Интересное начинание //Философские науки. – 1970. – №3. С. 148-150. (Рецензия на кн.: «Сборник упражнений по диалектическому материализму»).

107. *Поликарпов Г. А.., Уемов А. И.* Рец. на кн.: Дышлевый П.С. В.И. Ленин и философские проблемы релятивистской физики // Філософська думка. – 1970. – №3. – С. 121-123.

108. *Бирюков Б. В., Уемов А. И.* Аналогия // Большая советская энциклопедия.– 2-е изд. – М., 1970. – Т.1.

109. Аналогия в практике научного исследования. – М.: Наука, 1970. – 264 с.

110. Построение логики высказываний без принципа утверждения // Неклассическая логика. – М., 1970. – С. 297-331.

111. *Уемов А. И., Зуев Ю. И.* Активизация учебных занятий по философии в высшей школе // Общественные науки. – Киев, 1970. – № 4. – С.23-34.

112. Строгость философских рассуждений // Диалектика и современное естествознание. – М., 1970. – С. 317-319.

1971 год

113. *Портнов Г. Я., Сумарокова Л. Н., Уемов А. И.* Деякі методологічні питання побудови загальної теорії систем // Філософська думка. – 1971. – № 1. – С. 66-74.

114. Системні параметри та фізичні величини // Філософські проблеми сучасного природознавства. – Киев, 1971. – Вып.22. – С. 51-58.

115. *Костюк В. Н., Портнов Г. Я., Уемов А. И.* Общая теория систем // Математика и кибернетика в экономике: Словарь-справочник. – М.: Экономика, 1971. – С. 127-128.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) Второе издание // М., 1975. – С. 390-391.

116. *Ковалев П. И., Уемов А. И.* Отношение // Там же. – С. 135.

117. *Богданович В. И., Уемов А. И.* Система // Там же. – С. 155.

118. Свойство // Там же. – С. 150-151. Второе изд. – С. 484-485.

119. Логические основы метода моделирования. – М.: Мысль, 1971. – 312 с.

120. Методы построения и развития общей теории систем // XIII Международный конгресс по истории науки (М., 18-24 августа 1971 г.): – М.: Наука, 1971. – 18 с.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) Системные исследования. Ежегодник: 1973. – М., 1973. – С. 147-157.

б) Dijalektika. – Beograd, 1972. – Broj 1. – С. 39-52. (На русском языке.)

в) Metody budowy i rozwoju ogolnej teorii systemow // Prakseologia. – 1972. – № 2 (46). – S.91-104.

121. *Портнов Г. Я., Уемов А. И.* Анализ систем и способов их задания // Исследование систем. – М. – С. 211-218.

122. Шлях до істини. – Київ, 1971. – 41 с.

123. Методы, приемы и способы научного исследования // Основы марксистско-ленинской философии: Учебник. – М., 1971. – Гл.9. – С. 205-216.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) М., 1972. – С. 205-216.

б) The Methods and Means of Scientific Research // The Fundamentals of Marxist-Leninist Philosophy. – M.: Progress Publishers, 1974. – Ch 9. – P.252-266.

124. *Уйомов А. І., Скнарин В. М.* Системний підхід к аналізу розвитку // Діалектичний матеріалізм і сучасне природознавство: Тези респ. конф. – К., 1971. С.107-108.

125. Категоріальний базис мов науки і проблема його забагачення // Філософська думка. – 1971. – № 6. – С.32-45.

126. Обладает ли натуральный язык спецификой в качестве знаковой системы? // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: Материалы научного семинара. – М., 1971. – Ч.1. – С. 33-35.

127. *Лысенко А. А., Солдатов В. И., Уемов А. И.* Повышать уровень философских исследований (по стр. журнала "Філософська думка") // Коммунист Украины. – 1972. – № 1. – С. 86-95.

128. Принципы экстенсионализации понятийных отношений // Teorie a metoda – С. 5-24. (Чехословакия, на рус.яз.).

129. *Богданович В. И., Сумарокова Л. Н., Уемов А. И.* Системный метод и диалектика // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1971. – С. 5-17.

130. Анализ многообразия системных сочетаний // Там же. – С. 17-25.

131. Дискуссия о понятии системы и перспективах системных исследований // Там же. – С.221-230.

132. *Дьяков В. А., Уйомов А. І.* Методи спрощення у біологічних системах // Філософські проблеми сучасного природознавства. – К., 1972. – Вип.26. – С. 3-15.

133. К проблеме определения понятия системы и системных параметров на языке тернарного описания // Промышленная кибернетика. – К., 1971. – С.248-255.

134. L'analyse logique du probleme des consequences negatives et la classification des methodes de sa resolution // Revue internationale de Philosophie. – Bruxelles, 1971. – № 98. – Fasc. 4 (1971). – P.528-537. (Франц. язык, опубликовано в Бельгии.).

135. *Пестер А., Уемов А*. Философский анализ теории игр в книге Г.Клауса // Философские науки. – 1972. – № 4. – С. 143-144.

136. *Портнов Г. Я., Уемов А. И.* Исследование зависимостей между системными параметрами с помощью ЭВМ // Системные исследования: Ежегодник. 1971 г. – М., 1972. – С. 103-127.

1972 год

137. *Поликарпов Г. А., Уемов А. И.* К проблеме безэталонного измерения в микрофизике // Проблемы диалектико-материалистического истолкования квантовой теории. – Ужгород, 1972. – С.127-139.

138. К проблеме новизны и достоверности выводного знания // Вопросы философии. -1972. – № 9. – С.75-85.

139. К интенсиональной трактовке выводов из данных опыта // Логика и эмпирическое познание. – М.: Наука, 1972. – С.7-29.

140. Спрощувальні властвості відношень і міри простоти систем // Філософські проблеми сучасного природознавства. – 1972. – Вип.27. – С. 49-62.

1973 год

141. *Богданович В. И., Кулик В. Т., Уемов А. И.* Про розвиток і практичне застосування системного підходу // Філософська думка. – 1973. – № 1.- С.10-16.

142. Нужны ли теории (по поводу статьи Я. Хинтикки и И. Ниилуото "Теоретические термины и их Рамсей-элиминация") // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 62-71.

143. *Уемов А., Богданович В., Могиленко А., Оганесян М., Портнов Г., Цофнас А.* Системный подход и его место в современном естествознании // Проблемы философии и методологии современного естествознания. – М.: Наука, 1973. – С. 378-383.

144. *Кошарский Б., Уемов А.* Принцип дополнительности системного описания и модульность структуры АСУП // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1972. – Вып.2. – С. 203-208.

145. *Кочергин А. Н., Уемов А. И.* Методология, теория и практика системных исследований // Там же. С. 3-13.

146. Онтологическая структура физических законов и проблема соответствия пространства, времени и материи в ОТО // Методологический анализ теоретических и экспериментальных оснований физики гравитации. – Киев: Наукова думка, 1973. – С. 179-185.

147. Системное исследование моделей мезоморфных состояний // 2-я Всесоюзн. конф. по жидким кристаллам и симпозиум по их практическому применению: Тез. докл. – Иваново, 1972. – С. 16-17.

148. *Плесский Б., Сумарокова Л., Уемов А.* Информационные процессы в научном исследовании и проблема их упрощения // Проблемы информатики. – Новосибирск, 1972. – Вып.3. – 57 стр.

149. Системная концепция принятия решения // VI симпозиум по кибернетике: Тез. докл. – Тбилиси, 1972. – Ч.1. – С.154-158.

150. *Дишлевий П. С, Ломсадзе Ю. М., Уйомов А. І.* Критика Енгельсом натурфілософського підходу до природничих наук // Філософські проблеми сучасного природознавства. – 1972. – Вип.29. – С. 31-46.

151. *Костюк В. Н., Уемов А. И.* Проблема вывода в современной логике // Философские науки. – 1972. – № 3. – С. 171-174. (Рецензия на кн.: Серебрянников О.Ф. Эвристические принципы и логические исчисления).

152. Лингвистическая относительность и проблема специфического языка системного исследования // Тезисы XXI Украинской Республиканской научно-технической конференции, посвященной 50-летию образования СССР, Дню радио и Дню связиста: Тез. докл. – Вып.1. – УКРНИИТИ: Киев, 1972. – С. 7-8.

153. *Зуев Ю. И., Уемов А. И.* Проблемные ситуации в системологических исследованиях // Общая теория систем. – Киев, 1972. – С. 115-120.

154. Поликарпов Г., Уемов А. И. О логических требованиях к принципу дополнительности // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика: Материалы теоретической конференции. – Обнинск, 1972. – С.43.

155. Метод моделирования и системный анализ // VI Всесоюзная объединенная межвузовская конференция по физическому моделированию и кибернетике. – Баку, 1972. – С. 32-35.

156. Філософський словник. Статьи: Вещь, Сравнение, Понятие, Правила определения понятий, Ошибки в определении понятий, Дихотомия. – Київ, 1973.

157. *Серебрянников О. Ф., Уемов А. И.* Проблемы возникновения нового знания и теория умозаключений // Синтез современного научного знания. – М., 1973. – С. 475-496.

158. Типы и критерии простоты систем. Препринт 73-19. – Киев: ИК, 1973. – 20 с.

159. *Дьяков В. А., Уемов А. И.* Предшественники кибернетики и общей теории систем // Природа. – 1973. – № 6. – С. 82-86.

160. Методологічний аспект проблеми нееквівалентності систем Коперника і Птолемея // Система світу Коперника та сучасна астрономія. – Київ, 1973. -С.38-48.

161. *Остапенко С. В., Уемов А. И.* Причинность и время // Современный детерминизм и законы природы. – М., 1973. – С. 214-236.

1974 год

162. Методы построения одного из вариантов общей теории систем // Труды XIV конгресса по истории науки. – Секция IA, II. – М., 1974. – С. 158-160.

163. Об одном из методов идентификации структур // Проблемы истории и методологии научного познания. – М., 1974. – С. 214-229.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) <… на венгерском яз>.

164. Критерии простоты и проблема истинности научного знания. Резюме // XV Всемирный конгресс по фило-

софии: (Варна, 17-22.09.73). Материалы к XV философскому конгрессу. – М., 1973. – С. 97-102.

165. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю*. Формальное выражение онтологических утверждений // Философские науки. – 1973. – № 3. – С. 51-59.

166. Критерии отбора формальных систем и использование понятия простоты-сложности в теории индуктивного вывода // Теория логического вывода: Тез. докл. Всесоюзн. симпозиума: (Москва, март 25-27) – М., 1974. – Ч.2. – С. 165-166.

167. *Приходько Е., Сараева И., Уемов А*. Проблемы идентификаторов в структуре формального языка описания систем // Методологические и логические проблемы языка: Тез.симп. – Ереван, 1974. – С.164 – 166.

168. *Богданович В. И., Уемов А. И.* Дополнительность и коррелятивность // Teorie a Metoda, VI/1. – Прага, 1974. – С. 27-36.

169. Истина, простота, сложность // Философские науки. – № 4. – С. 33-44.

170. Demonstrative and heuristic aspects in the logical modeling of science // Logic, Methodology and Philosophy of the Fourth International Congress for Logic, Methodology and Philosophy of science. Bucharest, 1971. Amsterdam, – p. 407-413. Труды IV Международного конгресса по логике. – Амстердам, 1974.

171. *Уйомов А., Плесський Б.* До проблеми параметричної оцінки структурно-субстратної складності системи // Філософськи проблеми сучасного природознавства, № 34. – Київ, 1974. – С. 3-11.

172. *Бердников В. Ф, Валенчик Р. В., Ганін Е. В., Леонова Г. В., Ніколенко О. В., Оганісян М. С., Переймер С. І., Петунін А. Р., Плесський Б.В., Портнов Г. Я., Сараєва І. М., Уйомов А. І., Цофнас А. Ю*. До проблеми чіткості та унікальності систем. // Там же. – С. 17-25.

173. Про об'єктивну природу речей, властивостей, відношень // Філософська думка. – 1974. – № 4. – С. 60-66.

174. Матковская І.Я., Зубанов А.К., Уйомов А.І. Збірники наукових праць філософів Сегедського університету // Філософська думка. – № 4. – С. 128-130.

175. *Могиленко А., Оганисян М., Цофнас А., Уемов А.* Понятие системного синтеза и проблема реальности // Проблемы методологии и логики наук. – Томск, 1974. – Вып.7. – С. 37-93.

176. *Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* Некоторые вопросы повышения эффективности преподавания диалектического материализма // Вопросы общественных наук. – Вып.18. – Киев, 1974. – С. 19-24.

177. *Зубанов А. К., Уемов А. И.* Роль аналогии в творческом процессе // Семинар по методологическим проблемам творчества. – Симферополь, 1974. – С. 68-69.

178. *Плесский Б., Уемов А*. Новый задачник по философии // Молодой коммунист. – № 11. – С.119-120.

179. *Валенчик Р., Уемов А*. Формальная типология научного знания и проблема его единства // Философия и естествознание. – М., 1974. – С. 133-151.

180. Problem of direction of time and laws of systems development // Entropy and information. – Prague, 1974. – S. 93-102. (Чехословакия.)

181. Systemanalyse und synthese der wissenschaft // Wissenschaft und Forschung im Sozialismus. – Berlin, 1974. – S. 278-283.

1975 год

182. Истина и пути ее познания. – М.: Госполитиздат., 1975. – 88 с.

183. *Уемов А. И., Жариков В. Ю*. Рецензия на кн.: Гумницкий Г.Н. Основные проблемы теории морали // Философские науки. – 1975. – № 2. – С. 179-181.

184. *Bogdanovic V., Paul S., Uyomov A.* Grundruge der parametrischen variante der systemtheorie // Wissenschaftliche Zeitschift der techische universitat. – Dresden. – Jahrgand, 24. – 1975. – Heft 2. – S. 303-312.

185. Logical apparatus of the system research // 5 International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science: Contributed Papers. – London, Ontario, Canada, 1975. – S. 129-130.

186. *Богданович В. И., Уемов А. И.* Аналогии // Энциклопедия кибернетики, Киев, 1975. – Т. 1. – С. 117-118.

187. Научно-техническая революция и проблемы воспитания нового человека: Выступление на круглом столе журналов "Вопросы философии" и "Філософська думка" // Вопросы философии. – 1975. – № 8.

188. Общая теория систем. Аналогический и параметрический варианты // Природа. – 1975. – № 11. – С. 12-17.

189. Послесловие к кн.: Тондл Л. Проблемы семантики. – М.: Прогресс. – С. 443-463.

190. Семантичне визначення поняття істини у природних і формалізованих мовах // Філософська думка. – 1975. – № 6. – С. 76-82.

191. Вопросы системного анализа приморских народнохозяйственных комплексов // Проблемы экономики моря. – Вып.4. – Одесса, 1975. – С. 46-56.

192. Элиминируемость теоретических терминов и проблема автоматизации систем управления // Системный метод и современная наука. – Вып.3. – Новосибирск, 1975. – С. 28-41.

1976 год

193. *Портнов Г., Уемов А.* Об уточнении значений общесистемных параметров при классификации систем // Системное моделирование и использование ЭВМ в экономических исследованиях. – Киев, 1976. – С. 91-98.

194. *Комарчев В., Кошарский Б., Поликарпов Г., Уемов А.* Дополнительность. Концепция, отношение, прин-

цип? // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. – М., 1976. – С. 92-101.

195. Антиномия лжеца и методы ее решения // Вопросы философии. – 1976. – № 8. – С. 54-61.

196. Критерии эффективности нашей работы. (Выступление на круглом столе) // Вопросы философии. – 1976. – № 11. – С. 149-150.

197. *Сараева И., Приходько Е., Уемов А.* Проблемы идентификаторов в структуре формального языка описания систем // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976. – С. 230-244.

198. *Коздоба А., Савусин Н., Товбис А, Уемов А.* Принципы построения языка тернарного описания как языка моделирования систем // Логические и методологические проблемы анализа языка: Тез. докл. респ. симп. – Вильнюс, 1976. – С. 84-86.

199. Моделирование структуры систем, выраженное многоместными отношениями в символике тернарного описания // Системный метод и современная наука. – Вып.4. – Новосибирск, 1976. – С. 3-13.

200. *Уемов А.И., Богданович В.И.* Контекстовые задачи // Логические и методологические проблемы анализа языка. — Вильнюс, 1976.

1977 год

201. Аналогия и учебный процесс // Логика и проблемы обучения. – М., 1977. – С. 11-37.

202. Теоретико-системный подход к проблеме формализации основных характеристик Мирового океана как экосистемы // Проблемы экономики моря. – Одесса, 1977. – Вып.6. – С. 34-40.

203. *Жариков В., Уемов А.* К проблеме системной типологии личности // Философские науки. – 1977. – № 3. – С. 133-137.

204. A ternalis leirasi nyelv alkalmazasa az ertekek logikajanak kiepitesere. (Применение языка тернарного описания

к построению логики оценок.) Filosofia, XX, Szeged, 1977, с. 21-32. (на венгерском языке)

205. Планирование эксперимента и параметрическая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1977. – С. 159-166.

206. *Савусин Н., Уемов А*. К стратегии научного поиска // Логика научного поиска: Тез. докл. к Всесоюзн. симпозиуму. (Свердловск 29.XI- I.XII. 1977 г.) – Ч.II. – С. 86-88.

207. *Преображенский В.С, Швебс Г.И., Уемов А.И*. Системная концепция в географии // III Всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии: Тез.докл. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 5-9.

208. Логика и методология системных исследований // Коллективная монография. Введение (совм. с *А. Цофнасом, З. Паулем*), гл.1, гл.5 (совм. с *Б. Плесским, Л. Сумароковой),* гл.6 (совм. с *И. Дмитревской, Б. Плесским*), гл.11 (пар.3,4,5), гл.12 (пар.3, совм. с *В. Жариковым*). – Вища школа. – Киев – Одесса, 1977.

1978 год

209. Типы неопределенностей и проблема обоснования правомерности индуктивного вывода // Философские проблемы современного естествознания. – Киев, 1978. – № 44. – С. 79-84.

210. *Савусин Н., Уемов А*. Системный подход и проблемите на опазването и рационалното използуване на околната среда // Народностонански архив. Висш.финансово-степански институт. "Д.А.Цепов". – Свищов, 1978. – С. 302-308.

211. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 95-141.

212. *Горский Д. П., Уемов А. И*. Системный анализ и научное знание. Предисловие // Там же. – С. 3-7.

213. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

214. Методологія і логіка історичного дослідження // Філософська думка, 1979. №1. – С. 99-101. (Рецензія на кн.: В. В. Косолапова. Методология і логіка історичного дослідження).

215. *Коврига Е. С., Уемов А. И.* Системный подход к проблеме оценки экономической эффективности исследований Мирового океана // Всесоюзная конференция "Экономика океана": Тезисы докл. и сообщений. – Владивосток, 1978. – Вып.1. – С. 14-16.

216. К проблеме выбора метода прогнозирования развития экономических систем // Проблемы экономики моря. – Киев, 1978. – Вып.7. – С. 43-52.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) *Uemov A. I.* Zum Problem der Auswahl von Methoden zur Prognostizierung der Entwicklung Okonomisch – Okologischen Systeme // Wissenschaftswissenschaftliche Beitrage, Heft 26. – Sektion Wissenschaftstheorie und Organization der Humboldt Universitat zu Berlin, 1984. – S.104-125.

217. Auf der Suche nach der Wahrheit. – Berlin: Noues Leben, 1978. – 106 s. (Переиздание дополнено в сравнении с русским изд.: М., 1975.)

1979 год

218. The Language of the Ternary Description as an Alternative of the Predicate Calculus // 6-th Int Congress of LMPhS. – Hannover, 1979. – Section 5. – ?. 194-198.

219. Логическая формализация отношений, выражаемых артиклями // Логический анализ естественных языков: 2-й советско-финск. коллоквиум по логике. – М., 1979. – С. 99-103.

220. *Савусин Н., Уемов А*. Системная типология процессов научного поиска // Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. – Свердловск, 1979. – Ч.1. – С. 73-76.

1980 год

221. Суеверие и естествознание // Советская Эстония. – 1980. – 11.03.80 г.

222. Системный подход в управлении социально-экономическими системами // Взаимосвязь диалектики и методов управления: Тез. докл. конф. – Калинин, 1980. – С. 9-12.

223. Общая теория систем и общая теория управления // Управление производством и автоматизированные системы управления: Тезисы докладов конф. – М., 1980. – С. 6-12.

224. *Поликарпов Г. А., Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* Рецензия на кн.: Дышлевый П.С., Канак Ф.М. Материалистическая философия и развитие естествознания // Философские науки. – 1980. – № 2. – С. 185-186.

225. Системное представление деятельности и задача определения соотношения между факторами ее детерминации // Проблема соотношения факторов детерминации деятельности: Тез. докл. конф. – Красноярск, 1980. – С. 14-15.

226. *Уемов А. И. Савусин Н. П.* Системный подход к анализу деятельности // Системный метод и современная наука. Вып. 5. Новосибирск. – Изд. НГУ, 1979. – С. 11-20.

227. О логико-математическом аппарате общей теории систем // Актуальные проблемы логики и методологии науки. – Киев: Наукова думка, 1979. – С. 229-309.

228. *Терентьева Л. Н., Цофнас А. Ю., Уемов А. И.* Понимание и объяснение как научные процедуры и их формализация в языке тернарного описания // Системный метод и современная наука. – Вып.6. – Новосибирск: Изд. НГУ, 1980. – С. 45-51.

1981 год

229. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю*. К проблеме выражения структуры понимания и объяснения в рамках единого языка // Философские науки. – 1981. – № 2. – С. 142-144.

230. *Уемов А. И., Комарчев В. А*. Методологические основы системного подхода к экономико-экологическому

прогнозированию. – Препр. научного доклада. – Киев, 1980. – 52 с.

231. Теоретико-системные предпосылки определения критериев оптимальности управления // Методологические вопросы оптимизации управления и повышения эффективности в свете решений 26 съезда КПСС: Тез. докл. теор. семинара. – Калинин, 1981. – Раздел 1. – С. 251-253.

232. *Уемов А. И., Савусин Н. П.* Уровни решения проблемы защиты окружающей среды // Взаимодействие общества и природы как глобальная проблема современности: Тез. теор. конф. – Москва – Обнинск, 1981. – С. 64-67.

233. О природе логических парадоксов // Природа. – 1981. – № 12. – С. 88-95.

234. К построению системы факторов детерминации человеческой деятельности // Системный метод и современная наука. – Новосибирск, 1981. – С.61-69.

235. *Сараева И. Н., Уемов А. И.* Об алгоритмическом подходе к установлению общесистемных закономерностей // Там же. – С. 92-103.

236. Формализация творческого мышления и ее социальная значимость // III семинар по проблемам методологии и теории творчества. – Симферополь, 1981. – С. 82-83.

1982 год

237. *Уемов А. И, Савусин Н. П.* Системно-параметрическое моделирование процесса познания и проблема машинного обнаружения закономерностей // Машинные методы обнаружения закономерностей. – Рига: Рижский политехн. ин-т, 1981. – С. 21-33.

238. *Посталовский И. З., Семенов Е. Г., Уемов А. И.* Моделирование содержания как эффективный способ проверки понимания при динамическом чтении // Динамическое чтение и рациональная работа над книгой: Тез. докл. конф. Кемеровское отд. педагогич. об-ва РСФСР. – Новокузнецк, 1982. – С. 97-99.

239. *Уемов А. И., Барабаш В.С., Коврига Е. С.* Классификация и кодирование научных исследований мирового океана // Экономология мирового океана. – Киев: АН УССР, Ин-т экономики, 1981. – С. 43-51.

240. *Уемов А. И., Цветков Г. С.* Некоторые методологические вопросы развития математики, связанные с кибернеткой и системным подходом // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки: Материалы 8 Всесоюзн. конф. "Логика и методология науки". (Вильнюс, 1982.) – М., 1982. – С. 166-168.

241. Теоретико-системные основания общей теории управления // Диалектика и методы управления. – Калинин, 1981. – С. 25-33.

1983 год

242. Тождество, генетическое тождество и обобщение формального тождества // Закономерности развития сложных систем. – Ленинград: Наука, 1980. – Гл.6. – С. 76-88.

243. Теоретико-системная типология управления и условия его эффективности // Оптимизация управления и повышение его эффективности. – Калинин, 1982. – С. 10-16.

244. *Уемов А. И., Савусин Н. П.* Теоретико-системный анализ структуры целевых комплексных программ освоения морских ресурсов // Экономика моря. – Киев, 1982. – С. 29-37.

245. *Уемов А. И., Комарчев В. А.* Теоретические основы прогнозирования развития экономико-экологических систем // М.Т. Мелешкин, А.И. Уемов, Г.С. Башкиров и др. Экономико-экологические проблемы морской среды. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 71-89.

246. Существуют ли философские проблемы, специфичные для естествознания в целом? // Диалектика в науках о природе и человеке. Диалектика – мировоззрение и методология современного естествознания: Труды III

Всесоюзного совещания по философским вопросам естествознания. – М.: Наука, 1982. – С. 266-267.

247. Соотношение общей и трансцендентальной логики Канта в свете современных логических концепций // Кантовский сборник. – Калининград, 1982. – С. 4-9.

248. Системный подход как современная форма конкретизации материалистической диалектики // Проблемы диалектики. Материалистическая диалектика и системный подход. – Ленинград: Изд.ЛГУ, 1982. – Вып. X. – С. 19-29.

249. Общенаучные понятия и некоторые тенденции развития философии // Проблемы диалектики. Общенаучные понятия и материалистическая диалектика. – Ленинград: Изд.ЛГУ, 1982. – Вып. XI. – С. 68-74.

250. Методологические основания формализации концептуальной простоты-сложности систем в языке тернарного описания // Системные исследования в современной науке. – Новосибирск, 1982. – С. 57-64.

251. *Uyemov A. I.* Selfapplicability as the property of the formal language of the parametrical General Systems Theory. In: Logic, Methodology and Philosophy of Science. VII International congress. (Zalzburg.) – Moscow, 1983. – Abstracts Sections 6, 8-13. – P. 68-70.

252. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Системный анализ развития научного знания как форма методологической рефлексии науки // Проблемы рефлексии в научном познании. – Куйбышев, 1983. – С. 92-98.

253. *Уемов А. И., Плесский Б. В.* Реальность, относительность и атрибутивность системных моделей действительности // Философско-методологические основания системных исследований. – М.: Наука, 1983. – С. 187-197.

ПЕРЕИЗДАНИЯ: а) <Сокращ. Вариант> – в журн. "Общественные науки", 1984. – № 1.

254. К проблеме картографирования значений системных параметров, характеризующих морские экосистемы //

Вопросы географии океана: Тез. докл. I Всесоюзн. конф. (Калининград, сентябрь 1983.) – Ленинград, 1983. – С. 131-132.

255. *Уемов А. И., Савусин Н. П., Тодоров К. А*. Теоретико-системные основания проектирования целевых комплексных программ // Программно-целевой метод: проблемы развития и освоения: Краткие тезисы к Всесоюзн. симп. (Свердловск, 4-6 октября 1983 г.) – Ч.1. – С. 117-119.

256. Формальные средства качественного моделирования экологических систем // Наука и общество: Тез. докл. и выступлений к Всесоюзн. научно-теор. конф. (Иркутск, 4-6 октября 1983.) – Иркутск, 1983. – Вып.3. – С. 90-91.

257. *Уемов А. И., Плесский Б. В*. Некоторые методологические проблемы взаимодействия естественных и общественных наук // Методологические проблемы взаимодействия естественных, общественных и технических наук: Тез. докл. и выступлений на обл. теор. конф. – Одесса, 1983. – С. 19-22.

258. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю.* Методологические проблемы системного подхода. (В помощь руководителям и консультантам методологических и теоретических семинаров.) – Одесса, 1983. – 28 с.

259. К проблеме экологического кризиса // Система "Общество – природа": проблемы и перспективы: Труды конф. – М., 1983. – С. 128-131.

1984 год

260. *Уемов А. И., Жариков В. Ю.* Научно-техническая революция и перспективные проблемы воспитания молодежи // Проблемы прогнозирования и планирования развития образования и педагогической науки. – Красноярск: Госпединститут, 1984. – С. 115-123.

261. Роль параметра сложности в теоретико-системной экспликации понятий развития и прогресса // Системный метод и современная наука. – Новосибирск: Изд.НГУ, 1983. – С. 84-93.

262. *Уемов А. И., Цветков Г. С.* Рецензия на кн.: Марков В.А. Проблема сохранения и современная наука. // Философские науки. – 1984. – № 1. – С. 171-173.

263. *Плесский Б. В., Уемов А. И.* К проблеме критериев объективности эмпирического знания // Философские науки. – 1984. – № 3. – С. 89-94.

264. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю.* Соотношение системного подхода и метода восхождения от абстрактного к конкретному в научном познании // Проблемы диалектики и логики научного познания. – Ташкент, 1984. – С. 47-49.

265. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю.* Системный метод // Логические методы и формы научного познания. – Киев: Вища школа, 1984. – С. 164-176.

266. *Уемов А. И., Леоненко Л. Л.* Об S-представимости формул в языке тернарного описания // Седьмая Всесоюзн. конф. по математической логике. – Новосибирск, 1984. – С. 182.

267. *Николенко О. В., Уемов А. И.* Фундаментальный труд по теории измерения. Рец. на кн.: K.Berka. Measurement.// Вопросы философии. – 1984. – № 9. – С. 133-135.

268. Системний зв'язок і відношення з погляду матеріалістичної діалектики // Філософська думка. – 1984. – № 6. – С. 49-55.

269. К проблеме формального аппарата философской аргументации // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд. АН АрмССР. – С. 158-160.

270. К проблеме оценки перспективности научных исследований // Творческая природа научного познания. – М.: Наука, 1984. – С. 189-221.

271. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник.1984.– М.: Наука, 1984. – С. 152-180.

1985 год

272. Язык тернарного описания как формальный аппарат параметрической общей теории систем // Теория, методология и практика системных исследований: Тез. докл. на Всесоюзн. конф. (29-31 января 1985 г.) – М.: ВНИИСИ, 1984. – Секция 1. – С. 15-18.

273. Формализация элементарных приемов познавательной деятельности в языке тернарного описания // Системно-кибернетические аспекты познания. – Рига, 1985. – С. 41-88.

274. *Цветков Г. С., Уемов А. И.* О предпосылках математизации современного научного знания // Там же. – С. 89-100.

275. *Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* К проблеме теоретико-системных оснований развития идеи развития // Понятие развития и актуальные проблемы теории социального прогресса: Тез. докл. конф. – Пермь: ПГУ, 1985. – С. 24-25.

276. *Поликарпов Г., Уемов А*. Время и состояние со специально-научной и общеметодологической точки зрения // Взаимосвязь методологии и методов специальных наук: Тез. докл. конф. – Обнинск, 1985. – С.110-112.

277. Развитие – высший тип движения – специфическая характеристика систем как одного целого. О качественных изменениях системы, которые характеризуют ее развитие // Вариационный анализ эволюции магматических систем. (Отв.ред. акад. Н. В. Белов и Ф. П. Митрофанов.) – Л.: Наука, 1984. – С. 24-28.

278. *Дергачев В. А., Уемов А. И.* Системно-параметрическое описание сложных народнохозяйственных объектов // Экономика моря. – Киев: ИЭАН УССР, 1985. – С. 23-35.

279. Некоторые проблемы системного подхода к освоению Мирового Океана // Экономика освоения океана: Тез. докл. Всесоюзн. конф. – Владивосток, 1985. – Секция 1. – С. 12-14.

280. *Леоненко Л. Л, Уемов А. И.* О формальном определении понятия "элемент системы" // Системный анализ и моделирование: Тез. конф. – Новосибирск, 1985. – С. 24-25.

281. Система. (Статья в энциклопедии) – Душанбе, 1985.

1986 год

282. Семиотика и общая теория систем // Диалектика познания. Активность сознания. – Иваново, 1985. – С. 79-85.

283. Соответствие явной и латентной структур как условие эффективности нравственного воспитания // Тез. докл. обл. науч. конф. – Иваново, 1986.

284. *Русанова И. И., Уемов А. И.* К проблеме логического моделирования языковых и речевых конструкций в языке тернарного описания // Автоматическое распознавание слуховых образов. – Каунас, 1986. – Ч.2. – С. 39.

285. О типологии философской аргументации и проблеме ее формализации // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд. АН АССР, 1986. – С. 190-200.

286. О двух способах построения прикладной логики // Логика и системные методы анализа научного знания: Тез. докл. к IX всесоюзн. совещ. по логике, методологии и философии науки. (Харьков, 8-10. октября, 1986.) – 1986. – Секция 1-5. – С. 225-227.

287. *Савусін Н., Уйомов А. І.* Просте і складне; Велика система // Філософський словник. – Київ, 1986.

288. Тектологія; Якість системна // Філософський словник. – Київ, 1986.

289. *Уйомов А., Цофнас А.* Системний підхід // Філософський словник. – Київ, 1986.

290. *Зуєв Ю., Уйомов А.* Проблема // Філософський словник. – Київ, 1986.

291. Роль системных параметров в демаркации научного знания // Системный анализ научного знания: Тез. обл. конф. – Одесса, 1986. – С. 108-109.

292. *Оришака С., Плесский Б., Уемов А.* Системный анализ как фактор научно-технического прогресса // Там же. – С. 3-5.

293. *Степанов В. Н., Уемов А. И.* Природно-ресурсный потенциал системы суша-море как категория экономико-экологических исследований // Экономические проблемы освоения ресурсов моря. – Киев: ИЭАН УССР, 1986. – С. 5-12.

294. Системный анализ как одно из направлений опосредованного применения диалектики в научном познании // Диалектика и системный анализ. – М.: Наука, 1986. – С. 61-70.

295. *Ujomov A., Peisa T.* Systemove modely cinnosti, projectovani a hodnoceni investic v projectevem procesu a realizaci. (Sbornik referatu k seminaru.) – Praha: Pudis, 1986. – S. 25-29.

1987 год

296. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Теоретико-системные аспекты анализа соотношения структурных уровней развития материи // Концепция единого мирового процесса и современность: Тез. конф. – Пермь, 1987. – С. 15-17.

297. *Уйомов А. І, Кудашов В. І.* Пошуки квантової концепції свідомості. Рец. на кн.: И. З. Цехмистро. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. // Філософська думка. – 1987. – № 4. – С. 129-130.

298. Fundamental Features of Language of the Ternary Description as a Logikal Formalizm in the Systems Analysis 8 congres LMPS. Vol 5. – Part 1. – Sections ??. – Pp. 337-339.

299. О механизме стимуляции творчества в философии.– "Философия и жизнь" (Материалы совещаний философской общественности) // Вопросы философии. – 1987. – №7. – С. 101- 103.

300. О природе математических абстракций // Философия и социология науки и техники. Ежегодник за 1987 г. – М., 1987. – С. 88-94.

301. *Уёмов А.И., Русанова И. И., Труханова Н. Л.*. Формализация звучащего текста с помощью языка тернарного описания // Семантика целого текста: Тез. выступл. на совещ. (Одесса, сентябрь, 1987). – М., 1987.

302. *Уёмов А. И., Сумарокова Л. Н.* Рец. на кн.: Гетманова А. Д. Логика: Пособие для пединститутов. – М.: Высшая школа, 1986 // Советская педагогика. – 1987. – № 10. – С. 134-135.

1988 год

303. *Степанов В. Н., Уемов А. И., Харичков С. К.* и др. Экономика и организация природопользования в приморском регионе. – Киев: Наукова думка, 1987. – 144 с.

304. Развитие мышления как предмет логического анализа // Методы и средства кибернетики в управлении учебным процессом высшей школы. – Рига, 1987. – С. 4-20.

305. Роль системного подхода в повышении эффективности самостоятельной работы студентов. Каталог аннотированных материалов. – Одесса: ОГУ, 1987. – С. 36.

306. Фрагмент з доповіді на першій "антибюрократичній" конференції // Філософська думка. – 1988. – № 2. – С. 12.

307. Теоретические основания и прикладное значение системного подхода // Проблемы методологии и современная наука. – Кишинев: Штиинца, 1988. – С. 47-84.

308. «Физика» Аристотеля и проблема реанимации заброшенных парадигм // В. И. Вернадский и отечественная наука: Тез. докл. конф. (18-21 апреля). – Одесса, 1988. – С. 33-34.

309. *Терентьева Л. Н., Уемов А. И.* Системный анализ соотношения философского и научного знания // Мировоззрение в системе общественного сознания. Тез. конф. – Воронеж, 1988. – С. 115-117.

310. Теоретико-системные аспекты бюрократизма и методы борьбы с ним // Філософська думка. – 1988. – № 3. – С. 3-5.

311. Методологические проблемы моделирования систем, содержащих неопределенность // 4-й междунар. симп.: Методология математического моделирования. Резюме докладов. – Варна, 1988. – С. 17-19.

312. *Степанов В. Н., Уемов А. И.* К разработке классификации наук об океане // Известия всесоюзного географического общества. – 1987. – Вып.4.

313. *Леоненко Л. Л., Тодоров К. А., Уемов А. И.* Выводы по аналогии в базах знаний // II всесоюзная конференция по прикладной логике. – Новосибирск, 1987. – С. 133-135.

314. К проблеме теоретико-системного анализа аргументации // Теория познания, логика. Препр. докл. советских ученых к 18 Всемирному философскому конгрессу. – М., 1988. – С. 21-26.

315. Модели и аналогии в развитието на науката // Философска мисъл. – Кн.10. – София, 1988.

316. Формы и методы научного познания. Метод. рекомендации. – Одесса: ОГУ, 1988. – 44 с.

317. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю.* Формальный анализ принципа универсальности системного подхода // Философские науки. – 1988. – № 11. – С. 25-33.

318. Самоорганизация и самоуправление с точки зрения общей теории систем // Самоорганизация в природе и обществе: Тез.конф. – Л., 1988. – С. 68-70.

319. Системный подход к изучению специфики приморских регионов // Приморские регионы: географические и социально-экономические проблемы развития. – Владивосток, 1987. – С. 44-49.

320. *Уемов А. И., Веселов Ю. В., Глушков В. Е.* и др. Целевые комплексные программы хозяйственного освоения ресурсов Мирового океана. – Киев: Наукова думка, 1988. –

160 с. (Гл. I Системный анализ как методологическая база решения проблемы освоения ресурсов мирового океана, Гл. II Концепция развития морского хозяйства СССР как самостоятельной и целостной системы.)

1989 год

321. *Плесский Б., Поликарпов Г., Уемов А*. Связь состояний в общей теории систем // Философские проблемы современного естествознания. – Киев: Изд. КГУ, 1989. – Вып.66. – С. 3-11.

322. Разработка логического аппарата системного подхода как проблема логики научного познания // Вопросы философии. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып.6-7. – Ереван: Изд.ЕГУ, 1988. – С. 161-168.

323. *Уемов А. И., Терентьева Л.* . Самоорганизация и проблема оптимального управления социально-экономическими системами // Социосинергетика. Информатика: Тезисы семинара. – Таллин, 1989. – С. 63-65.

324. *Уемов А. И., Цимбалюк В. Д*. Размышления о путях демократизации нашего общества. Научная конференция Одесского отделения ФО // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 3. – С. 109-111.

325. *Плесский Б., Уемов А*. Бюрократизм: теоретико-системные аспекты // Философские науки. – 1989. – № 5. – С. 3-10.

326. *Уемов А. И., Русанова И. И.* Логико-синтаксические особенности нейтральной и эмоциональной речи // Акустика речи и слуха: Материалы 5-го Всесоюзн. совещ. – симпозиума. – Одесса: ОГУ, 1989. – С. 125-126.

327. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Системно-параметрическая экспликация проблемы развития и некоторые аспекты перестройки // Диалектика. Перестройка. Человек: Всесоюзн. конф. – Секция 1. – Минск, 1989. – С. 78-80.

328. *Савусин Н., Уемов А*. Теоретико-системное истолкование биополя // Брифинг. Банк рефератов, идеи, фантазии и научные гипотезы. – Одесса, 1989. – С. 9-10.

329. Системно-параметрическая экспликация типологии научного творчества // Творчество как предмет философского исследования: Всесоюзн. конф. (12-13 октября 1989 г.) – Киев, 1989. – С. 3-4.

330. *Уемов А. И., Савусин Н. П.* Теоретико-системное истолкование биополя и практика йоги // Йога: проблемы оздоровления и самосовершенствования человека: Материалы Всесоюзн. конф. – М., 1989. – Ч.3. – С. 19-20.

331. *Уемов А. И., Русанова И., Мосиенко Л.* Роль логико-синтагматического анализа текста при обучении выразительному чтению // III Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению. – Одесса, 1989. – Ч.2. – С. 155-156.

332. *Мамчур Е., Овчинников Е., Уемов А*. Принцип простоты и меры сложности. – М.: Наука, 1989. – 303 с.

333. Степени сложности систем и проблема управления // Организация и управление: Тез. докл. конф . – Минск, 1989. – С. 5-8.

334. *Гетманова А. Д., Панов М. И., Никифоров А. Л., Бузук Г. Л., Уемов А. И.* и др. Логика. Уч. пособие для 9-10 кл. – М., 1989. Ч.2. – С. 23-40. (Разд. Индукция. Аналогия).

335. Теоретико-системные основания автоматизации проектирования // Автоматизация проектирования в капитальном строительстве. – Карловы Вары, 1989. – С. 52-56.

336. *Awenir Ujomov*. Formalizacja niedookreslonych modeli systemow za pomoca jezyka opisu trojkowego // Prakseologia. – 1989. – № 4. – S. 165-174.

337. Avenir Ujomov. Byurokratismus jako brzdici faktor rozvoje vedy // Vesmir, 1989. – № 11. – S. 605-607.

1990 год

338. О природе философского знания // Перестройка и общественные науки. К 125-летию ОГУ: Тез. докл. и выступлений (17-18 апреля 90 г.). – Одесса, 1990. – С. 23-24.

339. Язык тернарного описания как неклассическая логика // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке (24-25.05.90 г.). – Тез. докл. конф. – Лен., 1990. – Ч.2. – С. 64-66.

340. Формальные модели в философских дисциплинах // Методология математического моделирования: 5-й международный симпозиум. Резюме докладов. – София, 1990. – Ч.1. – С. 27-29.

341. Б.М.Кедров как методолог науки. Синтез знаний: новый этап // IV чтения памяти акад. Б.М.Кедрова: Тез. Всесоюзн. науч. конф. (3-7.09.90 г.). – Одесса, 1990. – С. 17-18.

342. Мораль как предмет системного анализа // Общечеловеческое в морали и современность: Тез. докл. межвузовской науч. конф. – Иваново, 1990. – С. 12-15.

343. Анализ операций как средство изучения динамики систем // Философия: вопросы методологии и логики: Научн. труды Латв. ун-та. – Вып.551.– Рига, 1990. – С. 143-170.

344. К проблеме специфики изучения философии в условиях перестройки // Методологические проблемы преподавания философии в условиях перестройки работы высшей школы: Тез. выступл. на обл. конф. (Одесса, 19-20 ноября 1990 г.) – Одесса, 1990. – С. 10-12.

345. Философия как форма общественного сознания и задачи ее развития в условиях перестройки // Философия и ее место в культуре. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 17-30.

346. *Новик И. Б., Уемов А. И.* Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 172-174.

1991 год

347. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Соотношение философского и научного знания с системной точки зрения // Актуальные проблемы гуманитарной подготовки студентов: Материалы региональной межобл. научно-метод. конф. (Одесса, 28-29.03.1991 г.) – Одесса, 1991. – Секция 2. – С. 45-46.

348. Теоретико-системный подход к проблеме внеземных цивилизаций // Философия, человек, перестройка: Тез. докл. конф. (21-22 мая 1991 г.). – Кишинев, 1991. – С. 19.

349. Морехозяйственный комплекс. Том I. Гл. Ред. Буркинский Б.В.(Гл.1, пар.3,4,5 (совм. с В.А.Дергачевым), гл.8, пар.2 (совм. с В.Н.Степановым, Л.А.Кругляковой)). – Киев, Наукова думка, 1991. – Сс. 25-44, 207-216.

350. Общая теория систем и неклассическая логика // Logic and application, vol.1. – First international symposium on Logic and Application. (Varna, May-June 1991). – Sofia, 1990. – S. 36-38.

351. *Уемов А. И., Терентьева Л.Н.* К проблеме философской культуры полемики. (В.Ильин против В.Оствальда.) // Мировоззрение и научное познание: Тез. докл. XIV Всесоюз. теоретич. семинара. (Переяславль-Хмельницкий, 30 сентября – 4 октября 1991 г.). – Киев – Переяславль-Хмельницкий, 1991. – С. 69-70.

352. *Сумарокова Л. Н., Уемов А. И.* Демократическая революция и новый стиль мышления // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 7. – С. 19-37.

1992 год

353. *Уйомов А. І., Савусін М. П.* Системний підхід до організіції до- сліджень з проблеми гармонізації життєдіяльності людини в екстремальних екологічних умовах // Природа і культура: Тези теор. семінару (Луцьк, травень 1992 р.) – Ч.2. – С. 94-95.

354. Морская аквакультура: экономика, организация, планирование, управление. – Ред. Б.В. Буркинский. – Киев: Наукова думка, 1992. (Гл. 1. Системные основы технологии программно-целевого планирования.).

355. *Кочергин А. Н., Плесский Б. В, Уемов А. И.* Философский лабиринт: задачи и упражнения по философии. – М.: МГУ, 1992. – 174 с.

356. Гетманова А. Д., Панов М. И., Никофоров А. Л., Бузук Г. Л., Уемов А. И. Логика. – М.: Проме тей, 1992. – С. 92-112. (Индукция. Аналогия.).

357. *A. Uyemov, G Shtakser*. The Aristotle's Types of Essences and Fregean Discerning between Sense and Meaning // Frege's and Hilbert's Heritage in the XXth Century. Logic, Philosophy and Mathematics: Abstracts of All-Russian conference. (Svetlogorsk, Sept.22-25, 1992). – Kaliningrad, 1992. – P. 22.

358. System Approach to the Problem of Technology Assessment // Preceeding of the International Seminar "Technology Assessment and its Role in Procecces of Society Transformations in Control and East European Countries. (October 1992, Prague.) – Prague, 1992. – P. 91-96.

359. Теоретико-системные аспекты дифференциации научного знания // Философская и социологическая мысль. – 1992. – № 11. – С. 70-94.

1993 год

360. *Уемов А. И., Сараева И. Н.* Метод аналогий как основа прогнозирования развития социально-экономических систем. Препр. научн. доклада. – Одесса, 1992. – 98 с.

361. К проблеме логического анализа натурального языка // Logic and Application. – Vol.3. – Sofia, 1992. – P. 178-181.

362. Теоретико-системный подход к анализу нового мышления // Мировоззренческие ориентиры мыслительной

культуры. – К.: Наукова думка, 1993. – Гл.1. – Пар.3. – С. 24-26.

363. Аналогия в науке, технологии и формальной логике // XIX World Congress of Philosophy. (Moscow 22-28.08.1993.) Сборник резюме. – Секция 4. – Москва, 1993.

364. *Уемов А. И., Савусин Н. П.* Теоретико-системный подход к построению классификации конфликтов // Теория, методология и практика научного и технического творчества: Материалы междунар. научно-практической конференции. – Одесса, 1993. – С. 125-128.

365. *Уйомов А.І.* Системний підхід до організації виховної роботи в позанавчальний час // Формування загальнолюдських ціннісних орієнтацій, соціального і гуманістичного мислення у студентів у позанавчальний час. (Одеса, вересень 1993 р.): Тези доповідей. – Київ, 1993. – С. 26-27.

1994 год

366. Б. М. Кедров: путь жизни и вектор жизни. Выступление // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 47-51.

367. Parametric General systems Theory and the Estimation of Proposals for Mankind's Survival Proceeding of the 38 annual Meeting of ISSS. – V.1. – Pacific Grove. – California, 1994. – P. 247-259.

368. К проблеме логического анализа понятия операции в рамках языка тернарного описания // Научная конференция: Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. (16-17 июня 1994 г.): Тез. докл. – Спб., 1994. – С. 98-100.

369. *Савусін М. П., Уйомов А. І.* Заходи по запобіганню міжнаціональних конфліктів Одеським рухом // Народний рух України: місце в історії та політиці. Тези доповідей Першої Всеукраїнської конференції. – Одеса, 1994.

370. Циклические системы и общесистемные методы их исследования // Циклические процессы в природе и обществе. – Ставрополь, 1994. – С. 95-96.

371. Системный подход к проблеме классификации наук и научных исследований // Философски алтернативи. – София, 1992. – № 7,8. – С. 79-89.

372. Системный подход как форма математизации современного научного знания. // Ergo... Вып. 1. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. – С. 101-108.

1995 год

373. К проблеме альтернативы теоретико-множественному подходу в построении логических систем // XI Международная конференция: Логика, методология и философия науки. – Москва-Обнинск, 1995. – С. 80-84.

374. *Гетманова А. Д., Никифоров А. Л, Панов М. И., Уемов А.И, Яшин Б. Л.* Логика. Учебник для 10-11 классов. – М., 1995. – 252 с. (Индукция и аналогия, с. 137-150.)

375. Предисловие к кн.: Дергачев В.А. Концепция маргинальной комплиментарности. – Одесса, 1995. – 1 с.

376. *Глушков В. Е., Сараева И. Н., Уемов А. И.* Теоретико-системный анализ предмета экологии и перспектив ее развития // Экономология. Истоки, проблемы и перспективы. – АНУ, ИПРЭИ, 1995.

377. К проблеме философии времени // Проблеми психології часу: Тез. конференции. – Одесса, 1995. – С. 33-35.

378. *Уемов А. И., Цофнас А. Ю.* Личность в науке на фоне экономического кризиса // Вестник Одесского госуниверситета. – 1995. – Вып.1. – С. 59-62.

1996 год

379. К проблеме построения эротетической логики в рамках языка тернарного описания // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. (19-21.06.96 г.) Тез. докл. – Спб., 1996. – С. 172-174.

380. The Language of Ternary Description as a Deviant Logic // Boletin da Sociedade Paranaense de Matematica. – 1995. – Vol.15. – № 1-2. – Pp. 25-35.

381. Моделирование "здоровья" и "болезней" науки // Наука и Науковедение. – 1996. – № 1-2. – С. 26-32.

382. Специфика региона и правомерность индуктивных выводов // Wspolnotowosc, Regionalism, Globalism. Abstracty referatow. (Warszawa, 23-25 wrzesnia.).

383. Ломоносов и философия // 285 лет со дня рождения М. В. Ломоносова: докл. на конф. – Одесса, 1996. – С. 43-48.

384. Общая теория систем и логика в анализе перспектив социального развития // Materialy Miedzynarodowej Konferencji "Wspoltczesne problemy universalismu w Europie Srodkowey i Wschodniey – Wspolnotowosc, Regionalism, Globalism. – Warszawa: Widawnictwo Polskiego Towarzystwa Uniwersalismu, 1996. – S. 111-119.

385. *Уемов А. И., Поликарпов Г. А.* Программы компьютеризации и гуманитаризации обучения в свете системного подхода. // Новые информационные технологии обучения в свете системного подхода в учебных заведениях Украины. Статьи по материалам докладов третьей Украинской научно-методической конференции. – Одесса. – 1996. – С. 100-101.

386. *Квиташ В. И., Уемов А. И.* Оптимизация параметров окружающей среды и диагностика в медицине // Вестник новых медицинских технологий. – Т.3. – № 2. – Тула. – 1996. – С. 23-29.

1997 год

387. Структура мира и логика рассуждений // Смирновские чтения: Тез. докл. междунар. конф. – М., 1997. – С. 140.

388. Основы практической логики с задачами и упражнениями. – Одесса: ОГУ, 1997. – 388 с.

389. К характеристике системного мышления // Філософські пошуки.Філософський метод: перед лицем нових парадигм. Львівська філософська спілка. – Львів – Одеса: Вид. "Центр Європи", 1997. – С. 41-51.

390. Uyemov A.I. System Approach to the Problem of the Classification of Sciences and Scientific Researches // Issues and Images in the Philosophy of Science. Boston Studies in the Philosophy of Science. – Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Boston, London. – 1997. – Pp. 377-390.

391. Системный подход к теории аргументации // Перспективы. – № 1 Одесса, 1997.

392. К характеристике системного мышления // Категории. № 3. – М., 1997.

393. Структура мира и логики рассуждений // Международная конференция "Смирновские чтения". – М., 1997.

394. Экологический кризис и Проблема мирового разума // Международная конференция "Шанс миру". – Одесса, 1997.

395. *Сараева И. Н., Уемов А. И.* К проблеме взаимоотношения и интеграции системных теорий // Системные исследования: Методологические проблемы. – М., 1997.

396. Системная парадигма в анализе философских проблем // Первый Российский философский конгресс. Человек – Философия – Гуманизм. Т. 3. – С.-Пб., 1997.

1998 год

397. *Uyemov A. I.* The Lvov-Warsaw School and the Problem of a Logical Formalism for General Systems Theory. // The Lvov-Warsaw School and the Contemporary Philosophy, 1988. Kluwer Academic Publishers, pp. 355-363.

398. *A. Uyemov*. The Language of Ternary Description as a Deviant Logic, part III, Bol Soc. Paran. Mat. V.18, №1-2 (1998).– P. 173-190.

399. Использование языка тернарного описания для определения меры целостности систем. Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке // Материалы V общероссийской научной конференции. – СПб, 1998.

400. Типы универсального в языке тернарного описания // Abstracty refereton zgloszonych na II Miedzynarodowa Konferencje "Wspolnotowosc regionalism, Europejstosc, Globalism." – Warszawa, 1998.

401. К построению теоретико-системной грамматики: принятие решений в процессе проектирования // Наукове пізнання. Вип.1,2. – Одесса, 1998.

1999 год

402. О проблеме классификации наук и научных исследований // Научная сессия МИФИ: Сборник научных трудов. – Москва,1999.

403. Язык тернарного описания как формализм общей теории систем // 11 Международный конгресс по кибернетике и системам: Труды конференции, август 1999, Брюнельский ун-т. – Оксбридж, Англия, 1999. (На англ. яз.).

404. *Уемов А. И.*, (в соавторстве). Репрессии как форма "общения" государства с населением. // "Круглый стол" Одесской обл. редколлегии научно-документальной серии книг "Реабилитированные историей". Одесский мартиролог. Т.2. Одесса, 1999. – 0,2 п. л.

405. *Uyemov A. I.* The Ternary Description Language as a Formalism for the Parametric Systems Theory: Part I. Int General Systems. Vol. 28. – New York, 1999.– P. 351-366.

406. Уемов А.И. Применение системного подхода к формированию сознания личности // Духовність і культура у формуванні особитості та відродженні національної самосвідомості. Одеська державна наукова бібліотека ім. М.Горького.// Матеріали міжн. наук. конф. Одесса, 1999.

407. Системный анализ тоталитарного массового сознания. // Одесский мартиролог. Т.2, Одесса, 1999, с. 707-712.

2000 год

408. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Негоциант, 2000. – 160 с.

409. Системный подход в инноватике. // Экономика XX в. – №1. – М., 2000 (в соавт.).

410. В. Ф. Асмус глазами его аспиранта. // Философские науки. – № 3-4. – М., 2000.

411. Я был аспирантом Асмуса. // Человек. – №2. – М., 2000.

412. Универсализм и целостность. Abstracty referatow s referaty nadeslane na III Miedzynarodowa Konferencje: Wspolnotowosc, regionalism, globalism. Warszawa, 2000.

413. Системный подход к классификации наук и научных исследований // Философские науки, 2000, №2, с. 87-101.

414. Проблема формализации тектологических понятий. // Тектологический альманах. Вып. 1, М., 2000, с. 139-161.

415. Проблема целостности в универсализме.// Materialy III Miedzynarodowej Konferencji PTU: Wspolnotowosc, Regionalism, Globalism. 25-28 wrzesnia 2000 roky, – Warszawa 2000, S. 95-107.

2001 год

416. *Уёмов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю.* Общая теория систем для гуманитариев. – Warszawa: Universitas Rediviva , 2001. – 276 с.

2002 год

417. К проблеме построения модальной логики в рамках языка тернарного описания // Современная логика. Материалы VII общероссийской научной конференции 20-22 июня 2002 г.

418. Філософія і наука в системному підході // Філософська думка, 2001, № 1. – с. 19-40.

419. Філософія – це засновок науки чи скандалу? // Філософська думка, 2001. – № 1.– С. 3-4.

420. Застосування загальної теорії систем у гносеології. Рецензія на книгуА. Ю. Цофнаса «Теория систем и теорія познания».– <…> – С. 155 – 158.

421. Противоречия и логика // III российский философский конгресс. «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия» Материалы Третьего Российского философского конгресса (16-20 сентября 2002 г.): Т. 1. Ростов-на-Дону, 2002.– С. 294-295.

422. *Uyemov A. I.* The Ternary Description Language as a formalism for the parametric Systems theory: Part II. Int General Systems. 2002, Vol. 31 (2).– P. 131–151.

2003 год

423. *Уемов А. И., Лабутина Н. В.* Философское значение атрибутивных системных параметров // Вопросы философии, 2003, № 2.– С. 77-89.

424. Свойства, системы и сложность // Вопросы философии, 2003, № 6, с. 96 – 110.

425. Modern aspects of aristotle's teachings on time // Φιλοσοφια τομοσ, 32 / 2002.– С. 174-184.

426. Гуманизация и формализация // Материалы международной научной конференции «Філософські проблеми гуманізації освіти».– Одеса, 2003.– С. 13-15.

427. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова М.: Республика, 2001. (7-е издание, переработанное и дополненное). Статьи: Аналогия; Асмус; Определенное, неопределенное, произвольное.

428. Ломоносов и философия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия, 2003, № 5.– С. 123-128.

429. Uyemov A.I. The Ternary Description Language as a Formalism for the Parametric Systems Theory: Part III. Int General Systems. Vol. 32(6). – New York, 2003, p. 583-623.

430. Рецензия на книгу К. Поппера Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути.

Отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.– 384 с.

431. Индивидуализм, рационализм и универсализм в контексте системного подхода // Wspólnotowość i Postawa Uniwersalistyczna. Roczniki PTU.– Warscawa, nr 3/2002-2003.– S. 107-112.

2004 год

432. Категории метафизики и метафизика категорий. // Byt i jego pojecie / Rzeszow (Polska), 2003,, 309 – 319.

433. *Любинская Л. Н., Уемов А. И.* Великие открытия Анри Пуанкаре. К 150-летию со дня рождения // Вестник РАН.– 2004.– №4.– С. 331.

434. Язык тернарного описания как новый вариант неклассической логики // Современная логика. Материалы VIII Общероссийской научной конференции. 24-26 июня 2004. СПб, 2004.– С. 437-440.

435. Воспоминания о Б.М.Кедрове // Вопросы философии, 2004, № 2.– С. 44-46.

436. Системный подход к определению культуры и цивилизации // Вісник Донецького державного університету економіки і торгівлі. Серія: Гуманітарні науки. – 06/2003. – N2. – С.36-43.

437. *Sergei V. Lepilin, Lada N. Lyubinskaya, Avenir I. Uyemov*. Aristotle and the problem of Time // Revue roumaine de philosophie, Tome.– 47/2003, No l-2.

438. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 37-52.

439. Формализация закона движения механики Аристотеля средствами языка тернарного описания. // Научные труды ОАИФЕТН, Одесса, 2003.– С. 96-101.

2005 год

440. *Уемов А. И., Штаксер Г. В.* К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник.2004.– М.: Едиториал УРСС, 2004.– С. 7-33.

441. Философские проблемы и их экспликация в языке тернарного описания // IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» 24-28 мая 2005 г., г. Москва.– С. 533-534.

442. Ценности и их система // ΣΟΦΙΑ, 4/2004.– С. 299-300.

443. Системное представление ценностей и его анализ // Rzeszow, 2005.– С. 28-42.

444. Красный террор как система // Одесский мартиролог. – Одесса: ОКФА, 2005. – Т. 3. – С. 795–808.

445. Воспоминания о Б. М. Кедрове // Бонифатий Михайлович Кедров: Очерки. Воспоминания. Материалы. – М.: Наука, 2005– С. 570-579.

2006 год

446. Классы, свойства и принцип "*Nota notae"* // II Міжнародна науково-практична конференція «Логіка та багаторівнева система освіти», 2006.– С. 131-133.

447. Принцип синтаксического приоритета в языке тернарного описания // Материалы IX Международной конференции «Современная логика: проблемы теории и истории».– СПб, 2006.– С. 328-329.

448. *Уемов А. И., Любинская Л. Н.* Общая теория систем и понятия состояния // Философские исследования,– 2006. № 3-4.– С 5-12.

449. Системный подход к проблеме классификации ситуаций // Ситуационные исследования: Вып. II. Типология ситуаций / По материалам всероссийского семинара.– Казань: Гос. техн. ун-т, 2006.– С. 11-18.

450. *Avenir Uyemov*. Autobiography // International Academy for Philosophy, No. 13 (November 2006), new 5, view 3, p. 68 – 74.

451. General systems theory and perspectives of the philosophical development in the 21 century // International Academy for Philosophy, No. 13 (November 2006), new 5, view 3, p. 68 – 74.

2007 год

452. Математические и логические формализмы общей теории систем // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции 15-16 июня 2007. – М.: Изд. Савин С.А., 2007. С. 75-77.

453. *Уёмов А. И., Леоненко Л. Л., Цофнас А. Ю.* О философской и логической «девиантности» языка тернарного описания (ЯТО) // Философия математики. Актуальные проблемы: Материалы междунар. науч. конф. – М: Изд. Савин С.А., 2007. – с. 114-116.

454. Медный всадник. Храм // «Меценат и Мир». Литературно-художественный и культурологический журнал, № 29 – 30 – 31 – 32 (2006).

455. К проблеме системного анализа понятия иерархии // Динамика и развитие иерархических (многоуровневых) систем: Теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (ТТТПУ, АН РТ, ИЭУП, РИРОО). / Под общей редакцией проф. Э.М. Хакимова. – Казань: Изд-во ТГТТТУ, 2007. – С. 328.

456. Общая теория неоднородности и синергетика. (Рецензия на коллективную монографию "Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем").– Казань: Изд-во Казанского гос. техн. ун-та, 2006.<…>

457. Исповедь именинника. Ответ на статью В. Н. Гурьянова «Общее, теории систем А. И. Уемова и М. Месаровича. Критические замечания» // Философские

исследования, 2007, № 3-4, с. 135-140. (+Гурьянов В. Н. Ответ на статью А. И. Уёмова «Исповедь именинника»).

458. Системный анализ интерьера: гендерный аспект // Вестник Одесского национального университета. – Т. 12.– Вып 13. Философия.– 2007 г.

459. Язык тернарного описания как формализм общей теории систем. Часть 1. / Пер. с англ. // Вестник ОНУ. Т. 12. Вып. 15. Одесса, 2007.– С. 105-117.

2008 год

460. Монарные атрибутивные системные параметры в параметрической общей теории систем. // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб. трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова / Под ред. А. Ю. Цофнаса.– Одесса: Астропринт, 2008.– С. 24-36.

461. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 91-97.

462. Философский анализ основных типов научного знания. Часть 1. Категории Аристотеля и основные типы научного знания. // Філософські пошуки".– Вип. XXVII. – Львів-Одеса: «Центр Європи», 2008. – С. 12-25.

463. Некоторые вопросы развития современной логики // Ученые записки Таврического национального университета им.В. И. Вернадского.– Серия «Философия. Социология».– Т. 21 (60).– № 3. – Симферополь, 2008.– С. 166-172.

464. Анализ логической аналогии отношений в рамках языка тернарного описания. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.– Серия «Философия. Социология».– Т. 21(60).– № 3. – Симферополь, 2008 .– С.190–194.

2009 год

465. Философский анализ основных типов научного знания. Часть 2. Категории Аристотеля и основные типы

научного знания. // Філософські пошуки".– Вип. XXIX.– Львів-Одеса: "Центр Європи", 2009. – С. 100-115.

466. Теоретико-системные аспекты философского учения о бытии // Казань, ТГПУ, 2009. <…>

467. Лекции по метафизике: в 2 ч. / Одес. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. — Одесса.: Астропринт, 2009. – 164 с.

468. Системно-параметрическая характеристика формул классической логики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Т. 21 (60), № 4, 2008.– С. 227-234.

469. К проблеме постматематической стадии развития логики // Вісник Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова, Т. 14, Вип. 21, Одеса, 2009 р. <…>

470. Лекции и задачи по метафизике. В двух частях. Часть I. *Уёмов А. И.*, Лекции по метафизике.– 162 с.; Часть II. *Терентьева Л. Н.* Вопросы, упражнения, тесты. – Одесса.: Астропринт. 2009.– 120 с.

2010 год

471. Сравнение аналогий по степени аналогичности // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы международной научной конференции.– Спб.–2010 г., 24–26 июня, с. 253–256.

472. Системный анализ остроумия. Філософські пошуки. – Львів–Одеса, 2009. –Центр Европи, с. 24–35.

473. К обоснованию дескрипторного определения понятия системи. // Сб научн. трудов по матеріалам научно-практической конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте».– 2010, №7, С. 26–28.

474. *Уёмов А. И., Терентьева Л. Н.* Системный анализ развития научного знания как форма методологической рефлексии науки. // Развитие и динамика иерархических (многоуровневых) систем. – Казань, 2010.– С. 16–23.

475. Теоретико–системные аспекты философского учения о бытии. // Экологическое образование и воспитание как факторы социального, экономического и нравственного развития общества.– Казань, 2009. – С. 78-82.

476. Метафизика. Учебное пособие.– Одесса, Астропринт, 2010. – 258с.

2011 год

477. Выводы по аналогии и значение атрибутивных системных параметров. // Учёные записки Таврического национального университет им. В.И. Вернадского.– Т. 24 (63). № 1. Философия, культурология, политология, социология.– Симферополь, 2011.– С. 278-286.

478. *Уёмов А. И., Терентьева Л. Н. Тихомирова Ф. А., Чайковский А. В*. Философия науки: системный аспект. Учебное пособие для преподавателей, аспирантов, магистров философских и нефилософских специальностей.– Одесса: Астропринт, 2010.– 360 с.

Разделы книги, подготовленные *А. И. Уёмовым*:

1) О природе философского знания. – С. 45-47.

2) Выступление на совещании, посвященном памяти академика Б. М. Кедрова, состоявшемся в редакции журнала «Вопросы философии» в ноябре 1993г.– С. 112-119.

3) Системный поход к проблеме классификации наук и научных исследований. – С. 120-136.

4) Философский анализ основних типов научного знания. – С. 136-150.

5) Основные типы научного знания. – С. 150-165.

6) Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема применения системного похода к демаркации научного знания. – С. 203-214.

7) Некоторые вопросы развития современной логики. С. 214-223.

8) Системный анализ развития научного знания как форма методологической рефлексии науки. (в соавторстве с *Л. Н. Терентьевой*).–С. 223-230.

479. Дифференциация неопределённых и определённых предметов в рамках ЯТО. // Ученые записки Таврического университета им. В.И.Вернадского.– Том 24 (63).– №3-4. Философия. Культурология. Политология. Социология. – Симферополь. 2011. – С. 328 - 330.

Примечания для авторов:

А. И. Афанасьев – доктор филос. наук (2013, научн. консультант Цофнас А.Ю.), профессор кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

С. Г. Воробьев – старший преподаватель каф. философии естественных факультетов ОНУ им. И. И. Мечникова.

В. В. Готинян-Журавльова – канд. філос. наук (науковий керівник – Терентьєва Л. М.), доцент кафедри філософії природничих факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

А. С. Демичева – аспирантка кафедры философии и методологии науки Башкирскго государственного университета.

И. В. Дмитревская – Сведения об авторе содержатся в статье

Д. С. Докучаев – канд. филос. наук, ответственный секретарь сетевого научного издания «Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований».

A. Góralski – prof., dr hab. filozofii, matematyk, metodolog, heurysta i pedagog, przewodniczący Polskiego Towarzystwa Uniwersalizmu, twórca Zakładu Metodologii i Pedagogiki Twórczości APS, inicjator i kultywator teorii twórczości (m.in.: Twórcze rozwiązywanie zadań, wyd. II, uzupełnione, PWN 1989; Teorija tvorčosti, Kamieniar, Lwów 2002; Teoria twórczości, eseje filozoficzne i pedagogiczne, WAPS 2003; Teorija tvorčestva, Nevskij Prostor, St. Petersburg 2004) oraz pedagogiki twórczości (m.in.: Pravila treningu tvorčosti, VNTL, Lwów 1998; Pravily treningu tvorczasci, Logvinou, Mińsk 2005; Reguły treningu twórczości (wyd. II, poszerzone). WAPS 2010), redaktor naczelny międzynarodowego pisma naukowego Wspólnotowość i postawa uniwersalistyczna.

Е. М. Иванова – канд. филос. наук (2013 г., научн. рук. Цофнас А.Ю.), старший преподаватель кафедры фи-

лософии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

О. С. Кирилюк – доктор філос. наук, завідувач кафедри філософії Одеського філіалу Центру гуманітарної освіти Національної академії наук України.

О. В. Лавренцова – аспирантка кафедры философии естественных факультетов ОНУ имени И. И. Мечникова.

Л. Л. Леоненко – доцент каф. информационных технологий Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова; ученик А. И. Уёмова, под его руководством защитил кандидатскую диссертацию; был многолетним сотрудником А. И. Уёмова в отделе системных исследований Одесского филиала Института экономики и активным участником разработки языка тернарного описания.

Д. Н. Ляшенко – канд. филос. наук (2014 г., научн. рук. Цофнас А.Ю.), ассистент кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.

Э. И. Мартынюк – канд. филос. наук, доцент, руководитель научно-исследовательского центра «Компаративистские исследования религии» философского факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

О. В. Наконечна – канд. мистецтвознавства, доцент кафедри культурології філософського факультету ОНУ імені І.І.Мечникова.

С. М. Недопитанська – аспірантка кафедри філософії природничих факультетів Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова, науковий керівник А. І. Уйомов.

А. А. Нерубасская – Кандидат филос. наук (научный руководитель Терентьева Л. Н.), доцент кафедры философии Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова.

С. О. Павлюк – аспирантка кафедры философии естественных факультетов ОНУ им. І. І. Мечникова; на первом

году аспирантуры ее научным руководителем был А. И. Уёмов.

Е. С. Петриковская – канд. филос. наук,, доцент кафедры философии естественных факультетов ОНУ им. И. И. Мечникова.

Б. В. Плесский – канд. философских наук, доцент каф. философии Одесского национального политехнического университета; был одним из первых аспирантов А. И. Уёмова.

С. М. Повторева – доктор філос. наук, професор кафедри філософії Національного Університету „Львівська політехніка". А. І. Уйомов був опонентом на захисті її докторської дисертації.

Е. Ю. Погонченкова – аспирантка кафедры философии естественых факультетов философского факультета ОНУ им. И. И. Мечникова.

Ю. В. Попова – аспирантка кафедры философии естественных факультетов ОНУ; её научный руководитель – Л. Н. Терентьева.

К. В. Райхерт – канд филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии естественнонаучных факультетов ОНУ им. И. И. Мечникова; один из последних аспирантов А. И. Уёмова.

Н. П. Савусин – методист информационно-методического центра Департамента образования и науки Одесского городского совета; ученик и многолетний сотрудник А. И. Уёмова в Одесском филиале Института экономики АН Украины.

Л. Н. Сумарокова – доцент каф. философии Национального университета «Одесская юридическая академия»; бывшая студентка и аспирантка А. И. Уёмова, защитила под его руководством кандидатскую диссертацию (1966 г.).

Л. Н. Терентьева – доктор филос. наук, профессор кафедры философии Одесского национального университета

(ОНУ) им. Мечникова; одна из первых аспиранток А. И. Уёмова, а затем и его супруга.

Е. А. Тимощук. – преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Владимирского филиала Нижегородского государственного лингвистического университета.

Ф. А. Тихомирова – канд. филос. наук (научн. рук. – ученик А. И. Уёмова А. В. Чайковский), доцент кафедры философии естественных факультетов ОНУ им. Мечникова.

В. И. Фалько – канд. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет леса». Иные сведения о себе автор сообщает сам – см. ниже. Здесь эпическая поэма публикуется с сокращениями, а полностью с ней можно ознакомиться в Интернете.

В. А. Филипповский – Сведения о себе автор сообщает в этой статье.

Э. М. Хакимов – доктор филос. наук, профессор Казанского поволжского федерального университета.

А. Ю. Цофнас – профессор каф. философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета; бывший аспирант А. И. Уёмова, под его руководством защитил кандидатскую (1973 г.) и докторскую (1999 г.) диссертации

Е. Н. Шелестова – искусствовед Одесского музея Западного и восточного искусства, зав. отделом «Музей–квартира Олега Соколова».

Г. В. Штаксер – канд. философских наук; ученик и сотрудник А. И. Уёмова в Одесском филиале Института экономики АН Украины.

И. А. Янушевич – канд. философских наук (научный руководитель – А. Ю. Цофнас), доцент кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета.